

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР

Отделение этнографии

ДОКЛАДЫ ПО ЭТНОГРАФИИ

Выпуск 5

ЛЕНИНГРАД

1967

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР

Отделение этнографии

ДОКЛАДЫ ПО ЭТНОГРАФИИ

Выпуск 5

ЛЕНИНГРАД

1 9 6 7

Ответственный редактор

С.И.РУДЕНКО

В настоящем выпуске публикуются доклады по различным вопросам этнографии народов СССР.

В докладе Л.Н.Гумилева "Несторианство и древняя Русь" исследуются культурные связи народов средневековой Азии и Европы. Выявляется роль несторианского христианства в истории Руси и во взаимоотношениях русских с соседними народами. Приводятся некоторые соображения о датировке "Слова о полку Игореве", в дополнение к ранее опубликованным работам автора по этому вопросу.

Г.Г.Громов в докладе "География пахотных орудий русских крестьян в XIX в." прослеживает зависимость форм крестьянских пахотных орудий от физико-географических условий и, в связи с этим, высказывает ряд соображений об истории сельского хозяйства в Европейской России.

В докладе А.А.Шенникова "О происхождении и назначении повалуши" разбирается один из спорных вопросов истории русской усадьбы XII — начала XVIII вв.; выясняется значение военных факторов в эволюции некоторых типов усадеб и построек.

Доклад Г.А.Соколовой "Верования крестьян Вологодской губернии конца XIX века" посвящен изучению пережитков дохристианских верований у крестьян северной России.

И.Н.Уханова в докладе "Некоторые замечания об архитектурной резьбе по дереву Волжско-Окского междуречья" выясняет детали эволюции известной отрасли русского крестьянского искусства — архитектурной фасадной резьбы — в центральных областях России в XIX веке.

В докладе Н.А.Федоровой-Дылёвой "Охота у русских на Севере" публикуются сведения о лесных охотничьих промыслах крестьян Архангельской и Вологодской областей, по личным наблюдениям автора в конце 1930-х годов.

Небольшое сообщение Г.В.Шипуновой "Народное искусство коми", публикуемое посмертно, содержит некоторые сведения о художественной резьбе по дереву в Коми АССР, в том числе о своеобразных и до сих пор неизвестных ижемских резных веретёнах.

Доклад А.С.Безжовича "Современный этнический состав населения Краснодарского края" является продолжением ранее опубликованной работы об истории заселения Кубани и содержит подробный разбор спорных вопросов, связанных с современными этническими процессами в этой местности.

А.А.ШЕННИКОВ

Л.Н.ГУМИЛЕВ

НЕСТОРИАНСТВО И ДРЕВНЯЯ РУСЬ

(Доложено на заседании отделения 15 октября 1964 г.)

"Je n'ais pas des textes!"

"Mais vous avez des faits et des idées".

Из лекции академика В.М.Алексеева
в 1946 г.

Когда мы произносим слово "Византия" без каких бы то ни было пояснений и добавлений, то содержание понятия бывает различным. Может оказаться, что Византия — это Восточная Римская империя, реликт былого величия, на протяжении 1000 лет стремившийся к упадку. Так понимали термин "Византия" и Гиббон, и Лебо, называвший это государство *Bas-Empire*, и у нас Владимир Соловьев. Может быть, под этим термином подразумевается греческое царство, возникшее как антитеза душной, выродившейся античности, имевшее свои собственные ритмы развития, свои светлые и теневые стороны. Такой видели Византию Успенский, Кулаковский и Шарль Диль. А может быть, Византия — просто огромный город, средоточие торговли и образованности, воздвигшийся на берегах голубого моря и окруженный выжженными горами, где полудикое население веками пасло коз и снимало оливки и виноград. Это тоже закономерное понимание термина. Но мы в нашей работе хотим использовать его четвертое значение: Византия — культура, неповторимая и многообразная, выплеснувшаяся далеко за государственные границы константинопольской империи. Брызги ее золотого сияния застывали на зеленых равнинах Ирландии (Иоанн Скотт Эригена), в дремучих лесах Заволжья (Нил Сорский и нестяжатели), в тропических нагорьях вокруг озера Цана (Абиссиния) и в Великой Евразийской степи, о которой и пойдет речь.

В таком понимании термина, Византия — не только город и

страна, и даже не только халкедонское исповедание, но целостность, включающая в себя равно православных и еретиков: монофизитов и несториан, христиан и гностиков, маркионитов и манихеев, о которых тоже будет упомянуто. То, что перечисленные течения мысли боролись между собой, не противоречит предложенному значению термина, ибо идейная, да и политическая борьба,— тоже вид связи, форма развития. Споры не разъединяли представителей перечисленных учений, а скорее объединяли их, потому что язык употребляемых понятий был одним. Такую систему физики называют неустойчивым равновесием.

В 277 г. в Гунди-Шапуре принял мученический венец мыслитель и писатель Мани, объявивший себя наследником Христа и Параклетом (Утешителем). Его последователи были вынуждены бежать из Персии, но на западе манихейство подверглось жестокому гонению и ушло в подполье ¹/. На востоке манихеи нашли приют в Трансоксании и в оазисах вдоль великого караванного пути ²/.

В 431 г. на вселенском соборе в Эфесе был предан анафеме константинопольский патриарх Несторий, неосторожно заявивший, что "у Бога нет матери". Его победители немедленно вступили в борьбу между собой, но как монофизиты, так и халкедониты были нетерпимы к несторианству. Особенно обострилась вражда после 434 г., когда на соборе в Бит-Запате несторианство было признано господствующим исповеданием персидских христиан. Поддержка персидского шаха для византийских несториан оказалась роковой. В 489 г. император Зинон подтвердил осуждение несториан и закрыл эдесскую школу, где несториане преподавали свое учение. Школа переехала в Персию, в Низиб, а в 499 г. в Ктезифоне возникла несторианская патриархия, расцветшая в VI в. ³/.

¹/ F.Cumont, La propagation du manicheism dans l'Empire Romain, Poissy, 1909.

²/ В.Бартольд, О христианстве в Туркестане в до-монгольский период, СПб., 1893, стр. 6, 18.

³/ Н.Пигулевская, Мар Аба I,—"Советское Востоковедение", у, М.-Л., 1948.

Из Персии несториане широко распространились по восточной Азии. В VI в. христиане не без успеха проповедовали свою веру среди кочевых тюрок. Тюрки, захваченные в плен византийцами в битве при Балирате в 591 г., имели на лбах татуировку в виде креста и объяснили, что это сделано по совету христиан, живших в их среде, чтобы избежать моровой язвы ^{4/}. Этот факт отнюдь не говорит о распространении христианства среди кочевых тюрок VI в., но позволяет констатировать нахождение христиан в степи.

В 635 г. несторианство проникло в Китай и было встречено правительством весьма благожелательно ^{5/}. Первые императоры династии Тан, Тайцзун и Гаоцзун, покровительствовали христианам и позволяли им строить церкви. Во время узурпации престола императрицей У, связанной с буддистами, на христиан было воздвигнуто гонение, но узурпаторша была быстро лишена власти сторонниками династии Тан. В 714 г. император Сюаньцзун указом запретил в империи Тан буддизм, а в 745 г. разрешил проповедь христианства ^{6/}. С этого времени несторианство начало распространяться в Джунгарии, находившейся под контролем империи Тан, и обретать неофитов среди кочевников, главным образом басмалов, но довольно долго его успехи были минимальны.

До тех пор, пока громада тюркского каганата заполняла центрально-азиатскую степь, а тюркешские ханы держали в своих руках Семиречье ^{7/}, — среди кочевников не возникало необходимости для пересмотра идеологических принципов. Мудрый Тоньюкук воспрепятствовал пропаганде буддизма на том основании, что "учение Будды делает людей слабыми и челове-

^{4/} Феофилакт Симокатта, История, М., 1957, стр. 130-131.

^{5/} P. Pelliot, Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient, T'oung Pao, 1914.

^{6/} Например: Р. Хенниг, Неведомые земли, II, М., 1961, стр. 105. P. Y. Saeki, The nestorian documents and relics in China, Tokio, 1951, p. 457.

^{7/}

R. Grousset, L'Empire des steppes, Paris, 1960, p. 158-164.

колюбивыми" ^{8/}, а торгошский хан Сулу ответил послу халифа Хишама (724-743): "Среди моих воинов нет ни цирюльников, ни кузнецов, ни портных; если они сделаются мусульманами и будут следовать предписаниям ислама, то откуда же они добудут себе средства к жизни" ^{9/}. Воинственным степникам принципы городской, регламентированной религии были чужды.

Но как только пали оба каганата (744-745 гг.), положение изменилось радикально. Старое мировоззрение, — племенной культ Неба-Земли и духов-предков, — оказалось скомпрометированным, а поборники его физически уничтожались. Победители-уйгуры легко воспринимали новые идеи, приносимые, главным образом, из Ирана. Вторая половина VIII в. была переломной эпохой в формировании мировоззрения центрально-азиатских кочевников. Жестокие распри между родами развалили торгошский каганат, но столь же беспощадная внутренняя война в Уйгурсии закончилась созданием крупной державы, и конфессиональный момент сыграл здесь важную роль.

Для начала коснемся политической истории. С 747 г. Уйгурсию раздирала внутренняя война, перипетии которой описаны в надписи Мойнчура ^{10/}. Хан Мойнчур был вынужден завоевывать свою страну, причем против него выступали и вельможи, и народные массы, и соседние племена: татары и кидани на востоке, чики и кыргызы на севере, карлуки и торгоши на западе. Последних поддерживала какая-то группа собственно уйгуров, боровшаяся с ханом и названная в тексте надписи "Уч-Ыдук", в переводе — "Три святых", что, по нашему мнению, означает христианскую общину, почитающую Троицу, ибо в контексте тюркское слово "Ыдук" послужило адекватным переводом христианского понятия "святыня" или "воплощение божества". А если так, то в 752 г. на равнинах Джунгарии разыгрался второй акт

^{8/} Н.Я.Бичурин, Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена, I, М.-Л., 1950, стр.274.

^{9/} В.В.Бартольд, ук.соч. 1893, стр.9.

^{10/} С.Е.Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.-Л., 1959.

войны христианства с гностицизмом, причем на этот раз христианство потерпело поражение ^{11/}.

Поскольку христиане оказались противниками уйгурского хана, то после победы он склонился на сторону манихеев, которые, видимо, его поддерживали. Вскоре Уйгурия быстро превратилась в теократическую державу, где правила манихейская община ^{12/}. Хану предоставили только военные дела.

Манихеи, оказавшись у власти, проявили такую религиозную нетерпимость ^{13/}, что рассорились со всеми соседями: тибетскими буддистами и последователями религии бон, сибирскими шаманистами, мусульманами, китайцами и, уж конечно, с несторианами. Здесь мы не будем прослеживать политическую историю Уйгурии, отметим лишь, что когда эта страна была сокрушена в 840-847 гг. кыргызами, вместе с ней погибла манихейская община. Опустевшие после ухода уйгуров на юг, степи постепенно заселились монголоязычными племенами. Культурная традиция на время оборвалась, но как только восстановился кое-какой порядок, несторианство буквально затопило Центральную Азию. В 1007 г. крестились керaitы. Примерно в это же время приняли христианство тюркоязычные онгути ^{14/}, лесовики-меркиты ^{15/}, гузы ^{16/} и отчасти джикили ^{17/}. У уцелевшей части уйгуров, обосновавшихся в Турфане, Карашаре и Куче, христианство вытеснило остатки манихейства. Даже среди кара-китаев, при-

^{11/} См.: Л.Н.Гумилев, Древние турки, М., 1967 (печатается).

^{12/} E.Chavannes et P.Pelliot, Un traité manicheen retrouvé en Chine, - "Journal Asiatique", I, 1913.

^{13/} Например, они называли Будду бесом и изображали в кумирных демона, которому Будда моет ноги (Chavannes et Pelliot, p.193).

^{14/} P.Pelliot, 1914, p.630.

^{15/} R.Grousset, 1960, p.246.

^{16/} В.Бартольд, ук.соч.1893, стр. 18-19.

^{17/} Там же, стр. 19-20.

шедших в Семиречье из юго-западной Маньчжурии, оказался "некоторый христианский элемент", что дало повод для возникновения в средневековой Европе легенды о первосвященнике Иоанне ^{18/}. Кара-китайские гурханы, действительно, покровительствовали христианству, и даже в такой цитадели ислама, как Кашгар, разрешили учредить несторианскую митрополию (при патриархе Илье Ш, 1176-1190 гг.) ^{19/}. Исключением была лишь северо-восточная Монголия, где два сильных и воинственных народа, татары и монголы, остались вне возникшего восточно-христианского единства.

Но если Западная Европа почти немедленно узнала о торжестве несторианства над исламом ^{20/}, то было бы невероятно, если бы сведения об этом событии не проникли на Русь. Больше того, Черниговское княжество и Тьмутаракань были настолько тесно связаны со степью ^{21/}, что допустить полную неосведомленность их обитателей о взглядах соседей просто невозможно.

Правда, до 966 г. караванная торговля, связывавшая Центральную Азию с Европой, находилась в руках еврейских купцов-раданитов ^{22/}, но после разгрома Хазарии инициатива перешла к уйгурам-несторианам, а вместе с товарами передвигаются идеи. Хотя прямых сведений о соприкосновениях русских православных с турками несторианами нет, правильнее попытаться найти хотя бы косвенные упоминания, нежели полностью отвергать наличие русско-азиатских культурных связей в XII в. Где же они ?

^{18/} В.Бартольд, ук.соч.1893, стр.25. Ср.: Р.Хенниг, ук.соч. II, стр.441 и прим.ред.,стр.446.

^{19/} В.Бартольд, ук.соч., стр.26.

^{20/} Всего за 4 года: от Катванской битвы 1141 г., где сельджуки были наголову разбиты каракитаями, до 1145 г., когда Европа уже знала о "пресвитере Иоанне", победившем "братьев Самсардов".

^{21/} С.А.Плетнева, О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время, — КСИА, вып.99, 1964, стр.28.

^{22/} J.Needham, Science and civilisation of China, III, Cambridge, 1959, p.681-682.

В "Слове о полку Игореве" ^{23/} четыре раза упоминается загадочный персонаж "Троян".

Литература об этом слове или термине огромна, но, к счастью, сведена академиком Н.С.Державиным в систему, допускающую ее обзорение ^{24/}. Н.С.Державин выделил четыре направления толкований слова "Троян": 1) мифологическое (Буслаев, Квашнин-Самарин, Барсов): Троян — славянское языческое божество; 2) символическое (Полевой, Бодянский, Забелин, Потебня, Костомаров): Троян — философско-литературный образ; 3) историко-литературное (Вяземский, Вс.Миллер, А.Веселовский, Пыпин): общее в этом направлении — отрицание Трояна как персонажа древнерусской мысли, либо заимствование образа из византийских и южнославянских преданий о Троянской войне, либо просто увлечение "старыми словесами, найденными автором "Слова" в старых болгарских книжках" (Вс.Миллер); 4) историческое (Дринов, Максимович, Дашкевич и др.): Троян — либо римский император Траян, либо русские князья, персонифицированные в божество. Эта схема представляет интерес для истории вопроса, но для того, чтобы разобраться в самом предмете, она слишком запутана и аморфна.

Гораздо четче классификация А.Болдура ^{25/}, выделившего три варианта гипотез, бытующих на сегодня: 1) Троян — римский император Траян; 2) Троян — славянское божество; 3) Троян — русские князья XI-XII вв. (триумвират): киевский, черниговский, переяславский. Последний вариант всерьез рассматривать не стоит.

Критика этих направлений содержится в упомянутой статье

^{23/} Слово о полку Игореве, под редакцией чл.-корр. АН СССР В.П.Адриановой-Перетц, М.-Л., 1950, комментарий Д.С.Лихачева. В дальнейшем: "Слово...", страницы указаны в скобках.

^{24/} Н.С.Державин, Троян в "Слове о полку Игореве" — "Сборник статей и исследований в области славянской филологии", М.-Л., 1941, стр.25-44.

^{25/} А.Болдур, Троян "Слова о полку Игореве", — Тр.Одес. ун-та, М.-Л., 1956, стр.7-36.

А.Болдура, предлагающего свою оригинальную гипотезу: "Троян" — имя императора Траяна, перенесенное на легендарного царя Мидаса южными славянами, у которых бытует сказка, похожая на миф о Мидасе и его ослиных ушах ^{26/}. Не входя в разбор гипотезы в части, касающейся фольклора балканских славян, следует отметить, что она отнюдь не проливает света на упоминания о Трояне в контексте "Слова о полку Игореве", ни с учетом исторической обстановки описанного события (похода и разгрома Игоря), ни без него. Достаточно отметить, что с этой точки зрения "земля Трояна" — Румыния, тогда как в "Слове" говорится о том, что "обида вступила на землю Трояню", по поводу контр-набега половцев, когда был сожжен город Римов и осажден Путивль. А "вечи // века Трояновы" неизбежно воспринимаются как литературная метафора без смысловой нагрузки ^{27/}.

Признавая за статьей А.Болдура историографическое значение, следует считать итогом научного исследования исторический комментарий Д.С.Лихачева к "Слову и полку Игореве". Исчерпывающий разбор Д.С.Лихачева показывает, что под именем "Троян" подразумевалось божество, которое Д.С.Лихачев считает языческим (стр. 385-386). Оно, конечно, не православное, но подождем с выводом.

Кроме "Слова", Троян упоминается в "Хождении Богородицы по мукам" (XII в.) в таком контексте: "И да быша разумели многие человеци, и в прелесть велику не внидуть, мняще боги многы: Перуна и Хорса, Дья и Трояна" (там же). Однако, вопрос о том, откуда могло явиться само название бога Трояна, Д.С.Лихачевым оставлен открытым.

Разберем тексты. В первом случае последователем Трояна назван Боян (стр.11,78), который "рыца в тропу Трояню чрьсь поля на горы". Это последнее выражение объяснено Д.С.Лихачевым как "переносясь воображением через огромные расстояния"

^{26/} А.Болдур, ук.соч. 1958, стр. 8-11 и 22.

^{27/} Там же, стр. 34-35.

(стр. 78), но попробуем понять это буквально, т.е. считать, что источник веры в Трояна лежит на горах за полями. Поля, — в данном случае, половецкая степь, а горы — или Кавказ, или восточная окраина кипчакской степи — Тяньшань. Заметим это! Во втором случае названа "земля Трояна", в которую после поражения "вступила обида" (стр.17). Считается, что это Русская земля, но скорее здесь Черниговское княжество, которое только и пострадало от контр-набега половцев. Во всяком случае, допустимы оба толкования. И, наконец, самое главное: "вечи (века) Трояновы", т.е. линейный счет времени, эра. "На седьмом веке Трояна" Всеслав ударил древком копья о золотой стол Киевский...(стр.25). Это было в 1068 г., значит, начало "эры Трояна" падает на X век, до 468 г.

А теперь сопоставим черты "Трояна" с теми данными, которые нам известны о центральноазиатских несторянах. "Троян" — буквальный перевод понятия "Троица", но не с греческого языка и не русским переводчиком, а человеком, на родном языке которого отсутствовала категория грамматического рода. То есть, это перевод термина "Уч Ыдук", сделанный турком, на русский язык. Можно думать, что переводчик не стремился подчеркнуть тождество "Трояна" с "Троицей". Эти понятия для него совпадали не полностью, хотя он понимал, что то и другое относится к христианству. Рознь и вражда между несторянством и халкедонитством в XII-XIII вв. была столь велика, что русские князья в 1223 г. убили татарских послов-несторян^{28/}, после чего несторянские священники отказывали православным в причастии, хотя католиков к евхаристии допускали^{29/}.

Начало "эры Трояна" падает на эпоху, когда учение Нестория было осуждено на Эфесском соборе 431 г. и снова проклято

^{28/} Г.В.Вернадский, Были ли монгольские послы 1223 г. христианами? — Seminarium Kondakovianum, 3, 1929, стр.145-148. G.Vernadsky, Kievan Russia, New Haven, 1951, p.237-238.

^{29/} Рубрук, Путешествие в восточные страны, СПб., 1911, стр. 161.

там же в 449 г. (Эфесский разбой). Окончательно, анафема упорствовавшим несторианам была произнесена на Халкедонском соборе 451 г. От репрессий они могли избавиться лишь путем отречения от своего учителя, в борьбе с которым православные и монофизиты были единодушны. В 482 г. император Зинон издал эдикт Эвотикон, содержащий уступки монофизитам и подтверждение анафемы несторианам, которые были вынуждены эмигрировать в Персию^{30/}. В промежутке между Эфесским и Халкедонским соборами лежит дата, от которой шел отсчет "веков Трояна". Такая дата могла иметь значение только для несториан.

Обратимся к выражению "земля Трояня" (стр.17). Черниговское княжество обособилось от Русской земли после того, как Олег Святославич, князь-изгой, выгнал из Чернигова Владимира Мономаха и обеспечил своей семье право на княжение. При этом он вступил в конфликт не только с князьями Мономашичами, но и с киевской митрополией^{31/}. Для того, чтобы удержаться на престоле, ему нужна была не только военная, но и идеологическая опора. Полоцкие князья в аналогичном положении находили опору в языческих традициях, но это было невозможно на юге, т.к. Киевское и Черниговское княжества были христианизированы^{32/}. В этой связи, положение Олега Святославича оказалось предельно трудным: его схватили православные хазары, держали в тюрьме православные греки, ограбили и гнали из родного дома православные князья Изяслав и Всеволод, хотел судить митрополит киевский; ему ли было не искать другого варианта христианской веры?

И тут его друг ("Олега коганя хоть", стр.30) Боян нашел путь "чрес поля на горы" (стр.11), туда, где были полноценные христиане и враги врагов Олега. Самое естественное —

^{30/} Ю.Кулаковский, История Византии, I, Киев, 1913, стр. 441-447.

^{31/} С.М.Соловьев, История России, I, М., 1960, стр.379.

^{32/} В.Л.Комарович, Культ рода и земли в княжеской среде XI-XII вв., — Тр.ОДРЛ, XVI, 1960, стр.84-104.

предположить, что черниговский князь этой возможностью не пренебрег, и это обусловило вражду киевлян к его детям, Всеволоду и Игорю. Открытого раскола, видимо, не произошло. Дело ограничилось попустительством восточным купцам и, может быть, даже монахам, симпатией к ним, как мы бы сказали — ориентацией на несторианство. Поэтому в официальные документы не попали сведения об уклоне в ересь князя, второго по значению. Но ход событий в таком аспекте получает объяснение, равно как и приведенные выше темные фрагменты "Слова".

Теперь вернемся к уже цитированному тексту из "Хождения Богородицы по мукам". Там славянские языческие боги поставлены в пару: Перун и Хорс. Так же в паре идут Троян и Дый. Принято считать, что Дый — это "Deus", латинское название Бога, Зевс, Юпитер^{33/}, но тогда главным здесь является то, что Дый — бог, для русских чужой. А поскольку он в паре с Трояном, то это качество относится и к последнему.

Признавая, что "Дый" — название не-русского божества, укажем однако, что в западно-персидском языке это слово звучало "Див", в восточно-персидском — "Дэв", а в кипчакском наречии тюркского языка (например, в казахском) — "Дыу". Последнее совпадает с фонетической записью русского автора XII в., и нет никаких оснований не считать, что это слово было услышано русским из уст половца. Тогда сопоставление Дыя с Трояном в одной паре имеет реальный смысл: славянским божествам противопоставлены восточные, степные божества, причем то из них, которое является христианским, — Троян, — таковым не признается, потому что исповедание его было предано анафеме, извергнуто из церкви и нашло приют у народа, который древние русские близким себе не считали. Политические контакты русских с половцами в XII в. не влекли за собой ассимиляции. Но воззрения кочевников были русским знакомы.

И вот, тем более примечательно, что в "Слове о полку Игореве" это слово встречается не в тюркском или разговорно-персидском, а в литературно-персидском звучании: "див". Так

^{33/} А.Болдур, ук.соч., стр.30.

древние персы называли языческие божества туранских кочевников, и в этом же значении употребляется слово "див" в русском средневековом памятнике (стр. 393-394).

Див — враг Трояна. Сначала он предупреждает врагов князя Игоря о начавшемся походе (стр. 12), потом вместе с разъяренными половцами вторгается в Русскую землю (стр. 20, 90). Короче говоря, он ведет себя так, как он вел себя относительно героев "Шах-наме". Но тут встает вопрос: почему автор "Слова" называет его "див", а не "дый"? Вероятно, потому, что он слышал это название из уст человека, говорившего на литературном персидском языке. Таковыми в XII-XIII вв. были только несториане, сохранившие персидский язык с тех пор, как персидские шахиншахи позволили им устроить университет в Несеви и использовали сирийских грамотеев для канцелярской службы. В противном случае звучание этого слова было бы иным.

Итак, мы подошли к решению поставленного выше вопроса. Несторианство было в XII-XIII вв. на Руси известно настолько хорошо, что читатели "Слова" не нуждались в подробных разъяснениях, а улавливали мысль автора по намекам. Вместе с тем, упоминания о несторианстве автор почему-то вуалирует, говорит о нем походя и без симпатии. Если первое наше наблюдение может относиться равно к XII и к XIII векам, то второе понуждает нас склониться в пользу датировки "Слова" XIII веком ^{34/} по следующим соображениям, основанным на исторической дедукции.

Между XII и XIII веками плавного перехода не было. Жестокий разрыв на Западе и Востоке положил резкую грань между двумя эпохами, за какие-нибудь 3 года изменил всю расстановку сил на евразийском континенте. Эта грань прошла по 1204 году.

^{34/} О датировке "Слова" XIII веком см.: Д.Н.Альшиц, Ответы советских ученых на вопросы IX международного съезда славистов; О времени написания "Слова о полку Игореве"; М., 1958, стр. 37-41. Л.Н.Гумилев, Монголы XIII в. и "Слово о полку Игореве", — Доклады отделения этнографии Географического Общества СССР, вып.2, Л., 1966, стр.55-81.

В XII в. Константинополь был Парижем средневековья. Он был знаменит своими богатствами, но в действительности, — писал Эвд-де-Дейль, — его сокровища превышают славу о них". А Роберт де Клари утверждал, что "две трети мирового достояния находятся в Константинополе, а одна треть рассеяна по всему свету ^{35/}. И вот, 12 апреля 1204 г. Константинополь был взят приступом, и Византийская империя прекратила свое существование.

Рыцари-крестоносцы оправдывали себя тем, что они совершили богоугодное дело, — ведь греки были схизматики, еретики, пожалуй, хуже мусульман и язычников. Культурно-исторический принцип возобладал над догматическим, и католичество, не сумев победить ислам, объявило войну православью ^{36/}. Папа Иннокентий III, который сначала был против войны с христианами и грозил крестоносцам отлучением, в 1207 г. встал (или вынужден был встать) во главе нового натиска на восток ^{37/}. В этот год католическим дипломатам удалось заключить соглашение с болгарским царем, что спасло Латинскую империю, а от Польши, Ордена, Швеции и Норвегии папа потребовал, чтобы они перестали ввозить на Русь железо. Политическая близорукость русских князей обеспечила успех католическому проникновению. В 1212 г. ливонский епископ Альберт заключил союз с полоцким князем против эстов, а затем женил своего брата на дочери псковского князя, после чего в 1228

^{35/} Ш. Диль, История Византийской империи, М., 1948, стр. 114.

^{36/} В послании Болдуина Фландрского, ставшего в 1204 г. императором Константинопольским, содержатся следующие характерные выражения: "чудесный успех", "неслыханная добыча", "беззакония греков у самого Господа вызвали рвоту". Редакция текста приписывается Иоанну, епископу Нуайонскому. (Б. А. Панченко, Латинский Константинополь и папа Иннокентий III, Одесса, 1914, стр. 5-6).

^{37/} В булле русским князьям в 1207 г. он писал: "Так как страна греков и их церковь почти полностью вернулись к признанию апостольского креста и подчиняются распоряжениям его, представляется заблуждением, что часть не соглашается с целым и что частное откололось от общего". (А. И. Тургенев, Акты исторические, относящиеся к России, I, СПб., 1841, стр. 4).

году в Пскове появилась пронемецкая боярская группировка ^{38/}. В 1231 г. папа Григорий IX предложил Юрию П князю владимирскому и всея Руси принять католичество ^{39/}, в ответ на что Юрий выслал из Руси доминиканских монахов. После этого началось наступление на Новгород и Псков силами шведов, немцев и литовцев.

В 1239 г., когда обострились отношения латинян с Болгарией, Наржо де-Туси заключил союз, скрепленный браком, с одним из половецких ханов, чтобы ваять Болгарию и Русь в клещи. К.Маркс считал, что "это последнее слово глупости рыцарей-крестоносцев" ^{40/}, и, вообще, был прав, хотя в XIII в. просвещенные европейцы считали, что завоевание Руси будет не труднее покорения Пруссии ^{41/}. По-существу, война, начавшаяся в 1204 г., была одной из первых войн за приобретение колоний, а религиозная окраска ее соответствовала духу времени.

Но на юге победы Ватаца, а на севере подвиги Александра Невского уничтожили все усилия католиков. Первое наступление Европы на Восток захлебнулось.

В то же самое время в монгольских степях Чингис-хан победил и завоевал два наиболее сильных и культурных ханства: кераитское в 1203 г. и найманское в 1204 г. Но Чингис-хан обошелся с побежденными кераитами и найманами куда гуманнее, чем Болдуин Фландрский с греками. Кераиты и найманы умножили силы монгольской армии, царица Суюркутени вышла замуж за любимого ханского сына Тулуя ^{42/} и сохранила при себе нес-

^{38/}Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под ред. А.Н.Насонова, М.-Л., 1950, стр.77. С.А.Тараканова, Древний Псков, М.-Л., 1946, стр.28.

^{39/} А.И.Тургенев, ук.соч., стр.30-31.

^{40/} Архив Маркса и Энгельса, У. Госполитиздат, 1938, стр. 205.

^{41/} Рубрук, ук.соч., стр.108.

^{42/} P.Pelliot, Le vrai nom de Serectan, T'oung Pao, vol. 29, 1932.

торианскую церковь с клиром и имуществом ^{43/}. Дети ее Монке, Хубилай, Хулагу и Арик-бука были воспитаны в духе уважения к христианской религии, хотя по монгольской ясе не могли быть крещены ^{44/}. Для православия в торжестве несторианства не было ничего хорошего, так как кочевые священники в XIII в. еще помнили, что основатель их веры принял от греков мученический венец ^{45/}.

Головокружительный поход Батия от Аральского моря до Адриатического отдал во власть монголов всю восточную Европу, и можно было думать, что с православием всё кончено. Но обстоятельства сложились так, что события потекли по иному руслу. Во время похода Батий рассорился со своими двоюродными братьями: Гуюком, сыном самого верховного хана Угедея, и Бури, сыном великого хранителя ясы (главного прокурора, ска-зали бы мы) Чагатая. Отцы стали на сторону Батия и наказали опалой своих зарвавшихся сынков, но когда умер в 1241 г. Угедей, и власть попала в руки матери Гуюка ханши Туракины, дружины Гуюка и Бури были отозваны, и Батий оказался властителем огромной страны, имея всего 4000 верных воинов, при сверх-натянутых отношениях с центральным правительством. О насильственном удержании завоеванных территорий не могло быть и речи. Возвращение в Монголию означало более или менее жестокую смерть. И тут Батий, человек неглупый и дальновид-

^{43/} R.Grousset, 1960, p.347.

^{44/} В 1254 г. Рубрук описывает несторианскую службу, где ханши и царевичи поклонялись кресту (ук.соч., стр.145-151). Царевич Арик-бука сказал при Рубруке: "Мы знаем, что Мес-сия — Бог" (там же, стр.157). О христианских взглядах Хуби-лая сообщает Марко Поло (Книга Марко Поло, М., 1956, стр.242, 281).

^{45/} Как уже сказано, несториане не причащали православ-ных, но допускали к евхаристии католиков. В 1213 г. на дис-путе в Константинополе между кардиналом Пелагием из Альбано и Николаем Месаритом, митрополитом Эфесским, последний зая-вил: "Ты изгоняешь греческое духовенство за непокорность папским велениям..., хотя латиниям терпит в своей среде иудеев и еретиков, армян, несториан, яковитов" (Б.А.Панчен-ко, ук.соч., стр. 51). Полвека спустя католики расправились с несторианством.

ный, начал политику заигрывания со своими подданными, в частности, с русскими князьями Ярославом Всеволодовичем и его сыном Александром. Их земли не были обложены данью ^{46/}.

Но против Гуюка выступили монгольские ветераны, сподвижники его деда, и несториане, связанные с детьми Тулуя. Хотя в 1246 г. Гуюка провозгласили великим ханом, но настоящей опоры у него не было. Гуюк попытался найти ее там же, где и его враг Батый,— среди православного населения завоеванных стран. Он пригласил к себе "священников из Шама (Сирии), Рума (Византии), Осов и Руси" ^{47/} и провозгласил программу, угодную православным,— поход на католическую Европу ^{48/}. Но Гуюку не повезло. Вызванный для переговоров, князь Ярослав Всеволодович был отравлен ханшей Туракиной, особой глупой и властной. Туракина просто не соображала, что она делает. Она поверила доносу боярина Федора Яруновича, находившегося в свите владимирского князя и интриговавшего против него в своих личных интересах ^{49/}.

Сочувствие детей погибшего князя перекачнулось на сторону Батыя, и последний получил обеспеченный тыл и военную помощь, благодаря чему смог выступить в поход на великого хана. Заигрывания Гуюка с несторианами тоже оказались неудачными.

В начале 1248 г. Гуюк внезапно умер, не то от излечеств, не то от отравы. Батый, получивший перевес сил, возвел на престол сына Тулуя — Монке, вождя несторианской партии, а сторонники Гуюка были казнены в 1251 г.

Сразу же изменилась внешняя политика монгольского улуса.

^{46/} А.Н.Насонов, Монголы и Русь, М.-Л., 1940, стр. 12, 23.

^{47/} Рашид ад-Дин, Сборник летописей, М.-Л., 1952, П, стр. 121.

^{48/} Письмо Гуюка к папе. См.: Рубрук, ук. соч., стр. 59, 220-221.

^{49/} С.М.Соловьев, История России, П, М., 1960, стр. 151.

Наступление на католическую Европу было отменено, а взамен начат "желтый крестовый поход"^{50/}, в результате которого пал Багдад (1258 г.). Батый, сделавшийся фактическим главой империи, укрепил свое положение, пригвоздил к себе новых подданных и создал условия для превращения Золотой Орды в самостоятельное ханство, что и произошло после смерти Монке, когда новая волна смут разорвала на части империю Чингисидов. Несторианство, связанное с царевичами линии Тулуя, оказалось за пределами Золотой орды.

После завоевания Руси Батыем и ссоры Батия с наследником престола, а потом великим ханом, Гуюком (1241 г.), русскими делами в Золотой Орде заведовал сын Батия — Сартак. Христианские симпатии Сартака были широко известны, и даже есть данные, что он был крещен, разумеется, по несторианскому обряду^{51/}. Однако, к католикам и православным Сартак не благоволил^{52/}, делая исключение лишь для своего личного друга — Александра Ярославича Невского.

В этих условиях прямые нападки русского писателя на несторианство были опасны, а вместе с тем, предмет был настолько общеизвестен, что читатель понимал с полуслова, о чем идет речь. Например, достаточно было героя повествования, князя Игоря, заставить совершить паломничество к иконе Богородицы Пирогощей, чтобы читатель понял, что этот герой вовсе не друг тех крещеных татар, которые называли Марию Христородицей, а тем самым определялось отношение к самим татарам^{53/}. Хотя цензуры в XIII в. не было, но агитация против правительства и тогда была небезопасна, а намек позволял автору высказать свою мысль и остаться живым.

^{50/} G.Vernadsky, The Mongols and Russia, New Haven, 1953, p.72.

^{51/} А.Г.Галстян, Армянские источники о монголах, М., 1962, стр.110. В.Г.Тизенгаузен, Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды, П, М.-Л., 1941, стр.18-19.

^{52/} Рубрук, ук. соч., стр.117.

^{53/} Л.Н.Гумилев, ук.соч.1966, стр.78-79.

Такое положение продолжалось до смерти Сартака в 1256 г., после чего Берке-хан перешел в ислам, но позволил основать в Сарае епархию в 1261 г. и благоволил православным, опираясь на них в войне с персидскими ильханами, покровителями несторианства. Несторианская тема для русского читателя стала неактуальной.

Вот почему XIII век следует считать эпохой, когда интерес к несторианству был наиболее острым, и, следовательно, отзвуки его должны были появляться в литературе соседних народов. Они и встречаются у католических, мусульманских и армянских авторов, там, где эти упоминания не могли вызвать осложнений с властью. В России они завуалированы, и отыскать их можно лишь путем сложной дедукции.

Но, может быть, наша концепция неправильна, и связи между перечисленными выше событиями нет? Попробуем проверить наши заключения доказательством от противного, считаясь в логике достаточным.

1) Середина VIII в. Известно: а) в Уйгурии была внутренняя война; б) после победы Мьянчура к власти пришла манихейская община; в) несториане в это время уже распространились от Ирана до Китая по линии караванного пути и жили в степи, среди тюркских народов; г) после падения манихейской Уйгурии несториане обратили в свою веру почти всех центральноазиатских кочевников до границ тайги. Так могли ли они не участвовать в войне 747-761 гг., где решалось, чья вера возобладает? И могли ли они не защищать себя от заклятых врагов — манихеев? В истории создания Уйгурского ханства, поскольку она дана в надписи Мьянчура, есть лакуна — ловушка и программа тех уйгуров, которые трижды восставали против хана. Она восполняется только тем, что мы должны предположить наличие в эту эпоху антиманихейской группировки в степи. Поскольку ни мусульмане, ни буддисты в событиях участия не принимали, остаются только несториане, а приведенные нами выше позитивные аргументы, как бы мало их ни было, подтверждают нашу реконструкцию событий. Прямых указаний источников нет, но ведь от VIII в. дошло так мало письменных

сведений по Центральной Азии, что построить только на их основании связную картину событий до сих пор не удалось никому.

2) Середина XII в. Бесспорно, что Западная Европа узнала о существовании центральноазиатских несториан, но сведения могли просочиться лишь через Византию и Русь. Допустить, что на Руси ничего не знали о несторианах, невозможно. А если знали, то как-то относились к ним, и это должно было отразиться на истории культуры древней Руси, хотя бы в самой слабой степени.

3) Все католические и мусульманские авторы, говоря о монгольской империи XIII в., подчеркивают: а) крайнюю активность несторианской церкви и б) наличие в ставке хана большого количества русских. Можно ли допустить, что Ярослав Всеволодович и Александр Ярославич Невский, в то время когда они искали способов спасения Русской земли от монголов и немцев, игнорировали этот факт? И можно ли думать, что русские монахи, переводившие с греческого целые библиотеки, забыли о решениях Эфесского, Халкедонского и Константинопольского соборов?

Конечно, нет! Следовательно, надо искать, пусть не в текстах, а в намеках и сочетаниях событий, ту пружину, которая повернула ход событий в восточной Европе, оторвала Золотую Орду от монгольского улуса и спасла половину русских земель от католического нажима на восток.

И теперь мы обязаны вернуться к первому основному вопросу, поставленному в начале: правомочна ли предложенная нами система классификации явлений истории культуры, то-есть, можно ли рассматривать центральноазиатское христианство как продолжение византийской культуры за границами византийской империи? Конечно, кочевые басмалы, кераиты и найманы мало походили на константинопольских патрикиев, а степи Джунгарии не имели никакого сходства с садами Фракии и Пелопонеса. Это-то ясно, но сходство, крайне важное, возникало в исторических коллизиях, в расстановке сил, в характере споров и хранении традиций. Значение историко-культурных нюансов для

понимания исторического процесса огромно. Именно благодаря этим нюансам, можно восстановить живую действительность полнее и точнее, чем по мертвым памятникам материальной культуры.

Диспуты учеников антиохийца Сатурнина с современниками Юстина Философа и Ириния Лионского нашли продолжение в пустынях Джунгарии и степях Монголии, с той лишь разницей, что спор решался не тонкой диалектикой, а длинным копьём и острой саблей.

Трагедия, первый акт которой был разыгран в Эфесе, продолжалась в боях на берегу Калки и в роскошных юртах ханши Суржуктени и царевича Сартака... Эпилог ее находится за хронологической гранью нашего повествования и может составить предмет отдельного исследования (мы имеем в виду гибель несторианской церкви во второй половине XIII в., произошедшую при участии архиепископа Китая, Монте Корвино). Всюду мы встречаем сочетания обстоятельств, напоминающие исходные позиции, и это одно позволяет уловить в разнообразных событиях то общее, что позволяет видеть в них целостность, которую позволительно назвать византийской культурой.

Г.Г.ГРОМОВ

ГЕОГРАФИЯ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ РУССКИХ КРЕСТЬЯН В XIX ВЕКЕ
(Доложено на заседании отделения 17 ноября 1966 г.)

Традиционная сельскохозяйственная техника русского крестьянства давно уже привлекает внимание исследователей многих научных дисциплин. Агрономы, инженеры, этнографы и историки ищут в истории этой важнейшей сферы человеческой деятельности ответы на многие вопросы современности, используют богатейший опыт народа. Известный советский историк Б.Д.Греков писал, что "изучая сельское хозяйство и его технику в историческом развитии, мы изучаем, собственно говоря, базу общественного развития в целом" ^{1/}. За последние годы в общих исторических работах и специальных статьях заново пересматриваются процессы развития сельского хозяйства, публикуются новые факты, расширяется и круг методических приемов анализа новых материалов ^{2/}.

Наибольшее внимание, как и раньше, уделяется изучению собственно пахотных орудий. Именно они стали традиционным объектом большинства этнографических классификаций, процессы их развития кладутся в основу этапов развития земледельческой техники вообще ^{3/}. Остальные орудия труда земледельцев

^{1/} Б.Д.Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до ХУП в., М.-Л., 1946, стр.44.

^{2/} Кроме специальных сборников "Материалы по истории сельского хозяйства", вып.1-5, упомянем следующие работы: А.Д.Горский, Очерки экономического положения крестьян Северо-восточной Руси XIV-XV вв., М., 1960; сб. "Очерки по истории русской деревни X-XIII вв.", — Тр.ГИМ, вып.32, М., 1953; Г.Е.Кочин, Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в., М.-Л., 1965; и др. Особенно интересны статьи Ю.Ф.Новикова, в которых он анализирует пахотные орудия с позиций механики: Генезис плуга в этнографии, — СЭ, 1963, № 2, и др.

^{3/} Г.Фирстов, Земледельческие орудия восточной полосы России, Казань, 1854. Д.К.Зеленин, Русская соха, ее история виды, Вятка, 1907. В.И.Довженко, Земледелие у восточных славян в I тыс.н.э., — "Материалы по истории земледелия СССР", т.1, М., 1952. Д.В.Найдич-Москаленко, О принципах классификации русских пахотных орудий, — СЭ, 1959, № 1.

пользуются у историков и этнографов куда меньшей популярностью, хотя это вряд ли относится к достоинствам нашей науки. Производственный процесс в сельском хозяйстве представляет собой единое целое, отдельные части которого неразрывно связаны между собой, зависят друг от друга, обуславливают друг друга. И только изучение этого процесса во всей его сложности и взаимозависимости позволит нам полностью изучить его как базу "общественного развития в целом".

Не менее важно изучение истории земледельческой техники в зависимости от конкретных условий ее бытования, — географических, социально-экономических и других. В отличие от многих зарубежных исследований, в русской исторической и этнографической литературе этому всегда уделялось много внимания. В одном из первых фундаментальных исследований Д.К.Зеленина "Русская соха, ее история и виды"^{4/} генезис пахотных орудий русских крестьян рассматривается в тесной связи с конкретной исторической и географической действительностью их применения. Накопившиеся за последние полстолетия материалы и исследования (археологические, исторические и этнографические) позволяют во многом дополнить, а в отдельных моментах и изменить историческую схему Д.К.Зеленина. Но основной принцип его подхода к изучению пахотных орудий остается правильным и наиболее плодотворным.

Исследование истории сельскохозяйственной техники русского крестьянства во всем ее многообразии и взаимосвязях различными определяющими факторами, — сложная и трудоёмкая задача, требующая специального обширного труда. В данном сообщении мы коснемся лишь одной стороны этой проблемы — влияния географических условий на типы и формы пахотных орудий русских крестьян.

Географические условия оказывают сильное воздействие на культуру человека, особенно на такую область его культуры, как земледелие. С развитием культуры, с ростом технической вооруженности человека, влияние географических условий и

^{4/} Д.К.Зеленин, Русская соха, ее история и виды, Вятка, 1907.

и степень их воздействия изменяются, опосредствуются техническими и научными достижениями. Поэтому постоянно следует иметь в виду и влияние других факторов — социально-экономических, научно-технических и т.п. Но это не отменяет, а лишь изменяет характер воздействия географических условий.

Сами эти условия по характеру и степени их влияния следует подразделить на две группы: во-первых, общие географические условия, и, во-вторых, те условия, которые входят в контакт с человеком в результате непосредственной производственной деятельности общества. Климат, гидрография района обитания, рельеф, растительный покров, наличие или отсутствие тех или иных животных, — всё это, разумеется, влияет на культуру. Но особенно сильная зависимость устанавливается между культурой человека и условиями данной географической зоны в сфере его производства. Для первобытного охотника наибольшее значение имели не запасы железных руд и не плодородие почвы и даже не климат, а состав промысловых животных и их количество, так как они были объектами его охоты, основой его существования. С превратностями климата можно было бороться с помощью огня, теплой одежды и т.п., но отсутствие животных лишало культуру ее основы. Для рыболовческих по преимуществу племен главное было в богатстве рек рыбой, а не в мощности их гидроэнергетических ресурсов, столь важных теперь для нас.

Для земледельца главное значение в географических условиях имеют особенности почвы, ассортимент вызревающих в данном климате растений и то, насколько этот климат благоприятствует земледелию вообще. Таким образом, в общих географических условиях мы должны выделить те, которые оказывают наибольшее влияние на основной вид производственной деятельности человека, то-есть сферу приложения хозяйственных усилий и условия им благоприятствующие.

Общие географические условия изменяются сравнительно медленно. Сколько-нибудь существенные перемены их относятся к таким далеким периодам человеческой истории, когда земледелия еще не было. Для земледельческого периода истории

Восточной Европы такие изменения были настолько ничтожны, что практически общие географические условия можно считать статичными.

Но это не распространяется на ту сферу, которую мы можем назвать сферой приложения хозяйственных усилий человека. В этой сфере в географических условиях произошли за сравнительно короткий исторический период значительные изменения, которые следует постоянно иметь в виду, изучая русское земледелие.

С точки зрения возможностей для земледелия область расселения русских можно разделить на две зоны: южную зону степей и лесостепей, с черноземными и серыми лесными почвами, и зону лесов, с их дерново-подзолистыми и подзолистыми почвами. В последней зоне есть более или менее значительные вкрапления как серых лесных, так и аллювиальных почв, отличающихся значительно большим плодородием, чем подзолы^{5/}.

Климатические условия различаются гораздо меньше, так как вся область расселения русских входит в зону влажного климата, в условиях которого хорошо растут основные зерновые культуры традиционного земледелия, — ячмень, рожь, овес, пшеница, — и сопутствующие им огородные и технические культуры — капуста, корнеплоды, лён, конопля и др. Состав этих культур сильно варьировал в хозяйствах крестьян от берегов Белого моря до Курской области, но эти вариации были не настолько велики, чтобы изменить общий комплекс хозяйства и его облик, как хозяйства зернового по преимуществу.

В результате деятельности человека произошли известные изменения в облике географических условий. В южной зоне неумеренная распашка и корчевка лесов привела к эрозии почвы во многих ранее плодородных районах, к понижению их продуктивности. Северная, лесная зона во второй половине XIX века фактически разделилась на две подзоны, среднерусскую и севернорусскую. В среднерусской лесов осталось сравнительно мало, так как большая их часть была вырублена крестьянами,

^{5/} Почвенная карта СССР, М., 1960.

расширившими свои поля за счет развития подсечного земледелия и лесного перелого. Почти вся пригодная для земледелия территория этой зоны оказалась освоенной человеком в виде полевых или луговых угодий. Севернорусская подзона сохранила свои леса в такой степени, что они и сейчас составляют ее главное богатство, а для крестьян XIX века эти леса были постоянным резервом, откуда они могли черпать новые площади для введения их в полевой оборот или для периодического использования их для земледелия на подсечных участках.

Нужно учитывать и некоторые различия в структурных особенностях почв в лесной зоне. В северо-западных районах много остатков моренных отложений, засоряющих поля камнями, в восточных районах таких отложений гораздо меньше, преобладают супеси или глинистые почвы, не засоренные камнями. К тому же, многовековое использование земель под пашню в центральных нечерноземных областях еще больше улучшило структурные особенности почв.

Этнография зафиксировала в хозяйстве крестьян XIX века различные системы земледелия. Почти повсеместно господствовавшее трехполье сочеталось с теми или иными остатками старинных систем. В южной степной и лесостепной зоне, пока были свободные земли, бытовал степной перелог. В центральной нечерноземной зоне лесной перелог, известный здесь в XVI-XVII вв.^{6/}, почти полностью был вытеснен трехпольем с четкой традицией систематического удобрения полей навозом, торфом и т.д.; но само земледелие для крестьян играло здесь роль хоть и основного, но не исчерпывающего источника существования, — в этих областях рано развились различные виды неземледельческих промыслов. Новые земли почти не вводились в оборот, так как их резервы были почти исчерпаны (те резервы, которые были доступны для крестьянского хозяйства того времени).

На русском Севере и Северо-западе вплоть до XX в., а

^{6/} Д.В.Готье, Замосковный край в XVII веке, Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси, М., 1937, стр.296-298.

кое-где и в начале XX-го, продолжали бытовать в крестьянском земледелии две системы: полевая с трехпольным севооборотом и подсечно-огневая. Вторая система в этнографической и исторической литературе нередко рассматривается как пережиток древних систем ^{7/}. Действительно, в хозяйстве центральных русских губерний такая система вышла из употребления уже в XVIII в. Но на Севере и Северо-западе эта система и в XX в. не была пережитком, так как в данных конкретных условиях она была полноправным и необходимым добавлением к полевому земледелию крестьян ^{8/}. Для этого в лесной зоне сохранились и необходимые географические условия, — обилие лесных угодий, которые можно было ввести в сельскохозяйственный оборот.

Мы еще недостаточно ясно представляем себе роль экстенсивных систем земледелия (подсеки, лесного и степного перелога) в поддержании баланса плодородия почв при традиционных системах крестьянского земледелия. Известно, что с исчерпанием возможностей для экстенсивных систем резко падает урожайность, усиливаются эрозийные процессы, что в современном хозяйстве компенсируется внесением химических и других удобрений и разработкой сложных систем севооборотов.

Но для нас сейчас важно отметить разное отношение человека к географическим условиям в зависимости оттого, какую систему земледелия он применяет. При экстенсивных системах крестьяне используют то плодородие почвы, которое заранее заложено в ней природой или периодически восстанавливается природой в те периоды, когда участки не разрабатываются, а забрасываются. Обработка таких почв, т.е. превращение их в средство производства, ограничивается подготовкой этих почв под посев или посадку тех или иных культур, с последующей их культивацией, если последняя необходима. Увеличение природ-

^{7/} П.Н.Третьяков, Подсечное земледелие в Восточной Европе, — ИГАИМК, т.14, 1932, вып.1.

^{8/} Нам уже приходилось обращать на это внимание на примере земледелия крестьян Новгородской области: Г.Г.Громов, Подсечно-огневая система земледелия крестьян Новгородской области в XIX-XX вв., — ВМУ, историч.серия, 1958, № 4.

ного плодородия почвы достигается лишь за счет побочных следствий обработки и расчистки почвы (зола сожженной травы или деревьев, перегной от корней и т.п.).

Полевое земледелие, т.е. систематическое использование под посев одного и того же участка земли, принципиально отличается от экстенсивных систем тем, что для получения сколько-нибудь устойчивых урожаев крестьяне вынуждены не только готовить почву под посев, засеивать участок и ухаживать за растениями, но затрачивать постоянные и целенаправленные усилия для поддержания плодородия полей, внося удобрения, чередуя культуры и т.д. Это и новая ступень в использовании земли как средства производства, и новая степень зависимости крестьянского хозяйства от окружающих природных условий. Зависимость при полевой системе становится намного меньше, чем при экстенсивных, т.к. производительность поля, его урожайность определяется не только природными качествами почвы, но и тем, что внесено в плодородие полей трудом человека.

Полевое земледелие требует широкого применения удобрений, тщательной и продуманной обработки земли, подбора и чередования возделываемых культур. Всё это было за пределами возможностей русской деревни, задавленной нищетой и пережитками феодальных отношений, темной и забитой. (Заметим, что это относится не только к русской деревне и русскому крестьянству, а и к крестьянству многих областей Европы, Азии и Америки). В этих условиях полевое земледелие постоянно дополнялось в экономике крестьян такими экстенсивными системами земледелия как перелог и подсека, до тех пор, пока для пользования этими системами сохранялись географические условия: целинные степи на юге и леса на севере. Как ни различны были эти системы по способам и приёмам введения земель в сельскохозяйственный оборот, они имеют то общее, что все они отражают более примитивную стадию земледелия и более тесную зависимость крестьянского хозяйства от природных условий.

Сочетание в одном крестьянском хозяйстве разных систем

земледелия, полевого и экстенсивного, создает известную двойственность в определении экономической базы такого хозяйства, но практически эта двойственность не мешала целостности самого крестьянского хозяйства, как экономического организма. Вообще, крестьянское хозяйство в XIX веке базировалось далеко не на одном земледелии (даже если не принимать во внимание таких источников дохода, как промыслы, ремесла, отход на заработки). Столь же органической частью его были и стойлово-пастбищное скотоводство, и собирательство, а в некоторых местах еще и охота, и рыболовство. В крестьянском хозяйстве мы имеем дело с комплексом хозяйственных занятий, комплексом достаточно сложным и одновременно стройным. Тысячелетний опыт создал наиболее целесообразные соотношения отдельных занятий, набор культур, пород скота и т.п. Всё это увязывалось в стройную систему распределения рабочего времени в годовом цикле, с разумным и определенным разделением труда между членами семейно-производственных коллективов.

Мы начнем наш обзор орудий обработки почвы с тех, которые применялись в экстенсивных системах, ибо разделение русского земледелия на два типа, полевого и экстенсивного, наложило на применяемые орудия известный отпечаток. Но так как эти системы применялись в пределах одного хозяйства, то, по логике унификации орудий труда, между комплексами орудий обработки почвы для той и другой системы оказалось много общего.

По многочисленным этнографическим описаниям, подсечная система земледелия складывалась из ряда операций ^{9/}. Для будущего поля подбирался в лесу соответствующий участок. Наилучшими считались мелкоколесные заросли березы, ольхи, ели на высоких местах. Сосновые леса в подсеку шли очень редко, т.к. почва в них очень плохая. Крупный лес вырубался и выво-

^{9/} Например: Н. Курнатов, О лядинном полеводстве, — "Журнал Министерства государственных имуществ", т. 9, 1856, ч. 2.
А. В. Советов, О системах земледелия, — Избр. соч., М., 1950.
Н. Шустов, Лядинное хозяйство в Новгородской губернии, — "Труды Вольного Экономического Общества", 1868, ч. 2.

вился, сучья, мелколесье, кустарник вырубались и оставлялись на участке. Рубка проводилась весной, до начала полевых работ. За лето хворост подсыхал, и перед самым посевом его сжигали, либо осенью, если сеяли озимое, либо следующей весной, если сеяли яровое. При "пожогe" следили за тем, чтобы по всей площади участка равномерно распределился слой золы. Если хвороста для этого нехватало, приносили из леса. Зерно сеяли в большинстве случаев прямо в золу. После посева участки заборанивали боровами суковатками или "вершалиной". Где почва не проборанивалась (около крупных пней), семена заделывали в землю граблями, мотыгами ("копачами") и т.п.

При вторичном использовании подсечного участка, что бывало не всегда, землю перед посевом рыхлили либо ручными орудиями (мотыгами, граблями), либо упряжными. Но конструкция упряжных орудий несколько отличалась от тех, которые использовались на обычных полевых участках. Сохи-цапульки имели почти прямое плотиво (станину), которое ставилось под прямым углом к земле. Сошники такой сохи были короткие. Всё это позволяло не столько пахать землю, сколько бороздить ее поверхностный слой. Такое орудие было очень маневренным, легко обходило препятствия и легко вынималось из земли. Главная работа ложилась на руки пахаря, который постоянно был в напряжении, управляя такой сохой, то выдергивая ее из земли, чтобы перескочить через крупный корень, то обходя пень. Лошадь только тянула соху.

К орудиям земледелия этой системы мы можем с полным правом отнести и такие орудия, как топор, косарь ("косор"), палки для перекатыwania валов горящего хвороста, хотя они и не участвовали непосредственно в обработке земли.

Область распространения этой системы и соответствующего комплекса орудий во второй половине XIX в. охватывала преимущественно северные русские губернии: Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Новгородскую (северо-восток), Тверскую, северные части Ярославской и Костромской и некоторые районы Московской и Владимирской. Для всех этих губерний, а особенно для мест бытования подсеки, типично сохранение крупных

лесных массивов, которые могли быть, хотя бы частично, введены в земледельческий оборот. Любопытно, что в одних и тех же губерниях и даже волостях бытование подсеки было неравномерным. Там, где лесов осталось мало, ее бытование либо вовсе не прослеживается, либо прослеживается лишь по весьма смутным преданиям ^{10/}. Где леса сохранились, там подсека, несмотря на все официальные запреты, продолжала бытовать и в XX веке.

Бытование подсеки в этих северных районах могло зависеть и от того, что почвы здесь не только бедные по природному происхождению, но и при удобрении дают лишь кратковременный эффект. Влажный умеренный климат, обилие подпочвенных вод, пылевидная структура подзолов, — всё это сводило на-нет усилия крестьян по удобрению полей навозом. Затратив большой труд на удобрение, им удавалось, в лучшем случае, поддерживать плодородие своих полей на уровне урожая сам-3, сам-4.

Стабильное ведение земледельческого хозяйства в таких условиях могло идти либо путем расширения полей, либо путем повышения урожайности. Но оба пути для отсталого крестьянского хозяйства были неприемлемы. Увеличить полевой клин можно было за счет рощистей леса, хотя это и создавало большое напряжение для крестьян и их малосильных лошадей в страдную пору. Но нигде было взять удобрения для полей, некогда их вывезти. Словом, этот путь экономически себя не оправдывал, так как затраты труда были бы слишком велики, а прирост продукции — незначителен.

Повышение урожайности, как ни стремились к этому крестьяне, ограничивалось количеством скота в хозяйстве. В этой зоне скота держали немало, как объясняют крестьяне, "для навозу". Но увеличение поголовья скота упиралось в то, что за короткое северное лето можно было заготовить вручную лишь немного кормов. Максимум, который могли себе позволить заки-

^{10/} Полевые материалы русских этнографических экспедиций кафедры этнографии Московского гос. университета, проводившиеся под руководством автора в Новгородской, Ярославской, Костромской и Архангельской областях. Хранятся на кафедре этнографии МГУ.

точные, крепкие крестьянские семьи, — 4-5 коров, 15-30 овец, 2-3 лошади. Не располагала к улучшению плодородия полей и система периодических переделов, хотя это было не главное, ибо переделы были редки — раз в 20-25 лет. Повышение плодородия и урожайности полей наталкивалось на общую отсталость крестьянского хозяйства, рутинность его техники и технологии. Одни полевые участки не могли прокормить крестьянскую семью, урожая с полей хватало в подавляющем большинстве хозяйств до февраля или марта (не только у бедняков) ^{11/}. Именно это обстоятельство в тех районах, где подсека была уже невозможна, вынуждало большинство крестьян идти на сторонние заработки или заниматься ремеслом ^{12/}.

В этих условиях, когда полевое земледелие на том уровне, который типичен для крестьянских хозяйств XIX в., не обеспечивало крестьян хлебом и другими продуктами, подсечные участки оставались необходимостью, несмотря на всю их примитивность, как стадии развития земледелия. Подсека не требовала удобрений, давала большие урожаи (до сам-60, сам-80), большие затраты труда с лихвой окупались полученным продуктом. К этим преимуществам подсеки можно добавить и то, что сроки работ на поле и на подсечных участках не совпадали, не нарушалось ритмическое распределение труда в хозяйстве по времени. Дело в том, что посев на подсеке производили позже, а урожай созревал раньше. Причина этого кроется, видимо, в том, что подсечные участки обеспечивали растениям лучший микроклимат (защита лесом), и полностью отсутствовали сорняки, не говоря уже о лучшей удобренности почвы. Всё это прекрасно вписывало подсечную систему в тот устойчивый комплекс крестьянского хозяйства, который сложился еще в I тысячелетии нашей эры.

^{11/} Полевые материалы по Новгородской и Архангельской областям.

^{12/} По нашим полевым материалам, целые округа в Ярославской обл. занимались отхожими промыслами, сдавая землю в обработку немногим беднякам, платя за это и получая весь урожай или часть его. "Арендатором" оказывался бедняк, почему-либо не имевший возможности уйти на заработки.

Область распространения подсеки, как формы ведения земледельческого хозяйства, и комплекс связанных с нею орудий труда, исторически изменялись довольно сильно. Эта система была одной из распространеннейших в древней Руси, во всяком случае в лесной и лесостепной зонах ^{13/}. В Московском государстве эта система продержалась до ХУП в. в виде лесного перелога ^{14/}. Обычная формула обозначения пределов крестьянских владений этой эпохи: "куда топор, соха и коса ходили". Топор здесь — символ подсечного земледелия, а не работ дровосека. В дальнейшем роль подсеки быстро идет на убыль, но вместе с нею убывает и продуктивность крестьянских хозяйств в наиболее обжитых районах нечерноземного центра России.

Но, говоря о широком распространении подсеки, нельзя отрицать и раннего возникновения полевых систем. Думается, что даже VIII—IX вв.— не слишком ранняя дата их возникновения. Но раннее полевое земледелие, по-видимому, постоянно сочеталось с земледелием экстенсивным, в форме подсеки или перелога.

Типичными орудиями полевого земледелия для лесной зоны являются сохи разных модификаций. В земледельческий комплекс входили и бороны двух видов: плетеная и борона-смык.

Д.К.Зеленин для одной губернии насчитывал несколько десятков разновидностей сох ^{15/}. Но если не обращать внимания на частные различия, то можно выделить, по крайней мере, два основных типа: новгородский и московский ^{16/}.

^{13/} В.П.Левашева, Сельское хозяйство; Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.,— Тр.ГИМ, вып. 32, М., 1956, стр.21.

^{14/} Ю.В.Готье, ук.соч., стр.296-298.

^{15/} Д.К.Зеленин, ук.соч.

^{16/} Впервые эти два типа выделила Э.Н.Каменецкая в своей дипломной работе (МГУ), посвященной земледельческим орудиям крестьян русского Севера. Трудно принять правомерность этих названий, выдержанных в духе обычной для старой этнографии традиции называть сохи и другие предметы материальной культуры этническими терминами. Правильнее было бы назвать эти типы северо-западным и центральным, так как это четче отражает их географическую локализацию и зависимость их особенностей от географических условий.

Новгородская соха имеет несколько изогнутую станину ("плотиво"). На разсоху станины насаживаются два сошника коловой формы. Станина скрепляется с ручками и оглоблями ("об-
жами") системой перекладин и виц (прутьев) так, что это крепление остается относительно подвижным. Оглобли короткие. К хомуту они крепятся веревками или ремнями. Такое крепление самой сохи и ее запряжка обеспечивают при пахоте большую маневренность орудия. Тип новгородской сохи прекрасно приспособлен к местным полям, засоренным камнями. Периодические очистки полей от валунов не давали заметных результатов, так как ежегодно выпаживались всё новые и новые камни, а крупные валуны так и оставались на полях грозными памятниками древних ледников. Прямолинейное движение пахаря по полю постоянно прерывается столкновениями его сошки с камнями. Эти столкновения создают сильные пиковые напряжения в конструкции сохи, которые амортизируются за счет подвижного, полу полужесткого сочленения ее частей. Свободная запряжка предохраняет и лошадь от резких травм, позволяет пахарю свободнее маневрировать сохой, обходя камни. Этим же условиям соответствуют и коловые сошники, что отмечено Д.К.Зелениным^{17/}. В итоге, все основные конструктивные особенности сохи оказываются тесно связанными с географическими особенностями района.

Сохи этого типа приспособлены для очень мелкой пахоты (10-12 см). Это общее свойство орудий сошного типа. По-разному объясняют эту особенность сох. П.Н.Третьякову это послужило поводом для создания целой генетической системы рождения сохи из бороны-суковатки. Ошибочность этой теории кажется особенно очевидной, когда мы учтем те требования, которые предъявляют крестьяне к пахоте в этой зоне. Первое правило — пахать так, чтобы не затронуть подпочвенного слоя. А почвенный слой здесь не превышает 10-15 см. Вносимые ежегодно удобрения так быстро вымывались из почвы и были так невелики по количеству, что создать на этой основе прирост

^{17/} Д.К.Зеленин, ук.соч.

почвенного слоя крестьянам никак не удавалось. В этих условиях любое однолемешное орудие создавало бы значительные трудности для пахаря, так как невозможно такое рало или плуг удержать от заглубления, а подошвенные орудия во влажной почве испытывали бы очень сильное сопротивление. Двухзубое орудие оказалось наиболее рациональным. Оно и распространилось в крестьянском земледелии этой зоны в X-XIII вв., вытеснив однозубые ральные орудия, бытовавшие здесь на рубеже I-II тыс. н.э. ^{18/}.

Примитивность сохи кажется особенно сомнительной, если учесть наличие, почти обязательное, такой детали, как полица. Деревянная или железная лопатка играет роль отвала, что особенно важно для заваливания навозного удобрения, без которого практически немыслимо полевое земледелие в этой зоне. Изобретение полицы позволило совместить в сохе мелкую пахоту с плужным принципом перемещения земли на сторону. Думается, что находки полиц — явное свидетельство полевого земледелия.

Таким образом, все элементы конструкции сохи новгородского типа обнаруживают тесную зависимость орудия от данных географических условий. Но эти условия опосредствованы тем, что поле стало постоянным средством производства, и его плодородие зависит больше от вносимых удобрений, чем от данных природы свойств.

Сохи московского типа отличаются от новгородских тем, что все их части (станина-"плотиво", "рогаль"-ручки и оглобли) крепятся в системе жесткой конструкции. Оглобли длинные, они припрягаются к хомуту гужами прочно. Клещи хомута стягиваются супонью так, что оглобли и хомут оказываются жестко соединенными. Эта жесткость достигается еще и за счет таких элементов упряжки, как дуга и чересседельник, появившиеся в крестьянском быту в XV-XVI вв. ^{19/}. Получается такое прочное

^{18/} В.П.Левашева, ук.соч., стр.25.

^{19/} По рисункам Лицевого Летописного Свода и другим русским средневековым миниатюрам видно, что дуга, как элемент упряжи, появилась не ранее XV в.

соединение сохи и упряжи, которое значительно облегчает труд пахаря, так как соха идет устойчиво, следуя движению лошади, и пахарю остается только следить и направлять глубину вспашки, а это повышает производительность его труда. Сохи московского типа имеют сошники чаще перовой формы, т.е. более широкие и заостренные, чем коловые. Перекладная полица выполняет ту же функцию, что и в сохах новгородского типа.

Такие сохи приспособлены к хорошо освоенным массивам полей центральной зоны. Здесь больше супесей, здесь нет и камней на полях. В таких условиях жесткая упряжь и жесткая конструкция самой сохи более выгодны, более рациональны.

Как показывают немногие дошедшие до нас рисунки сох, этот тип сохи сложился сравнительно поздно, вероятно не без влияния орудий плужного типа ^{20/}. В XVI-XVII вв. здесь еще бытовали сохи, свободно припрягавшиеся к тягловым животным. Это еще раз указывает на историческую изменчивость в этой зоне условий земледелия и на тесную взаимосвязь самих условий и конструкций пахотных орудий. Соха московского типа появилась с широким распространением именно полевой системы земледелия, вытеснившей подсеку.

Еще четче видны соответствия орудий пахоты природным условиям в районе Владимирского Ополья. Здесь встречаются, лишь как подсобное орудие, сохи без полиц ^{21/}. Основным же орудием крестьян на пашне была косуля. Так называемая ярославская косуля — орудие плужного типа. Ее конструкция, названия ее частей, место ее в комплексе с бесполичной сохой, — всё это сближает этот бесполозовый плуг с другими русскими плугами ^{22/}. О происхождении косули от

^{20/} А.Д.Горский, Почвообрабатывающие орудия по данным древнерусских миниатюр XVI-XVII вв., — Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб.6, М., 1965.

^{21/} Полевые материалы Ярославской кафедры этнографии МГУ.

^{22/} Д.В.Найдич-Москаленко, ух.соч., стр.47-48.

плуга говорят и археологические находки ^{23/}.

Ополье — довольно обширное степное пространство с богатыми плодородными почвами, житница Владимиро-Суздальского княжества. Почвенный слой здесь достигает 0,5 м, но сильно увлажненные земли затрудняют пахоту полозовыми плугами. Крестьяне производили взмет пашни косулей, дальнейшую культивацию — примитивными бесполичными двузубыми или трехзубыми сохами. Семена заборанивались деревянными бородами (такими же, как и в остальных районах русского земледелия). Изменение географических условий здесь вызвало к жизни и специфический, приспособленный к этим условиям комплекс орудий.

Любопытно, что прослеживается и некоторая социальная зависимость между типами орудий пахоты и характером земельных владений. В XVI-XVII вв. у большинства крестьян во Владимирской земле были орудия сошного типа, а монастыри и помещики пользовались иными орудиями ^{24/}. Такое различие можно объяснить тем, что наиболее удобные и плодородные земли находились в руках феодалов, крестьянам же принадлежали поля, расчищенные из под леса. Были различия и в обеспеченности тягловой силой, — крестьяне имели лошадей, помещики и монастыри употребляли также и волов ^{25/}.

В северных районах лесной зоны известен еще один тип косули, который действительно заслуживает такое название, если исходить из его генезиса. Эта косуля не имеет резака, она двухлемешна, причем один лемех (левый) длиннее, другой (правый) — короче. В остальном, конструкция этого орудия идентична конструкции сохи московского типа. К правому сошнику часто прикрепляется отвальная доска. Во время пахоты такой

^{23/} В.П.Левашева, ук.соч., стр.35-37.

^{24/} Н.А.Горская, Земледельческие орудия в центральной части Русского государства второй половины XVI — начала XVII века, — Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб.3, М., 1959, стр.153-154 и 162.

^{25/} Там же, стр.154.

сохой пласт земли подрезается левым сошником, передается на более короткий правый и отваливается на сторону с неполным оборотом отвальной доской. Этому помогает и скос станины. Орудия этого типа были распространены в Архангельской и Вологодской губерниях, т.е. там, где долго бытовала подсека.

Генезис этого орудия достаточно ясен не только из его названия (косуля — косая соха), но и из полного совпадения как узлов конструкции, так и названий частей. Да и во многих районах переход от сох обычного типа к косулям проходил на глазах этнографов 26/.

Первое впечатление — противоречие этого типа сох местным условиям. Но если учесть, что население на Севере до сих пор очень редкое (1-10 чел. на кв.км), и заселяет оно только речные и озерные бассейны с их мощными аллювиальными почвами, то станет ясно, что в таких условиях незачем было заботиться о мелкой пахоте полей. Гораздо выгоднее было пахать глубоко, оборачивая пласт. Заселение северных районов русскими крестьянами, если не считать немногочисленных ранних поселений новгородцев, началось с XV-XVI вв. из тех областей, где господствовала соха, а не плуг. Придя на новые места, с новыми почвенными условиями, крестьяне вынуждены были приспособить свои сошки так, как этого требовали их новые поля, т.е. приблизить их к орудиям плужного типа.

Не совсем ясным остается вопрос о взаимодействии культуры местного населения, жившего здесь до русской колонизации, и пришельцев. По нашим этнографическим наблюдениям можно предполагать, что полевое пашенное земледелие здесь могло появиться только с приходом русских из Владимиро-Суздальской земли. Но это требует дополнительного изучения по историческим документам.

Таким образом, мы должны различать два типа пахотных орудий, известных под именем косули. Косуля ярославского типа генетически оказывается связанной с древними русскими плугами и является их модификацией, приспособленной к усло-

виям Владимирского Опслья. Косуля северного типа генетически связана с сохой московского типа и является ее модификацией в северных условиях. Но как бы ни объяснять происхождение орудий этого типа, ясно прослеживается связь основных особенностей их конструкции с географическими особенностями тех областей, где они применялись.

Как сказано выше, сохи разных типов сочетались в комплексе с деревянными боровами. Крестьянские бороны у русских — двух типов. Основной и наиболее распространенный тип — плетеная из тонких прутьев, скрепленных кольцами, между которыми вбиты зубья из твердого дерева (дуба, березы, лиственницы). Эта борова известна по рисункам со времен домонгольской Руси. Второй тип — борова-смык. Она изготовлялась из расколотых еловых плах, на которых оставлялись сучья длиной в 15–20 см. Несколько таких плах связывали вицами вместе и получали легкую борова. Крестьяне употребляли бороны в зависимости от погоды, свойств почвы и назначения работ. В сырую погоду предпочитали более легкую борова-смык, в сухую — плетеную. Обе бороны были настолько хорошо приспособлены к работе в местных условиях, что в первые годы после коллективизации их иногда прицепляли к тракторам, так как железные бороны были слишком тяжелы для местной почвы.

Обратим внимание на упомянутые сохи без полиц, употреблявшиеся в комплексе с ярославской косулей. Они изготовлялись иногда просто из развилины березы, полностью оправдывая свое название. Эти сохи бывали двух- или трехлемешные, что, по рассказам стариков, определялось только тем какую березу найдет хозяин в лесу для такой сохи. Никакой самостоятельной роли как пахотные орудия они не играли. Главная работа производилась плугом-косулей. Сохами же разбивали пласты после плужной пахоты, т.е. им отводилась роль культиваторов. В районах распространения этих сох о подсеке даже не помнят. Думается, что правы те критики теории

П.Н.Третьякова, которые считают многозубые сохи не этапом перехода бороны-суковатки в соху, а орудиями типа культиваторов, сопутствующими орудиям плужного типа ^{27/}.

Земледельческие орудия южнорусских губерний известны нам гораздо хуже. Сложнее была здесь и история формирования населения. В XVI-XVIII вв. сюда переселялись целыми селами крестьяне из центральных русских областей. По-видимому, они привозили с собой и привычные им сохи. Но общие границы распространения сох и здесь совпадают с зоной более бедных лесных подзолов, особенно до отмены крепостного права в 1861 г.

Причины более позднего "продвижения" сох на юг, в степные и лесостепные районы, разумнее связать с социальными переменами этого периода. Распад больших семей, необеспеченность тяглом (волами), сильное малоземелье с полным пренебрежением к удобрениям (навоз сжигали в печах или сваливали в овраги), — всё это вынуждало крестьян отказываться от бытовавших здесь ранее типов тяжелых степных плугов, заставляло переходить к сошкам, которые хоть и мельче пахали, но были под силу тощей лошаденке, приходившейся на один крестьянский двор ^{28/}. Впрочем, сами сохи несколько отличались по конструкции от своих северных сестер, обнаруживая конструктивное тяготение к орудиям рального и плужного типов.

Весьма четкое соответствие географическим условиям обнаруживается в комплексе орудий лесостепной и степной зон. Этот комплекс состоит из тяжелого плуга степного типа, рала и бороны. Степной плуг известен нам по археологическим ана-

^{27/} Г.Е.Кочин, Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI вв., М.-Л., 1965, гл.П.

^{28/} Роль социально-экономических факторов в изменении орудий земледелия была хорошо показана в дипломной работе С.Н.Шохиной (Григорян), выполненной под руководством автора.

логиям с I тысячелетия ^{29/}. Такой плуг имел асимметричный лемех, насаженный на станину, одновременно являвшуюся и полозом, к лемеху с правой стороны примыкала отвальная доска, впереди лемеха в градиле плуга укреплялся нож-резак ("чересло"). Остов плуга имел ручки, которыми направлялось движение плуга. Часто плуг имел колесный передок, преобразующий тягу животных в постоянно-прямолинейное движение плуга. Все свойства этого орудия приспособлены к обработке степной дернистой почвы. Нож необходим для подрезания мощной дернины, лемех подрезает пласт дерна снизу и передает его на отвальную доску, которая смещает пласт на сторону и переворачивает его. Все части орудия массивны и крепко связаны в единое целое, так как им приходится испытывать немалое напряжение. Полоз обеспечивает не только прямолинейное движение, но и постоянное заглубление лемеха. На долю пахаря остается следить за работой и подправлять движение плуга. Такой плуг тянут несколько пар волов, способных развить большую, но прямолинейную тягу. Конструкция градила и колесного передка еще более уравнивает это равномерное прямолинейное движение. Такая схема работы могла выработаться только в условиях степных рыхлых пространств, где можно было пахать длинные гоны. Мощный слой чернозема позволял пахать относительно глубоко (15-20 см), а пласт необходимо было перевернуть, чтобы подсушить корни травы и сорняков.

Но такие плуги не могли выполнить всех необходимых работ в полевом земледелии. Они годились и употреблялись лишь для подъема целины и вмета залежей, оставляя после себя крупные пласты, нуждавшиеся в культивации ^{30/}. Невыгодно было применять такие мощные орудия на обработке старопашотных участков, где можно было обойтись меньшими затратами труда людей и животных. Поэтому в комплексе с такими плугами крестьяне всегда применяли и орудия рального типа, причем, если плуги были далеко не в каждом хозяйстве, то рала или "сохи" раль-

^{29/} В.П.Левашева, ук.соч., стр.23-24.

^{30/} Известны и посеы "по пласту", когда сеяли без до-
полнительной культивации, но для XIX в. это было исключением.

ного типа были у всех.

Рала (наклонные в большинстве) имели лемех ("наральник") почти вдвое уже, чем у плуга. Они мельче пахали, запрягались одной парой волов или двумя лошадьми. Рала успешно культивировали пашню после плуга, незаменимы были на старопахотных участках. Рала пахали глубже сох, но мельче плугов. Основное назначение ральных орудий — культивация — делало излишними полицы или отвал.

Заделка семян производилась боронами того же типа, что и в северной зоне. Но роль борон здесь была шире, так как ими производили и более тонкую предпосевную культивацию.

И этот комплекс почвообрабатывающих орудий оказывается приспособленным к местным географическим условиям. Его устойчивость с глубокой древности до XIX в. объясняется именно этой приспособленностью. Пока в южнорусских степях были целинные участки, пока они служили постоянным резервом для земледельцев, базировавших свое благополучие на переложно-залежной системе земледелия, этот комплекс удовлетворял крестьян. Рост населения и увеличение распашки не только истощили природное плодородие русских черноземов, но и заставили крестьян обратить свои взоры на орудие своих северных соседей — соху. Впрочем, процесс победного движения сохи на юг был прерван механизацией сельского хозяйства в наше время и введением рациональных современных систем земледелия.

Примеров соответствия конструктивных типов пахотных орудий местным географическим условиям можно было бы привести немало из истории земледелия украинцев^{31/}, русского населения в Сибири и др. Это лишь увеличит количество фактов, но не изменит сути соотношения. Точно такие же соответствия

^{31/} Впервые обобщение материалов по украинским пахотным орудиям было сделано Е.Е.Овчаренко в ее дипломной работе о пахотных орудиях украинских крестьян. Автор не только собрал литературные данные, но провела длительную экспедицию по разным областям Украины. Работа хранится на кафедре этнографии МГУ.

можно наблюдать и в других сторонах хозяйственного быта крестьян: в способах уборки зерновых, их выстаивания и сушки, в способах заготовки кормов и т.д. Все это четко указывает нам на роль географических условий в той сфере, которая относится к области непосредственного приложения производственной деятельности человека. Выявление характера и степени таких взаимосвязей между хозяйством и средой, а также истории развития этих взаимосвязей, дает нам ключ к пониманию многих исторических процессов: истории экономики, расселения и др. Полагаем, что это могло бы принести известную пользу и в современном планировании и организации сельского хозяйства, так как народный опыт — мудрый учитель, к советам которого полезно прислушаться.

Такое изучение позволит нам правильное оценить и роль так называемых этнических факторов, влиявших на особенности земледелия, отказаться от чрезмерного увлечения многими надуманными схемами и теориями, не имеющими под собой достаточной почвы.

Но следует еще раз подчеркнуть, что как ни велика роль географических факторов в развитии и распространении тех или иных типов орудий пахоты, они — далеко не единственные определяющие причины такого развития и распространения. Да сама их роль останется неполной, неясной, если не учитывать социально-экономические, политические и другие условия жизни крестьян русских, создателей всей земледельческой нашей культуры. Только изучение истории сельского хозяйства и крестьянства с учетом всех сторон их жизни может дать нам полноценную картину развития земледелия наших предков. А у этой истории есть чему поучиться.

А.А.ШЕННИКОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И НАЗНАЧЕНИИ ПОВАЛУШИ

(Доложено на заседании отделения 14 мая 1964 г.)

В русских усадьбах до начала XVIII века существовало какое-то помещение или сооружение, называвшееся "повалуша" (иногда "повальша"). Оно упоминается в письменных источниках с XII века и в устном народном творчестве. Слово это сохранялось до конца XIX века в некоторых крестьянских областных говорах. Но древнее значение этого термина до сих пор не ясно.

И.Е.Забелин, впервые занявшийся этим вопросом, предложил несколько различных гипотез. Сперва он считал, что повалуша была близка по назначению и устройству к горнице или клети. Затем он предположил, что повалуша произошла от древнерусской княжеской гридни (помещения для дружинников) и служила столовой и парадной приемной. Позже Забелин высказал мысль, что повалуша произошла от усадебной оборонительной башни, похожей на усадебные башни, известные на Кавказе и у южных славян ¹/. В.И.Даль, по этнографическим данным XIX в., считал повалушу холодной летней горницей-спальной и производил слово "повалуша" от слова "повалиться" в смысле "лечь спать" ²/. А.И.Некрасов полагал, что слово "повалуша" произошло от слова "повал", означавшего расширяющуюся кверху часть сруба, и что повалуша, следовательно, была каким-то

¹/ И.Е.Забелин, Домашний быт русских царей прежнего времени, — "Отечественные Записки", 1851, № 1, стр.151-152; его же, Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., т.1, М., 1862, стр.21-28 и 528; его же, Кунцово и древний Сетунский стан, М., 1873, стр.158; его же, Черты самобытности в древнерусском зодчестве, — "Древняя и новая Россия", 1878, № 3, стр. 197.

²/ В.Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, изд. 6, М., 1955, т. 3, стр.141.

сооружением с повалом ^{3/}. Прочие исследователи принимали ту или иную из перечисленных гипотез.

У историков архитектуры и археологов наибольшим успехом пользуются версии насчет повалуши-столовой и повалуши-приёмной ^{4/}. Этнографы предпочитают версию В.И.Даля ^{5/}. Гипотеза об оборонительном назначении повалуши до последнего времени имела мало сторонников. Лишь недавно в усадьбах, раскопанных в Новгороде, по остаткам нижних частей стен были реконструированы рубленые башни, которые трактуются авторами реконструкции как оборонительные и, согласно последней гипотезе Забелина, названы повалушами ^{6/}. Наконец, А.А.Тиц пытается объединить все изложенные гипотезы, предполагая, что повалуша произошла от оборонительной башни и имела повалы, причем в средних ее этажах устраивались столовые или приёмные, а в верхних — спальни ^{7/}. Но ни одна из этих гипотез не была достаточно серьезно обоснована.

Пересмотр источников, с привлечением этнографических аналогий из культуры соседних народов, позволяет отбросить некоторые неверные гипотезы и определить направление дальнейших исследований.

Многokrатно цитировано первое известное упоминание о повалуше в "Слове о богатом и убогом" XII века: "ты же жи в

^{3/} А.И.Некрасов, Русское народное искусство, М., 1924, стр. 40.

^{4/} Например: Ю.П.Спегальский, Псковские каменные жилые здания ХУП века, — МИА, № 119, 1963, стр. 37, 38-39, 97 и др.; его же, Псков, Л.-М., 1963, стр. 76, 96 и др.

^{5/} Например: Е.Э.Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, — Тр.ИЭ, т.31, 1956, стр. 191.

^{6/} П.И.Засурцев, Г.П.Чистяков, Г.В.Борисевич и В.П.Тюрин, Архитектурная реконструкция новгородской усадьбы середины XII века, — "Новгородский исторический сборник", вып. 10, Новгород, 1961, стр. 213-214. Г.В.Борисевич, В.П.Тюрин и Г.П.Чистяков, Опыт реконструкции деревянной жилой застройки Новгорода, — сб. "Архитектурное наследство" № 15, М., 1963, стр. 31-33 и 37-38.

^{7/} А.А.Тиц, Русское каменное жилое водчество ХУП века, М., 1966, стр. 70 и 146.

дому повалуше испъсав а убогыи не имать кде главы подклони-
нити..."^{8/}. Видимо, повалуши были специфичны для богатых
усадб и могли иметь какие-то росписи (не ясно, снаружи или
внутри). Но, вопреки мнению некоторых исследователей, из
этого текста отнюдь не следует, что повалуша была жилым по-
мещением,— наоборот, ясно, что жили в доме, а не в пова-
луше, и что повалуша была, в лучшем случае, лишь частью
дома (но не обязательно жилой его частью), а может быть —
частью усадьбы, но не дома.

В конце XV века имелись повалуши в великокняжеских хоро-
мах Московского кремля. В 1490 г. великая княгиня Софья
Палеолог приняла иностранного посла "в повалуше в середней".
Но там состоялась лишь конфиденциальная беседа, так что от-
сюда еще не следует, что повалуша была специальным поме-
щением для парадных приёмов^{9/}. Два года спустя Иван III
заточил в тюрьму угличского князя Андрея, причем летописец
отметил следующие детали события: "и князь великий мало по-
сидев с ним, и поговоря мало, и выиде от него в повалушу, а
князю Андрею повеле себя ждати и бояром его повеле итти в
столовую гридню. Они же внидоша, и тако поймаша их..."^{10/}.
Здесь видно, что повалуша и столовая гридня — не одно и то
же, и что Иван принимал князя не в повалуше, а в смежном с
нею помещении.

Много сведений о повалушах содержится в документах XVI-
XVIII веков. Нам известно более 500 полных и еще много непол-
ных описаний сельских и городских усадб светских и цер-
ковных феодалов, посадских людей и близких к ним слоев
городского населения (торговых людей, стрельцов и пр.). В

^{8/} И.И.Срезневский, Дополнения к общему повременному
обозрению древних памятников русского письма и языка, — "Из-
вестия Академии Наук по отделению русского языка и словес-
ности", т.10, СПб., 1861-63, стр.550.

^{9/} Памятники дипломатических сношений древней России с
державами иностранными, т.1, СПб., 1851, стр.30.

^{10/} Устюжский летописный свод (Архангелогородский лето-
писец), М.-Л., 1950, стр.98.

том числе в 100 усадьбах, описанных полностью, упоминаются повалуши II/. Из этих 100 усадеб 93 принадлежали феодалам, и

II/ Акты юридические, СПб., 1838, акт № 85. Духовная память Авраамия... — "Временник ОИДР", кн. 8, 1850, стр. 48. Списки с приказных дел Спасова-Прилуцкого монастыря... — там же, кн. 20, 1854, стр. 20. И. Е. Забелин, Домашний быт..., т. 1, стр. 30-31, 401-402 и 528. Два документа из архива Новгородской консистории, — ИАО, т. 4, вып. 1, 1863, акт № 1. Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 2, СПб., 1864, акты №№ 126-X, 147-XXVI, 148-П, УШ, XI и XIX. К. Г. Евлентьев, Книги псковитина, посадского торгового человека С. И. Поганкина, Псков, 1870, акт № 1. Бывшие имения Троицкой лавры..., — "Ярославские Г. В.", 1870, № 9, акт № 1. Писцовые книги Московского государства, т. 1, отд. 1, СПб., 1872, стр. 304, 308, 310; отд. 2, СПб., 1877, стр. 342, 365, 1539. Акты Иверского монастыря..., — РИБ, т. 5, 1878, акт № 50. Опись рукописей и книг музея Археологической комиссии..., — "Псковские Г. В.", 1879, № 4, акт № 3. А. К. Жизневский, Древний архив Краснохолмского монастыря, — "Древности; Труды Московского Археологического Общества", т. 8, 1880, стр. 58. Ю. А. Разбойные дела Каширского уезда в конце XVII в., — "Тульские Г. В.", 1888, неофициальная часть № 19, стр. 3. Челобитная патриарху..., — "Труды Орловской УАК", вып. 6, 1889, стр. 31. Н. Н. Селифонов, Подробная опись 440 рукописям "Линевского архива", СПб., 1891, акт № 275. И. Е. Забелин, Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, ч. 2, М., 1891, акты №№ 12, 14, 19, 21, 28, 39. Н. Д. Чечулин, Русские деревянные жилые постройки в XVI в., СПб., 1893, стр. 9. Ровыские дела о Ф. Шакловитом..., т. 4, СПб., 1893, акты №№ XVI-3, 6, 10. Н. П. Лихачев, Сборник актов собранных в архивах и библиотеках, вып. 1, СПб., 1895, акт № 29. Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Шукшина, ч. 3, М., 1897, стр. 136. С. Шумаков, Обзор "Грамот Коллегии Экономии", — "Чтения в ОИДР", 1899, кн. 1, акт № 58; 1917, кн. 2, акт № 906. Из актов собрания Н. Ф. Самарина, — там же, 1903, кн. 3, акт № 5. И. Суворов, Шестой выпуск описания собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище, Вологда, 1903, акт № 420. Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. 1, М., 1905, акт № 74; т. 2, М., 1909, разд. "Акты местного делопроизводства", № 50; разд. "Разнородные акты", №№ 8 и 28. Акты Угличской провинциальной канцелярии, — "Труды Ярославской УАК", кн. 5, 1909, акт № 259. О доме священника..., — "Чтения в ОИДР", 1909, кн. 3, стр. 10. Н. Никольский, Кирилло-Белозерский монастырь, т. 1, вып. 2, СПб., 1910, стр. 33. Сборник "Грамот Коллегии Экономии", т. 1, Петроград, 1922, акты №№ 136, 441 и 463. А. А. Введенский, Торговый дом XVI-XVII веков, Л., 1924, стр. 27, 81, 82 и 83. Б. Д. Греков, План части Новгорода конца XVII века, Л., 1926, стр. 8 и 14. М. И. Смирнов, О сельском хозяйстве Переславль-Залесского уезда в XV-XVIII вв., — "Труды Переславль-Залесского музея", вып. 1, Переславль-Залесский,

см. след. стр.

лишь 7 — посадским людям и другим горожанам. С середины ХУП века повалуши начали быстро исчезать, сначала в городах, затем в сельских усадьбах феодалов. Последние описания двух усадеб с повалушами относятся к 1737 году.

Повалуши находились только во дворах, а при наличии в усадьбе нескольких дворов, — в главном дворе. В "задворном строении" их не было. Как правило, повалуша входила в комплекс деревянных хором, связанных между собой, и лишь изредка стояла отдельно ("повалуша особая", "повалуша посередь двора"). В больших усадьбах бывало и по 2-3 повалуши.

По многим описаниям удается определить положение повалуши в плане хором. В простейших случаях хоромы состояли из двух помещений — повалуши и горницы, без сеней. Самый обычный случай (около половины всех усадеб с повалушами) — "связь" из горницы и повалуши, соединенных сенями. Реже встречались более сложные хоромы, например, Т-образное соединение из двух горниц и повалуши, примыкавших с трех сторон к сеням, или пять помещений в один ряд: горница, сени, повалуша, еще сени и еще горница. Встречались и более сложные хоромы, которые трудно реконструировать по описаниям.

Как правило, повалуши стояли на одном уровне с примыкавшими к ним сенями и горницами. Но так как последние, в тех усадьбах, где имелись повалуши, большей частью ставились на подклетах, то можно думать, что и повалуши имели подклеты. Действительно, в ряде случаев отмечены повалуши на подклетах, а также на амбарах, мшаниках, ледниках и погребях. Таким образом, повалуша имела обычно не менее двух этажей. В 8 описаниях отмечены повалуши "о трех житях" ("жильях"),

1927, приложение, акт № 7. Памятники социально-экономической истории Московского государства, т. I, М., 1929, акты №№ 13 и 28. Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова, ч. I, М.-Л., 1940, акты №№ 5, 10, 12. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти ХУШ в., М., 1951, акты №№ 9, 18, 19, 25, 41, 82, 96, 97, 97-а, 126, 133, 137, 180, 190, 201, 219, 241, 265, 273 и 275-а. Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 2, М., 1956, акты №№ 207 и 430.

то-есть трехэтажные, возвышавшиеся над смежными частями хором. В нескольких описаниях указаны размеры повалуш в плане, не превышавшие размеров обычных избных срубов,— 2,5 x 2,5 или 3 x 3 сажени. Упомянутся завершения повалуши "чердаком", "вышкой", "бочкой".

По нескольким актам видно, что повалуши служили зерновыми амбарами или кладовыми для ценного имущества^{12/}. О каком-либо ином использовании повалуш сведений нет. В 6 описаниях отмечены в составе хором одновременно повалуши и столовые, из чего ясно, что это не синонимы. Точно так же в одном описании упомянуты одновременно повалуша и спальня.

В 1633 году царским указом о противопожарном регулировании городской застройки было велено "высоких хором и против них повалуш с большими розвалами и гребени не ставить"^{13/}. Мы не знаем, что такое "розвалы", но, по смыслу указа, это были какие-то детали, небезопасные в пожарном отношении. Таковыми могли быть, между прочим, повалы большого выноса.

Повалуши упоминаются не только в частных усадьбах, но и в архиепископских и воеводских дворах, при приказных избах крепостей и т.д. Одна воеводская повалуша в Путивле была четырехэтажной, другая — в Тобольске — имела в плане $2\frac{1}{3} \times 2\frac{1}{3}$ сажень при высоте "до повалу 36 рядов", — здесь повал уже ясно упомянут^{14/}.

^{12/} Кроме полных описаний, см. также: В.Борисов, Акты, относящиеся до обычаев, нравов, обрядов и поверьев шуян в XVII в., — "Чтения в ОИДР", 1860, кн. 3, акт № 1. А.А.Введенский, ук.соч. 1924, стр.85. Акты...Б.И.Морозова, т.2, акт № 458.

^{13/} П.В.Сытин, История планировки и застройки Москвы, — "Труды Музея истории и реконструкции Москвы", вып. I, М., 1950, стр. 91.

^{14/} М.Г.Милославский, Техника деревянного зодчества на Руси в XVI—XVII вв., — "Труды Института истории естествознания и техники", т.7, М., 1956, стр.61 и 98. См. также: Полное собрание русских летописей, т.4, СПб., 1841, стр.301. Г.П.Петерсон, Исторические сведения о г.Инсаре, — "Пензенские Г.В.", 1887, № 221, акт № 4. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, т.2, М., 1872, стр.240.

В.Ламанским опубликован чертеж богатых хором ХУП века, где показана повалуша с соответствующей надписью ^{15/}. Это трехэтажная башня, по краям ее крыши ясно видны большие повалы. Этот чертеж, являющийся как бы ключом для расшифровки ряда других изображений, позволил Забелину считать повалушей высокую рубленую башню в хоромах Строгановых в Сольвычегодске, стоявшую до конца ХУШ века и известную по двум рисункам. Эта башня имела не менее четырех этажей и была крыта "бочкой" с повалами ^{16/}. Наличие в этих хоромах повалуши, крытой "бочкой", подтверждается и письменными источниками ^{17/}.

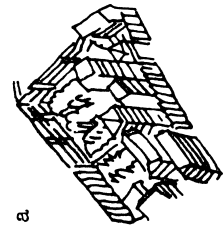
Если эта башня — повалуша, то можно считать повалушами и многие, похожие на нее, постройки, изображенные на "Сигизмундовом плане" Москвы 1610 года ^{18/}. Почти все 1200 с лишним усадеб, показанных на этом плане-панораме, — это разнообразные варианты одного типа усадьбы, хорошо известного по описаниям, а именно городской усадьбы мелкого или среднего феодала, купца, попа или богатого посадского человека. На самом деле этот тип усадьбы, конечно, не был господствующим в городе, и изображения этих усадеб на плане являются не более как условным символом городской застройки, но нарисованы они с глубоким знанием всех особенностей усадеб данного типа. Мы насчитали в нем 135 ясно видимых башнеобразных построек; кроме того, имеются еще неясно нарисованные

^{15/} В.Ламанский, Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова ХУП столетия, СПб., 1861, рис.4. Впоследствии этот чертеж многократно публиковался.

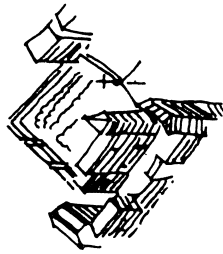
^{16/} Один из рисунков — панорама Сольвычегодска 1793 г.; полная публикация: А.А.Введенский, Дом Строгановых в ХУП — ХУП вв., М., 1962, стр.240-241; фрагмент с изображением хором публиковался многократно. Другой рисунок менее достоверен, в искаженной копии был известен Забелину (Домашний быт..., т.1, приложение); репродукция подлинника и сравнительный анализ всех этих рисунков: С.Забелло, В.Иванов и П.Максимов, Русское деревянное зодчество, М., 1942, стр.49 и 206-207, рис.451, 452 и 453.

^{17/} А.А.Введенский, ук.соч.1924, стр.27 и 85.

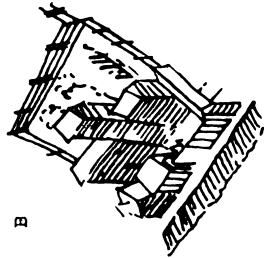
^{18/} ИАО, т.4, вып.5, 1863, приложение. Есть много других полных и фрагментарных публикаций.

а

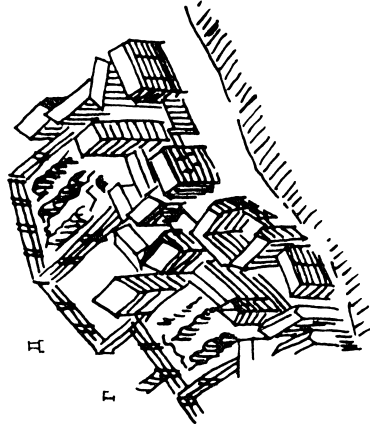

б

в

е

г

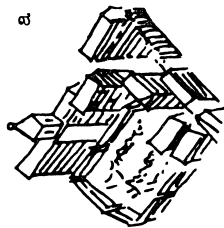
ж

з

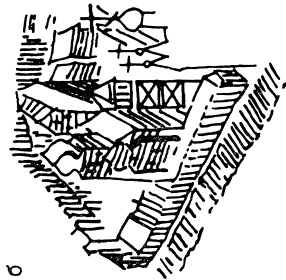
и

Рис. I. Фрагменты "Сигизмундова плана" Москвы 1610 г.

а.

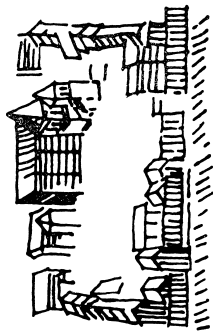

б.

в.

г.

д.

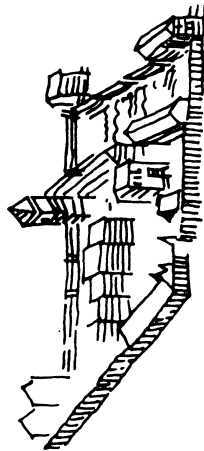

Рис.2. Фрагменты "Сигизмундова плана" Москвы 1610 г.

или частично закрытые соседними постройками. Некоторые характерные усадьбы показаны на рис.1 и 2.

Все башни, кроме одной отдельно стоящей (рис.2-д), либо встроены в хоромы, либо примыкают к ним вплотную. Часто башня находится у края хором, что соответствует положению повалуши в трехкамерной "связи" (см. выше). Есть башни, возвышающиеся посреди хором, на традиционном месте сеней (рис. 1-в, ж и 2-а). Возможно, что здесь нижние этажи башен — проходные, заменяющие собой сени с подсеньем. Такие башни не совпадают с известными нам описаниями повалуш, но похожи на часто упоминаемые в документах сени с надстроенными над ними "чердаками" и "вышками". Последние служили нередко кладовыми и спальнями. Сходство форм башен обоих типов позволяет думать, что такие надстройки над сенями имели что-то общее с повалушами, тем более, что и собственно повалуши, как уже сказано, иногда увенчивались теми же "чердаками" и "вышками".

Около половины всех башен показано со стенами срубной конструкции (бревна изображены горизонтальной штриховкой), остальные — каркасные (полностью или только в верхних этажах; видны горизонтальные обвязки на уровне перекрытий). Крыши рубленых башен разнообразны: от односкатных (рис. 2-д, е) до "бочек" (рис. 1-и и 2-б), таких же, как на Золычегодской башне. На каркасных показаны большей частью четырехскатные крыши, нередко высокие, с пропорциями шатров. Из-за мелкого масштаба не видно устройство краев крыш, местами заметны некоторые намеки на повалы. На одной небольшой каркасной башне, стоящей рядом с более крупной рубленой, в нижних ярусах видны пересекающиеся раскосы, вроде фахверка (рис. 2-б)^{19/}.

В царских хоромах села Коломенского существовала повалуша, на которую в 1668 г. был сделан медный гребень. В 1681 г.

^{19/} Подобная башня с раскосами изображена на одной из иллюстраций XIV века к Радзивилловской летописи (Радзивилловская или Кенигсбергская летопись, СПб., 1902, т. I, л. 28 об.).

эту повалушу разобрали, и на ее месте построили столовую палату с сенями, известную по обмерным чертежам XVIII века. Этот факт и явился единственным основанием для гипотезы Забелина о тождестве повалуши и столовой ^{20/}.

Но, во-первых, имеется план этих хором, составленный до сноса повалуши, и на нем повалуша показана на месте будущих столовых сеней в виде помещения с надписью: "повалуша 3 саж. без трети" ^{21/}. Такое маленькое помещение не могло быть царской столовой, тем более — парадной приёмной. На этот план, опубликованный без аннотации, не обратил внимания никто из исследователей Коломенского, кроме Забелина; а Забелин, хотя и заметил, что план относится к Коломенскому ^{22/}, но не сделал из этого выводов относительно назначения повалуши.

Во-вторых, в 1671 г., до сноса повалуши, польские послы упоминали о наличии в хоромаш какой-то башни, едва ли не шеститажной ^{23/}. Из сравнения упомянутого плана, составленного до 1681 г., с обмерным планом XVIII века видно, что в 1681 г. в хоромаш не было сломано никаких других частей, кроме повалуши и каких-то мелких чуланов или сеней около нее (рис. 3). А поскольку после 1681 г. никакой башни не осталось, приходится признать, что именно башня и была повалушей.*

В-третьих, те же послы отметили, одновременно с башней, еще и столовую, из чего следует, что башня-повалуша не заменяла столовую, и что новая столовая была построена не на месте старой столовой, да, по-видимому, и не вместо нее (старая, вероятно, осталась в составе хором в виде одного из многих помещений, показанных на планах без специального названия).

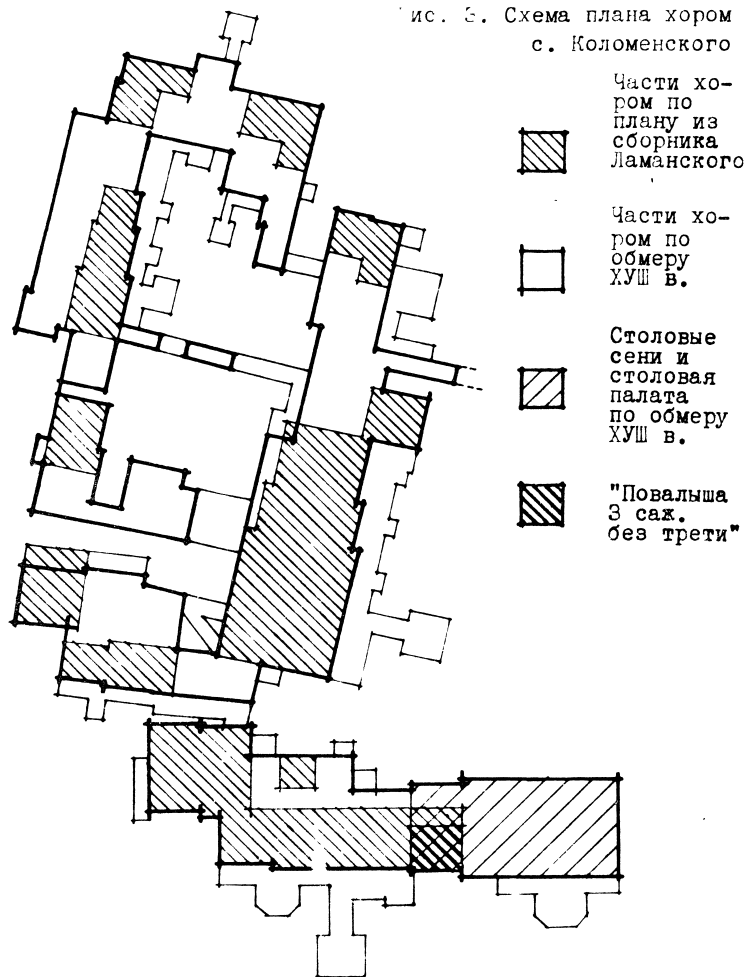
^{20/} И.Е.Забелин, Домашний быт..., т. I, стр. 352 и 355.

^{21/} В.Ламанский, ук. сборник, рис. 33.

^{22/} И.Е.Забелин, Домашний быт..., т. I, стр. 526.

^{23/} Там же, стр. 354-355.

рис. 2. Схема плана хором
с. Коломенского

На фресках, иконах и миниатюрах до-петровского времени часто видны на задних планах какие-то башни, имеющие, при всей условности и схематичности изображения, тот же характерный силуэт с повалами, что и на упомянутом чертеже из сборника Ламанского. Известны также упоминания о повалушах в художественной литературе, в былинах и т.д. Эти источники мы здесь не разбираем, потому что они, в общем, весьма неопределенны и почти ничего не прибавляют к рассмотренным выше материалам. Но и в этих источниках повалуша нередко представляется как высокое, башнеобразное сооружение. Например, многоярусная башня-повалуша описана в рассказе князя Курбского о разгроме усадьбы Колычевых опричниками^{24/}, а протопоп Аввакум уподобляет зубчатые вершины гор силуэту города с повалушами^{25/}.

На 900 с лишним крестьянских усадеб XVI, XVII и начала XVIII веков, о которых мы имеем сведения, не набирается и полутора десятков повалуш, да и те были лишь у самых богатых крестьян, и только в XVI и в начале XVII вв.^{26/}. Очевидно, если повалуши и были когда-либо характерны для крестьянских усадеб (что сомнительно), то они исчезли из них не позже начала XVII века.

Но чем же тогда объяснить, что в XIX веке термин "повалуша" существовал в некоторых крестьянских областных говорах и обозначал клеть, служившую летней спальней, что и дало повод для упомянутой гипотезы Даля, поддержанной этнографами? По-видимому, с этим термином произошло то же самое, что с терминами "горница" и "светлица". Они до начала XVIII века тоже употреблялись в описаниях только феодальных и иногда

^{24/} А.Курбский, История о великом князе Московском, — РИБ, т.31, 1914, стр.300.

^{25/} Юрьевоцкого протопопа Аввакума Петрова... житие, им составленное, — Материалы для истории раскола, т.5, М., 1879, стр.55-56.

^{26/} В.П.Шляпин, Акты Великоустюгского Михаило-Архангельского монастыря, ч.1, Великий Устюг, 1912, акт № 63. Писцовые книги Московского государства, ч.1, отд.2, стр.308-310, 322, 364-365. Сб. "Карелия в XVII в.", Петрозаводск, 1948, акт № 11.

посадских усадеб, в крестьянских же встречались лишь в виде редкого исключения. А в XIX в., когда у господствующих классов эти термины были давно забыты, они оказались широко распространенными у крестьян, притом иногда в новом значении ^{27/}. Это запоздалое проникновение старых не-крестьянских слов в крестьянский быт могло происходить многими путями, например, через крестьян-однодворцев, долго хранивших традиции своих предков — мелких помещиков, через разбогатевших крестьян, подражавших быту господствующих классов, и т.д. Впрочем, термин "повалуша" в XIX в. встречался у крестьян несравненно реже, чем "горница" и "светлица". В подавляющей массе этнографических описаний XIX и начала XX вв. повалуши не упоминаются.

Итак, с XVI до начала XVIII веков повалуша была характерным сооружением феодальной усадьбы, у горожан встречалась редко, а у крестьян — лишь как исключение. Это была башнеобразная постройка, по площади не больше обычной избы, но в несколько этажей. Обычно она встраивалась в жилые хоромы, но иногда ставилась во дворе и отдельно. Она нередко имела крышу с повалами и различные декоративные завершения.

Гипотеза об использовании повалуши в качестве столовой и парадной приёмной исключается, — эта гипотеза не основана ни на чем, кроме упомянутого недоразумения, возникшего при изучении хором села Коломенского. Тесная многоэтажная башня, в каждом этаже которой немалая часть площади должна была быть занята люками и лестницами, явно не могла быть парадным помещением.

В связи с вопросом о люках и лестницах, здесь уместно вернуться к цитированному летописному тексту 1492 года с за-

^{27/} До начала XVIII в. горница и светлица — теплые жилые помещения с отопительными (не хлебными) печами (светлица — с большим количеством "косячатых" окон, чем горница). В XIX в. горница — чистое, но не всегда теплое жилое помещение в крестьянском доме, генетически связанное с клетью; светлица — чаще всего мансардное холодное помещение (то, что до XVIII в. называлось чердаком), а иногда — специальная производственная постройка ("ткацкая светелка").

точении угличского князя Андрея. Напомним, что его оставили в каком-то помещении, из которого бояре вышли в столовую гридню, а Иван III — в повалушу. Несколькоми строками ниже сказано, что после этого князь Семен Ряполовский, которому было поручено арестовать Андрея, "приде в западню ко князю Андрею Васильевичу..."^{28/}. Современному читателю кажется, что здесь помещение, в котором остался Андрей, образно названо западней, т.е. ловушкой. Но еще недавно слово "западняя" означало подъёмную крышку над проёмом в перекрытии (лаз в подполье, и т.п.)^{29/}. Не значит ли это, что повалушей здесь названо помещение, находившееся над помещением, в котором арестовали князя, и что Ряполовский поэтому должен был спуститься через западню? Не был ли князь Андрей арестован в нижнем этаже повалуши, и не представляло ли собой всё сооружение в целом башню, этажи которой сообщались между собой лестницами с западными?

Не подтверждается и версия о происхождении повалуши от гридни. В качестве неотапливаемой спальни повалушу использовать, вероятно, могли, хотя об этом и нет прямых указаний. Во всяком случае, повалуша нередко занимала в хоромах традиционное место клетки и имела какое-то сходство с чердаками и вышками, а клетки, чердаки и вышки служили, между прочим, и спальнями. Но это не значит, что повалуша была спальней по основному назначению, ибо спали в то время вообще в самых различных, в том числе и холодных помещениях. Специальные столовые, приёмные и спальни в больших хоромах тоже имелись, но не они назывались повалушами.

Многokrатно и определенно подтверждается только использование повалуши как складского помещения. Но нельзя не заметить, что и для такой цели форма многоэтажной башни тоже достаточно неудобна. Правда, известны двухэтажные, а иногда и трехэтажные амбары у крестьян и в городах в XIX в. Но смысл многоэтажного устройства этих амбаров тоже еще не

^{28/} Устюжский летописный свод..., стр. 99.

^{29/} В. Даль, Толковый словарь..., т. I, стр. 611.

ясен. Обычные ссылки на необходимость защиты от сырости и грызунов неубедительны: для такой защиты достаточно было поставить амбар на столбы, что и делалось, но вовсе не нужен был второй, тем более третий этаж. Если в городах повышение этажности амбаров могло быть вызвано недостатком земельной площади, то в сельских местах и этот фактор не мог быть существенным. В очень больших, например общественных, зерновых амбарах увеличение высоты помещения могло быть связано с устройством высоких "глухих" закровов, но это касается общей высоты, а не этажности ^{30/}. Создается впечатление, что многоэтажное устройство повалуши и амбара в равной степени не отвечало назначению складских построек, но было пережитком каких-то иных, давно утраченных функций (тем более, что амбары имели и некоторые другие особенности, бессмысленные для складских помещений — см. ниже). Но какое иное назначение могла иметь повалуша до XVI века? Здесь мы переходим от фактов к гипотезам.

На наш взгляд, получает новые подтверждения последняя гипотеза Забелина об оборонительном назначении повалуши.

Мы видели, что повалуша если не всегда, то нередко имела повал — расширяющуюся кверху часть сруба, и именно отсюда, возможно, и произошло ее название. Но уже давно высказана мысль, что повал (в этом смысле слова) представлял собой декоративное подражание навесной боевой галерее крепостных стен и башен, известной под названием "обламки" ^{31/}. Не были ли и повал повалуши выродившейся боевой галереей?

Термин "повал" этого не исключает. На Руси он означал не только расширяющуюся кверху часть сруба, но и любой консольный выпуск бревна, например, под крыльцом, под папертью, под

^{30/} Подробно о таких амбарах: Сборник статистических сведений по Московской губернии, Отдел хозяйственной статистики, т.10, Продовольственное дело, вып.1, М., 1891, стр. 56-157.

^{31/} Ф.Горностаев и И.Грабарь, раздел "Крепостное и гражданское зодчество" в кн. "История русского искусства" под ред. И.Грабаря, т.1. М., 1909, стр.495-496. С.Забелло, В.Иванов и П.Максимов, ук.соч., стр.38 и 67.

крышей. По-польски термин "powała" означает бревенчатый накат или потолок. Но боевая галерея в ее законченной форме и была не чем иным, как бревенчатым накатом, уложенным на консольные выпуски бревен и снабженным бруствером. Как название консолей, так и название наката легко могло быть перенесено на всю конструкцию, и не исключено, что вся галерея называлась именно повалом, пока не появилось слово "обламки", занесенное, кстати, тоже через Польшу (от "blankowanie").

Возможно и другое. Расширяющаяся кверху часть сруба сама могла быть военным приспособлением того же назначения, что и галерея на консолях, только более примитивным и, вероятно, более древним. На иконе, выполненной не позже начала ХУП в. и восходящей, возможно, к более старым прообразам, башни Тверского кремля показаны именно с расширяющимися кверху срубами, а не с "обламками" ^{32/}.

В Сибири русские войска до конца ХУП в. строили отдельно стоящие башнеобразные оборонительные сооружения — "зимовья", "с верхним же боем с зимовейным в повал" ^{33/}. Мы не знаем, имелись ли здесь в виду уже галереи на консолях типа "обламок", только под старым названием, или еще сохранялись архаические конструкции вроде тверских башен. Но ясно, что повалом здесь называлось утилитарное приспособление для верхнего боя, а не декоративная деталь.

О существовании на Руси усадебных оборонительных башен до сих пор ничего не было известно. Но условия для появления таких башен имелись. Эти башни могли быть нужны в эпоху холодного оружия, при слабой государственной власти и при обилии мелких междоусобных столкновений в стране. На Руси такая ситуация сложилась не позже чем при зарождении феода-

^{32/} А.Соколов, Святый благоверный великий князь Михаил Ярославич Тверской, Тверь, 1864, стр.24-25. Есть другие публикации, например: Н.Н.Воронин, Зодчество северо-восточной Руси XII-XV вв., т.2, М., 1962, стр.141 и 392.

^{33/} Дополнения к актам историческим, т.7, СПб., 1859, акт № 74.

лизма и существовала до XV века, а местами и позже. Усадебные башни могли быть нужны прежде всего мелким феодалам, которые постоянно враждовали со своими крестьянами и друг с другом, но были не в состоянии содержать большие дружины и строить крупные укрепления, и потому нуждались в сооружениях, обороняемых силами своей семьи.

Судебные архивы XVI, XVII и начала XVIII веков переполнены делами о непрерывных столкновениях мелких помещиков и церковных феодалов то с крестьянами, то между собой. Эти землевладельцы с мелкими шайками своих "людей", вооруженных не намного лучше, чем в эпоху холодного оружия, занимались самым неприкрытым разбоем и грабежом в имениях своих соседей. От них мало отличались мелкие группы степных кочевников на южных и юго-восточных окраинах страны. Отсюда легко представить себе обстановку, скажем, в XIII-XV веках.

О возможности существования усадебных оборонительных башен свидетельствует и то, что в усадьбах, по многим описаниям, до начала XVIII века и даже позже имелось много других оборонительных приспособлений: мощные дворовые ограды, иногда даже с надвратными башнями, боевые стрельницы над нижними рундуками крылец, и т.п. Весьма вероятно, что и упомянутые "чердаки" и "вышки" над сенями тоже первоначально служили для защиты входов в хоромы. Не в этом ли причина их сходства с повалушами ? ^{34/}

Но могла ли служить для обороны деревянная башня, которую было легко поджечь ? Этот вопрос относится и ко всем другим деревянным военным сооружениям, и на него нетрудно ответить. Чужеродные враги, для защиты от которых эти сооружения строились, находились большей частью еще на той стадии развития, когда право грабить заменяло плату за воинскую службу. Но при сплошной деревянной застройке поджог укрепления означал сожжение всего населенного места со всем иму-

^{34/} Не такую ли постройку представляла собой уцелевшая каменная башня княжеских хором XII в. в Боголюбове, второй этаж которой служил сенями ? (Н.Н.Воронин, ук.соч., т.1, М., 1961, стр.247-248).

ществом, подлежавшим разграблению, что отнюдь не устраивало нападающих ^{35/}.

Следовательно, хранение зерна и ценных вещей в усадебной оборонительной башне не противоречило ее военному назначению. Совмещение функций амбара и оборонительного сооружения в одной постройке не только обеспечивало сохранность имущества, но и гарантировало осажденных от поджога. Устройство спальни в такой постройке тоже способствовало как охране имущества, так и безопасности владельцев.

Отсюда уже легко предположить, что эта башня и развилась именно из складского сооружения, скорее всего из клетки, которая была и зернохранилищем, и кладовой, и неотопливаемой спальней. В северной половине Европейской России мог быть использован также двухэтажный сеник — постройка с помещением для скота внизу и с верхним этажом, по идее предназначенным для хранения сена (отсюда название), но фактически служившим нередко тоже кладовой-спальней, подобной клетки. Все разновидности усадеб с клетями и сениками восходят к типу усадьбы большой семейной общины, где каждая супружеская пара имела такую кладовую-спальню. На Руси эта система долго удерживалась в крестьянских усадьбах, ее пережитки сохранялись и у феодалов ^{36/}.

^{35/} Сказанное не противоречит тому, что в некоторых случаях принимались специальные противопожарные меры — обмазка стен глиной и т.п. (В.В.Косточкин, Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI веков, М., 1962, стр.202-204). Сведения об этом относятся лишь к крупным крепостям, при осаде которых стратегические соображения могли превалировать над стремлением к грабежу. Кроме того, противопожарные мероприятия в деревянных русских городах были, как известно, достаточно актуальны и в мирное время, независимо от военных обстоятельств.

^{36/} А.А.Шенников, Крестьянские усадьбы в XVI-XVII веках (южная и средняя части Европейской России), — сб. "Архитектурное наследство" № 14, М., 1962, стр. 66-67 и 73; его же, Крестьянские усадьбы XVI-XVII вв. (Верхнее Поволжье, северо-западная и северная части Европейской России), — там же, № 15, М., 1963, стр.97-99; его же, О русских крестьянских усадьбах XVI в., — Доклады отделения этнографии Географического Общества СССР", вып.2, Л., 1966, стр.8-9 и 16-22.

Эти соображения подтверждаются многими аналогиями. Так, в Польско-Литовском государстве в XVI-XVII вв. еще встречались мелкие помещичьи усадьбы с боевыми башнями, а также переходные формы от усадьбы с одной башней к усадьбам с несколькими башнями, вплоть до каменных замков^{37/}. Там же в усадьбах феодалов встречались двухэтажные строения с навесными галереями вокруг второго этажа, нередко сохранявшие внешнюю форму башен и служившие для хранения зерна, ценных вещей и, между прочим, оружия. Они носили ряд названий, — "swiron", "lamus" и др., — но в нескольких документах XVI и начала XVII вв., написанных на языке, близком к русскому, нам встретились описания точно таких построек, называвшихся "powalusz" , "повалуш" ^{38/}. Напомним, что феодалы Великого княжества Литовского в XVI в. — это, большей частью, еще далеко не полностью ополяченные прямые потомки тех самых русских феодалов, которые в XII в. жили на этих же местах, "повалуше испсав"!

У литовских крестьян до начала XX в. встречались как одноэтажные, так и двухэтажные с галереей, неотапливаемые амбары-спальни, называвшиеся "swirnas" или "klėtis" и входившие к тому же типу большесемейной усадьбы, свойственному далеко не одним славянам. Существует мнение, что и у этих построек галереи были связаны с военными функциями ^{39/}.

Двухэтажные кладовые-спальни несколько иной формы, удлиненные в плане, известны под названиями "lopt", "loft" в Норвегии и Швеции, "luhti" в Финляндии. Их галереи в ряде случаев сохранили брустверы и бойницы, не оставляющие сомнений насчет их происхождения. Постройки того же назначения

^{37/} W. Łosiński, *Życie polskie w dawnych wiekach*, wyd. 12, Kraków, 1958, str. 64-68.

^{38/} Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси, т. 3, Вильна, 1867, акт № 37. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Комиссиею, т. 14, Вильна, 1888, акты № 23 и 81.

^{39/} Ф. К. Белинский, *Литовское народное водчество*, М., 1960, стр. 40-50.

и очень похожей формы имелись до начала XX в., под разными названиями, у всех нерусских народностей среднего Поволжья, причем и здесь это тоже было связано с большой семейной общиной^{40/}. К началу XX в. здесь галереи имели обычно лишь легкие перила, но нам известно несколько рисунков и фотоснимков, на которых видны глухие парапеты вроде брустверов и проёмы в форме бойниц^{41/}.

Упомянутые двухэтажные клетки и сеники, распространенные у русских (не только у крестьян) в XVI веке, по-видимому, мало отличались от подобных скандинавских, финских и средневожских построек. У русского населения г.Сольвычегодска до недавнего времени не только сохранялись, но и вновь строились такие постройки, хотя и без оборонительных деталей^{42/}. Думаем, что и упомянутые русские двух- и трехэтажные амбары происходят от этих же строений,— этим объясняется не только их многоэтажность, но и наличие нависающих верхних частей сруба, нередко на повалах, очень похожих на детали крепостных башен и ненужных для амбара, как такового^{43/}.

^{40/} Очень возможно, что и у русских крестьян среднего Поволжья такие строения тоже были, но в этом районе постройки русских до 1950-х годов никто систематически не изучал.

^{41/} Л.В.Даль. Материалы для истории русского гражданского зодчества,—"Зодчий", 1874, № 7, иллюстрации, л.35, рис. 11, 12 и 13. A.Heikel, Die Gebäude der Čeremissen, Mordwinen, Esten und Finnen,—"Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja", IV, Helsingissä, 1888, Abb. 102, 103, 104. Н.И.Воробьев, Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны....—"Вестник Научного общества татароведения", № 8, Казань, 1928, рис.1 и 2.

^{42/} А.А.Шенников, ук.соч. 1966, стр.21 и рис.3.

^{43/} Этнографы много раз тщетно добивались от крестьян объяснения назначения этих выступов. Часто говорят, что выступы защищают вход от дождя, однако ясно, что для этого было бы достаточно простого навеса на консолях или на столбах, без тяжелой рубленой конструкции; вдобавок, известны амбары с такими же выступами не только над входом, но и на других стенах. Совсем несерьезно звучат объяснения вроде того, что в этих выступах образуются изнутри полки для хранения уздечек и т.п. Говорят, что через люк в нависающей части затаскивали в верхний этаж мешки и пр., однако такие же свесы, притом без люков, обычны и на одноэтажных амбарах.

Можно было бы указать еще очень много подобных аналогий в странах, более удаленных от России, причем дело отнюдь не ограничивается одними лишь южнославянскими и кавказскими башнями, о которых писал Забелин. Но нам достаточно констатировать, что во всей северной полосе Европы, от Норвегии до Урала, в усадьбах больших семейных общин существовал, с местными вариациями, тип кладовой-спальни, повсюду имевший тенденцию к превращению в оборонительное сооружение, не менее чем в два этажа и с боевой галереей в верхнем этаже. Возможно, что продолговатые постройки с односторонней галереей можно считать более примитивными, распространенными у всех слоев населения, а башнеобразные с галереей со всех сторон — более развитыми, характерными лишь для усадеб феодалов. Впоследствии, с изменением средств войны и прекращением междоусобиц, эти сооружения постепенно превращались снова в кладовые-спальни или в чисто складские сооружения, но уже с пережитками оборонительных приспособлений в конструкциях и в декоре.

Нет оснований считать, что Русь составляла исключение из общего правила. Можно думать, что простейшие усадебные оборонительные постройки на основе клеток начали появляться уже на ранних этапах развития феодализма. Весьма вероятно, что упомянутые башнеобразные постройки в новгородских дворах, если они правильно реконструированы, были, действительно, повалушами и имели значение оборонительных башен.

Примерно в XV веке должен был начаться упадок повалуши, как военного сооружения. Но, поскольку она стала привычным атрибутом и, судя по "Слову о богатом и убогом", даже символом богатой усадьбы, ее еще долго пытались сохранить, встраивая по-разному в хоромы и приспособливая для новых целей. Может быть, на последних этапах развития повалуши могли появляться отдельные постройки или помещения, еще носившие по традиции это название, но уже сильно измененные. Например, в 1737 г. описана "повалыша холодная" с одним красным и тремя волоковыми окнами, из чего можно понять,

что в это время бывали и теплые повалуши, ранее не встречавшиеся ⁴⁴/ . Совершенно так же в западной Европе дворцы феодальных усадеб, давно потерявшие военное значение, очень долго не могли избавиться от традиционных четырех угловых башен — пережитков замка.

Этот-то период постепенного отмирания повалуши, на наш взгляд, и прослеживается по рассмотренным материалам ХУІ, ХУІІ и начала ХУІІІ веков.

⁴⁴/ И.Е.Забелин, Домашний быт..., т.І, стр.402.

Г.А.СОКОЛОВА

**ВЕРОВАНИЯ КРЕСТЬЯН ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
КОНЦА XIX ВЕКА**

(Доложено на заседании отделения 27 октября 1966 г.)

Это сообщение является результатом исследования части рукописного фонда Тенишева, относящейся к Вологодской губернии. Фонд хранится в Государственном музее этнографии народов СССР и представляет собой первичную обработку анкетных данных по разным вопросам этнографии, полученных в конце XIX века из 24 губерний России.

В материалах по Вологодской губернии имеются интереснейшие высказывания информаторов об отношении крестьян к официальной религии и к дохристианским верованиям — так называемым "суевериям". Голоса современников приобретают особую ценность для выяснения влияния христианского учения и силы дохристианских верований в русской крестьянской среде, сохранившей в конце XIX века на севере в наиболее чистом виде традиционные формы материальной и духовной жизни.

Народные верования русских недостаточно изучены и иногда характеризуются терминами "пережитки", "невежество", "суеверие" (т.е. бессмысленная вера), возникшими в христианской литературе и не употребляемыми по отношению к христианству. А между тем, дохристианские верования существовали в течение многих веков — вначале самостоятельно, затем параллельно с христианством.

Прежде чем перейти к изучению народных верований, необходимо выяснить, как относились крестьяне к христианскому учению, глубоко ли его знали и понимали.

Информатор П.Городецкий сообщил, что в церковной летописи Спасо-Преображенского храма Вологодского уезда священник Кузнецов записал следующее: "прихожане сей церкви не отличаются ни религиозностью, ни набожностью, холодность и равнодушное отношение к церкви, нерасположение к молитве и

хождению в церковь и даже явное непочтение к святости дней, не говоря уже о непонимании их и всех других христианских отношений. Чрезвычайно резко бросается в глаза пустующая церковь в воскресенье и праздничные дни (про простые дни и говорить нечего, тогда в ней не видно ни одного молящегося) и многочисленность стремящихся праздновать по мирскому на гульбищах. В последнем случае народа бывает так много, что вереница его тянется по крайней мере, если сплошная, от церкви и до места жительства священно-служащих, т.е. три четверти версты. О христианском праздновании здесь не может быть и речи. Кроме сильной привязанности их к гуляниям и развлечениям, в летнюю пору, зачастую можно видеть их работающих полевые работы, за уборкой хлеба и сена.

В приучившийся (случившийся — Г.С.) храмовой праздник (20 мая) было служено всенощное бдение. Масса народа, пришедшего и приехавшего на лошадях для гулянья, которое здесь велось из древности, не выдвинуло для посещения храма божия и тысячной доли своего количества. Было лишь несколько любопытных, которые скоро вышли, старых да малых, которых не интересовало народное гулянье. Во время благовеста их многочисленной толпы, я не заметил никакого благоговения в гуляющих. Ни один из мужчин не снял шапки и ни одна женщина не перекрестилась, как это принято и ведется у набожных людей"...^{1/}

Такая горестная запись священника не случайна. О пренебрежительном отношении к христианскому учению и церкви говорят многие другие информаторы, например: "Вообще-то крестьяне относительно храма радуют мало и без всякой причины не ходят в церковь, иные даже по несколько раз^{АСТ}. Ходят на поклонение к мощам только в важных случаях жизни по обету, например, в случае выздоровления от тяжелой болезни"^{2/}.

^{1/} Архив ГМБ, фонд 7, Вологодская губ. (здесь и далее). Вологодский уезд, П. Городецкий, стр. 4.

^{2/} Архив ГМБ, ф. 7, Вологодский у., Попов, стр. 10.

Это подтверждает мнение С.А.Токарева о том, что "подавляющее большинство верующих, особенно крестьянского населения, вспоминает о боге, о церкви либо формально в установленные воскресные и праздничные дни, когда церковный календарь дает лишь традиционный предлог, чтобы погулять, поприрадовать, попьанствовать, либо всерьез в экстренных случаях жизни, при тяжелой болезни, эпидемии, засухе, неурожайе, падеже скота, пожаре и проч. Он обращается к "чудотворным" средствам воздействия на природу: заказывает молебен о здравии, о дожде и т.д.... Словом, верующий ожидает от своей религии магической помощи, магического вмешательства в будничную жизнь. Значит, иными словами, даже в сложных высокоразвитых религиях важнейшее значение принадлежит на деле именно магии" ^{3/}.

Информаторы подчеркивали сознательное предпочтение церковным праздникам и обрядам народных "гульбищ". Против них церковь не имела возможности возражать и смотрела на них сквозь пальцы, но строго следила за выполнением христианских обрядов, прибегая к помощи полиции. Так, например, большим грехом считалась работа в праздничные дни. Работающих в праздничные дни полиция штрафовала на один рубль, что отмечают информаторы. Так, жители Борисовской волости (Вологодский у., год не указан) обратились к уездному приставу с просьбой разрешить работать в праздничные дни, но ходатайство осталось без внимания. По сообщению другого информатора, в волостном суде свидетелей часто спрашивали, давно ли они были на духу, чтобы удостовериться, "можно ли положиться на их показания" ^{4/}.

Официальная сторона православия, да еще в таких формах, как штрафы за работу во время христианских праздников или допросы о посещении исповеди, не повышала уважения к официальной религии в целом. Духовенство искало силы, которая

^{3/} С.А.Токарев, Сущность и происхождение магии, — Тр.ИЭ, т.51, М., 1959, стр.8.

^{4/} Архив ГМЭ, ф.7, Вологодский у., Сатрапов, стр.2.

могла противостоять крестьянским верованиям и укрепить христианские идеи. Крестьяне церковь посещали неаккуратно, поэтому мало слушали устные проповеди, уровень которых был невысок, а повысить его духовенство было не в силах. Выход был найден, как это ни парадоксально, в распространении грамотности и увеличении количества церковно-приходских школ.

О том, что давала школа, очень убедительно сказал информатор Рождественский: "Нередко кончивший школу забывает впоследствии читать, не говоря уже о письме. Часто ученики выходят из школы без нужных жизненных сведений. Случается, что грамотей, читая молитвы "за царя и отечество", не знает имени царя, не знает, что такое отечество. Ученик выходит из школы с тем же убеждением, что солнце ходит над землей..."^{5/} И хотя книги были, читали их редко: "Во всей деревне находится несколько евангелий, псалтирей, часословов и молитвенников. Лежат они больше для прилику (приличия — Г.С.), редко кто почитает (читает — Г.С.)"^{6/}.

Самостоятельное чтение книг ограничивалось недостаточной грамотностью, поэтому в некоторых деревнях крестьяне устраивали коллективные чтения книг, слушая тех, кто читал бегло. В Леонтьевском приходе Вологодского уезда из 1200 душ крестьян в 28 деревнях 400 человек были неграмотные, 300 — полуграмотные. В праздничные дни и зимними вечерами собирались из разных деревень 20-40 любителей чтения. "Взрослые по большей части читают книги религиозно-нравственного содержания. Второе место занимают книги исторического содержания, далее следуют беллетристика, потом сельское хозяйство и на последнем месте естествоведение"^{7/}.

Большинство книг было религиозного характера, потому что поступали они чаще всего от религиозных организаций: "...из Общества распространения священного писания в России, Общес-

^{5/} Архив ГМЭ, ф.7, Вельский у., Рождественский, стр.9.

^{6/} Архив ГМЭ, ф.7, Вологодский у., Попов, стр.10.

^{7/} Архив ГМЭ, ф.7, Вологодский у., Головкин, стр.3.

тва любителей духовного просвещения, от редакции журнала "Вестник Российского общества Красного Креста", "Русский па-ломник" и от Московского комитета грамотности..."^{8/}.

Но что давало чтение религиозных книг? Информатор Арас-тархов писал: "Вообще-то крестьяне не считают чтение книг делом серьезным, но, наоборот, таким, которым можно зани-маться от безделья для препровождения времени. Мне приходи-лось часто слышать такое суждение: "Кто прочитает всю библию, тот сойдет с ума". И эти слова они доказывают факта-ми, указывая на Семушкина, жившего во Владимирской Заони-киевской пустыни, который будто бы, прочитавши библию всю с начала до конца, сошел с ума. Состав и содержание библии крестьяне совсем не знают, потому им библия представляется какой-то необыкновенно чудовищною книгою. Часто они сравни-вают библию с евангелием и рассуждают, которое из них святее и достойнее уважения"^{9/}.

Отсутствие достаточных знаний о христианском учении и боязнь читать библию отмечала и официальная церковная пе-чать: "В самом деле, вникая в область религиозных познаний нашего простонародия, наблюдатель невольно поражается ску-достью, которою отличается народ наш в отношении к христиан-скому вероучению. Библия, эта книга книг, распространена в народе до такой степени мало, что очень и очень многие не знают о ее существовании, а из знающих многие считают опас-ным ее чтение... Такая малоизвестность и малораспростра-ненность слова божия в народе с одной стороны, с другой — суеверное против него предубеждение, открывают удобный доступ в народ литературе апокрифической, которая почитается верхом богословской христианской мудрости"^{10/}.

^{8/} Архив ГМЭ, ф.7, Вологодский у., Головков, стр.3.

^{9/} Архив ГМЭ, ф.7, Вологодский у., Фетиньинская вол., Арастархов, стр. 2.

^{10/} Н.Заварин, О суевериях и предрассудках, существующих в Вологодской епархии, — "Вологодские Епархиальные Ведомости", 1870, № 1, стр. 19-20.

Далее в этой статье говорится: "Присматриваясь ближе к нашим народным верованиям, мы находим в них удивительную смесь христианства с более или менее грубым язычеством и отсутствие знаний самых первоначальных истин христианского богопознания. Особенно ярко выступает эта смесь христианского с языческим в учении о творении мира и человека, в учении о промысле, в учении о душе и о загробной жизни, в учении о лице богочеловека, об ангеле-хранителе, о святых божьих человеках" ^{11/}.

Таким образом, все основные догматы христианского учения в народе критиковались. Это нельзя считать влиянием раскола, так как старообрядчество подвергало сомнению не самую сущность веры, а лишь внешнюю обрядность. К тому же, влияние его в этот период в данных уездах было незначительным, информаторы о нем даже не упоминали. Автор цитируемой статьи, доказывая отсутствие знаний христианского учения в народе и приверженность народа к языческим верованиям, приходит к мнению, что эти верования составляют "целый цикл": "...состоят в связи с бесчисленным множеством суеверий и примет, сгруппировавшихся... издревле и до ныне составляющих целый цикл суеверий и предрассудков" ^{12/}. Такое мнение церковников не случайно и встречается в других изданиях. В редакционной статье "Церковно-общественного вестника" отмечалось: "...народные массы живут в положении, приближающем их к крещеному язычеству..." ^{13/}.

В советской науке в настоящее время создается совершенно определенное отношение к этому вопросу. Так, в серии "Народы мира" говорится: "Православие было воспринято широкими массами внешне, смысл церковных догматов их мало интересовал и был непонятен, но внешняя, обрядовая сторона исполнялась строго, за чем внимательно следило сельское духовенство, ко-

^{11/} Н.Заварин, ук.соч., стр.21.

^{12/} Там же, стр.24.

^{13/} "Церковно-общественный вестник", 1880, № 120, стр.3.

торому помогала полиция" 14/.

Равнодушные крестьяне Вологодской губернии к православию сочетались с активным интересом к народным верованиям, пренебрежительное отношение к духовенству отнюдь не распространялось на колдунов. Если нарушение церковных обрядов и несоблюдение важных православных праздников было постоянным явлением, то этого не случалось по отношению к обычаям и обрядам народных верований. Некоторые из них как бы застыли, существовали длительное время без изменения, в других отразился исторический процесс их развития.

В Есютинской волости Вельского уезда 29 июня ¹⁴ соблюдался строгий пост. Этот народный праздник совпадал с христианским — усекновения главы Иоанна Крестителя. Объединились два события, и праздник получил в народе название Ивана постного. Крестьяне по-своему осмыслили даже христианский мотив праздника, — нельзя было брать в руки ничего острого, что могло бы напомнить о мече, которым был обезглавлен Иоанн Креститель. Но особенно строго соблюдались в этот день другие обычаи и запреты, относящиеся к категории народных верований: "... в этот день крестьяне дают себе разрешение есть репу, почему он называется иногда "репным праздником". Целые полосы, засеянные репой, остаются до репного праздника неприкосновенными. Существует довольно оригинальный способ наказания нарушителей (поста — Г.С.). Его, как это ни странно, раздевают до нага, обматывают снятой одеждой его голову и под руки проводят вдоль по деревне. При этом всякий может ударить нарушителя, чего, однако, не допускают, а ограничиваются одним смехом" 15/. Видимо, в данном обычае отразился древний запрет, причем никто не знает его причины, и всё-таки соблюдают все.

Очень стойки верования, связанные с огнем и молнией. Имущество из дома, загоревшегося от молнии, не выносили, так

14/ "Народы Европейской части СССР", т.1, М., 1964, стр. 412.

15/ Архив ГМЭ, ф.7, Вельский у., Рождественский, стр.7.

как считали такой пожар наказанием, посланным с неба. Пожар от молнии тушили молоком. Во время грозы крестьяне днем не работали, а ночью не спали, считая то и другое за великий грех. "Как только начинается гроза, женщины... тотчас закрывают трубы, окна и все отверстия затыкают, чтобы нигде не было ветра, прикрывают самовары и металлическую посуду..."^{16/}

Во время обычного пожара, когда, казалось бы, всё внимание должно направляться на тушение огня, прежде всего искали виновного, так как "...по их воззрениям, огонь распространяется по тому направлению, по которому пошел виновник пожара... Как только узнавали соседи об этом, то выгоняли его с семейством в поле, где он и должен был сидеть во время пожара и отнюдь не появляться в деревне"^{17/}.

Верили в очистительную силу грозы и огня. На масленицу жгли все вещи, принадлежавшие покойникам. В ночь на Ивана Купала прыгали через костер, чтобы очиститься от всякой скверны. Крестьяне Вологодской губернии, как и многие другие народы, считали человека, убитого молнией, избранником неба. "На человека, убитого громом, смотрят, как на человека хорошей жизни, благовоспитанного, — нет лучше и спасительнее смерти, как быть убитым громом..."^{18/}.

Отношение к умершим неестественной смертью часто зависело от рода смерти, но всегда было настороженным. В древности умерших "злой" смертью или от неизвестных причин — не хоронили, на некоторое время над ними тяготел запрет, их закладывали ветками, кольями, и поэтому называли заложенниками. До XIX века сохранился обычай закладывать их могилы ветками. Считалось, что по вине заложенников бывает засуха. Еще в XIII веке Владимирский епископ Серапион в своем "Слове о маловерии" выступал против обычая выкапывать заложенников в случае засухи. Позднее в этом не было необходимости, так как

^{16/} Архив ГМЭ, ф.7, Вологодский у., Шестериков, стр.2.

^{17/} Архив ГМЭ, ф.7, Вологодский у., Шадрин, стр.2.

^{18/} Архив ГМЭ, ф.7, Вологодский у., Чапурский, стр.2.

их стали хоронить на перекрестке дорог в стороне от общего кладбища, а с наступлением засухи лили воду на их могилу. В большинстве случаев предупреждали предполагаемые злые действия мертвеца, вбивая кол ему в спину. Это характерно и для Вологодской губернии XIX века. Вот запись одного очевидца:

"Нашли мы в лесу покойника из знакомой деревни, должно быть от вина сгорел... Когда хоронили этого покойника, вбили ему в спину осиновый кол, чтобы не мог выйти из могилы и не напугать людей" ^{19/}. В дальнейшем на перекрестках дорог хоронили не только того, кого боялись, т.е. умерших от эпидемии, утонувших и т.д., но и убитых молнией — людей почитаемых.

Отношение к умершим неестественной смертью со временем менялось. "Представление о состоянии табу, возникшее как иллюзорное отражение реальной опасности, которую представляли для коллектива люди и вещи, являющиеся источником инфекции, в дальнейшем оторвалось от своей первоначальной основы и получило самое широкое распространение" ^{20/}. В конце XIX века ко всем умершим неестественной смертью в Вологодской губернии относились так же, как и к колдунам.

Весь пантеон духов представлялся населенным реальными существами, которых можно увидеть: все они были наделены добрыми или злыми качествами. Очень характерно для верований русских крестьян представление о том, что всё в природе живое и подобно человеку, хотя и принимает разные формы. Нечистая сила и христианские черти понимались как существа смертные, на которые можно воздействовать. На этом и основаны все магические обряды: "...магия связана не с чувством страха и неуверенности, а хотя и с ложным, но сознанием своего могущества, хотя и с ложным, но с чувством уверенности в своих силах" ^{21/}.

^{19/} Архив ГМЭ, ф.7, Вологодский у., Попов, стр.4.

^{20/} Ю.И.Семенов, Как возникло человечество, М.,1966, стр. 408.

^{21/} Там же, стр. 368.

Развитию магии в России не помешал расцвет христианства. То, что магия развивалась, явствует хотя бы из того факта, что большинство заговоров основано на обращении к Христу. Наиболее архаичные из них, с упоминанием злых духов и нечистой силы, малочисленны. Это нельзя отнести целиком к забывчивости, потому что такие архаичные заговоры считались более эффективными. "Обращаясь в крайности к знахарям-нехристям и к тем, которые при лечении, по мнению мужика, пользуются услугами нечистой силы, он всё же прежде всего пойдет к тем из знахарей, которые врачуют именем бога"^{22/}. Подобное высказывание мы находим и в официальной церковной печати: "Большая часть народных заговоров, возникших на почве язычества, и к первоначальной основе которой впоследствии примешалось несколько христианских понятий, относится к таинственной силе острова Буяна". Автор объясняет это таким образом: "Мнение, что земля устроена на трех китах великих и тридцати трех малых, распространено всюду в народе. Многие думают, что первоначальная родина человека на море на окияне, на острове Буяне. Буян представляется чем-то вроде первородящей матери-сырой земли, от которой происходит и к которой тяготеет всякая жизнь"^{23/}. Мысль о том, что знахари и колдуны-нехристи сильнее крещеных, так или иначе отмечают все информаторы. Нечистая сила из древнейшего пантеона крестьянских верований и присоединившиеся к ним христианские дьяволы нередко казались сильнее бога.

Из христианской религии народу понятна была только вера в Христа, бога сына, бога человека, т.е. опять-таки вера в живое существо. Бог — дух святой никогда не упоминался в заговорах, как нечто очень далекое и непонятное по своей природе. Вера в Христа, принятие христианства — естественная ступень в развитии народных верований, когда отвлеченные понятия о душе достаточно сформировались. В христианском

^{22/} Г. Попов, Русская народно-бытовая медицина, СПб., 1903, стр. 59.

^{23/} Н. Заварин, ук. соч., стр. 22.

боге видели доброе начало, на которое были не очень щедры свои духи. "В боге они видят верховное существо, которое дает милость, награждает за добродетель и наказывает строго за преступления и грехи", — писал информатор Шадрин и здесь же отметил: "но преступление народ считает выше греха. Это он высказал присловием: "погресишь — покаешься, а с худым именем в околотке прослынешь" 24/.

Когда не помогал бог, обращались к знахарям, особенно если казалось, что что-то случилось по вине нечистой силы. "Посредником между домовыми, лесовыми и людьми колдуны являются в тех случаях, когда заболевает человек от прикосновения нечистой силы, от опахивания ее духом, от перехода следов ее или от того, что скотина легла на то место, где лежал нечистый дух" 25/.

Большинство крестьян, не считаясь знахарями, сами применяли множество трав, заговоров, обрядов. "На Иванов день (24 июня) рвут чернобыл-траву, заплетают в плети и эти плети кладут на луг под Иванову росу с приговором: "мать-земля, отец-небо, дайте рабам от этой травы здоровья..." Потом ее высушивают и хранят. Больным дают ее с наговором, и это средство помогает очень хорошо от всяких болезней", — писал информатор Ржаницын 26/.

Существовали разные виды коллективных магических действий, например, катание в масленицу по кругу, конная молотьба после Петрова дня, когда священник опрыскивал лошадей водой, а крестьяне молились о них.

Различные формы очищения, предохраняющие от злых чар, борьба с нечистой силой, земледельческие праздники и обряды, вера в высшие силы, руководящие судьбой человека, заговоры и магические действия с участием специального лица — колдуна, — всё это говорит о целой системе дохристианских верований.

24/ Архив ГМЭ, ф.7, Вологодский у., Шадрин, стр.8.

25/ Архив ГМЭ, ф.7, Грязовецкий у., Староваров, стр.1.

26/ Архив ГМЭ, ф.7, Вологодский у., Ржаницын, стр.10.

По вопросу о том, что собой представляли религиозные верования доклассового общества, нет единого мнения даже у одного автора. Ю.И.Семенов пишет: "Религия в течение всего периода доклассового общества никогда не представляла собой сколько-нибудь стройной системы взглядов. Она являлась беспорядочным нагромождением самых разнообразных верований и обрядов, нередко находившихся в противоречии друг с другом" ^{27/}. Не будем полемизировать с автором интересной книги, тем более, что в другом месте Ю.И.Семенов не видит ничего случайного и хаотичного в формирующейся религии, поскольку "...сама "теоретическая" сторона магии носит по существу практический характер" ^{28/}.

Естественно, что древние верования, перенесенные в новые условия, в период капитализма, представляют дополнительные трудности в их изучении. "Трудности прежде всего в том, — пишет С.А.Токарев, — что верования восточных славян чрезвычайно разнообразны, пестры, что они неодинаковы порой даже в соседних районах" ^{29/}. Но далее в этой же работе он пишет: "При всем разнообразии этих верований общие черты их поразительно одинаковы у всех трех народов (русских, украинцев, белоруссов — Г.С.). Различия второстепенны" ^{30/}.

Стойкость и систематичность народных верований обеспечивались историческими условиями, прежде всего, наличием крестьянской общины. Русская крестьянская община в конце XIX века распадалась, так как существовала в мире, в котором жили уже по другим законам. Отсюда и сложность в развитии духовной культуры. "Характерной особенностью развития религии является то, что с возникновением новых религиозных представлений старые не исчезают, а продолжают существовать

^{27/} Ю.И.Семенов, ук.соч., стр.412.

^{28/} Там же, стр. 370.

^{29/} С.А.Токарев, Религиозные верования восточно-славянских народов, М.-Л., 1957, стр.13.

^{30/} Там же, стр.147.

наряду с ними даже в том случае, когда они находятся с ними в противоречии" ^{31/}.

Таким образом, в конце XIX века в Вологодской губернии существовали две религиозные системы: христианство и народные верования, развившиеся из дохристианских. "Двоеверие" в старину было весьма широко распространенным явлением и не только в случаях принятия христианства, — писал Д.К.Зеленин. — Принцип его: "Богу-то угождай, да и черта-то (а чертами часто считаются и инонародные боги) не гневи!" — это правило двоеверия сохранилось в русском народе и поднесь" ^{32/}.

Сосуществование двух религиозных систем на протяжении многих веков, разумеется, не могло протекать изолированно. В ряде случаев злые духи язычества отождествлялись с христианскими чертами, а добрые — с Христом. Некоторые магические действия, например, заговоры производились с упоминанием имени Христа. А в глубоко еретической, с точки зрения православия, мысли о том, что злые силы и колдуны сильнее Христа и его служителей, не скрыт ли неосознанный страх перед этими более древними и близкими силами природы? Эти силы казались более понятными, потому что они принадлежали к своей, с незапамятных веков существовавшей системе религиозных взглядов.

В XIX веке русская крестьянская община еще могла существовать только по старым своим законам. Она пыталась принимать всё внешнее как неизбежное, но чуждое: чиновничий аппарат — при сельской сходке; куплю-продажу земли — при общинных наделах; гражданский кодекс — при патриархальном семейном праве; классическую литературу — при фольклоре; и, наконец, официальное православие — при системе народных дохристианских верований.

^{31/} Ю.И.Семенов, ук.соч., стр. 412.

^{32/} Д.К.Зеленин, Очерки русской мифологии, Петроград, 1916, стр. 613.

И.Н.УХАНОВА

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АРХИТЕКТУРНОЙ РЕЗЬБЕ ПО ДЕРЕВУ
ВОЛЖСКО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

(Доложено на заседании отделения 22 марта 1962 г.)

Гусское народное зодчество Волжско-Окского междуречья уже долгое время является предметом внимания ряда советских исследователей (Н.Воронов, Н.Соболев, М.Званцев, И.Маковецкий, С.Жегалова, В.Василенко и др.)¹/. Интерес проявляется к общей форме зданий, к их планировке и к художественному оформлению. Изучение до сих пор не закончено. Возникают вопросы о топографии распространения характерной приволжской декоративной резьбы, о ее местных особенностях, уточняются и заново открываются имена резчиков по дереву, и .д.

В настоящем сообщении излагаются некоторые наблюдения, проведенные в период экспедиций Государственного Эрмитажа в 1959-60 гг. с целью фиксации и сбора памятников русского прикладного искусства.

Волжско-Окское междуречье охватывает обширную территорию. Малоплодородные земли при почти полном отсутствии чернозема, в большей части занятые лесом, не способствовали там развитию земледелия. К тому же, Волга с ее притоками издавна являлась для русских и иностранцев удобным торговым путем. Поэтому население этих мест занималось многими промыслами (льноткацкий, металлообрабатывающий, гончарный, деревообделочный и др.), среди которых особо следует выделить плотницкий. Плотники возводили жилые постройки, они же были основными строителями различных речных судов (баржи, расшивы, барки, мокшаны и прочие).

¹/ Н.Воронов, Крестьянское искусство, М., 1924. Н.Соболев, Русская народная резьба по дереву, М., 1934. М.Званцев, Народная резьба, Горький, 1957. И.Маковецкий, Памятники народного зодчества среднего Поволжья, М., 1954. С.Жегалова, Русская деревянная резьба XIX в., М., 1957. В.Василенко, Русская народная резьба и роспись по дереву, М., 1960.

Глубокие традиции искусства обработки дерева подтверждаются памятниками древне-русской культуры. Так, о художественной резьбе кораблей сообщается в былинах:

"Нос-корма по-туриному,

Бока возведены по-звериному", и т.д.^{2/}

Остатки резьбы аналогичного типа можно видеть на кораблях скандинавских викингов. Фрагменты же русской корабельной резьбы сохранились от более позднего времени. Памятники древне-русского зодчества не сохранили нам образцов резьбы по дереву. Однако, белокаменные постройки Владимиро-Суздальской земли, с их уникальным декоративным оформлением, позволяют установить близость приёмов обработки рельефов в дереве и в камне^{3/}.

Особым своеобразием отличаются резные изображения животных на Владимиро-Суздальских постройках XII-XIII вв. Фигуры лежащих львов с открытыми глазами символизируют бдительных стражей. Таковы львы, украшающие церковь Покрова на Нерли, близки им фигуры львов Дмитриевского собора во Владимире. Материалы более позднего периода, — памятники преимущественно XIX века, выполненные народными мастерами в древних традициях, — подтверждают, что белокаменные рельефы XII-XIII веков выполнены руками русских древодельцев. Образы животного мира, как наследие язычества, сохраняются в народном творчестве многие столетия. Поэтому как в древне-русских памятниках, так и в крестьянских произведениях XIX в. мы встречаем идентичные образы разно трактуемых "берегинь"^{4/}, "оберегов", когда-то имевших особый символический смысл.

Видимо, каждое судно, украшаемое мастером-древодельцем, несло на себе такой охранный символ, окруженный многочисленными фигурами экзотических животных и орнаментов, ярко

^{2/} Древние российские стихотворения, собранные Киршием Даниловым, СПб., 1892, стр. 2.

^{3/} В. Лазарев, Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, — в кн.: История русского искусства, изд. АН СССР, т. I, М., 1953, стр. 419.

^{4/} В. Василенко, ук.соч. 1960, стр. 33-54.

раскрашенных, золоченых или серебряных. Украшения такого типа были на кораблях флота Ивана Грозного, строившегося в Вологде в 1584 г. Позднее, в XVII в., подобным образом украшали суда, строившиеся на Оке при селе Дединове ^{5/}. В это время на верфях работало немало голландских специалистов, но при выполнении ответственных работ призывались балахнинские плотники целыми бригадами, и это примечательно, поскольку и в XIX в. славились мастера по обработке дерева из Балахнинского района. Уже при Петре I в 1696-99 гг. на верфи в Воронеж отправляют резчиков Московской Оружейной палаты, бывших иконостасников, для декоративного оформления строящегося флота. Этих же резчиков с той же целью посылали и на север, в Архангельск ^{6/}. В XIX в. суда еще продолжали украшать аллегорическими фигурами и орнаментами. На одной только Волге подобной резьбой было покрыто свыше 5 тысяч судов, но с введением пара эта особенность судостроения перестает существовать.

Русские плотники выработали традицию крупномасштабной декоративной резьбы, которую до сих пор именуют судовой, корабельной или барочной. Видимо, с давнего времени существовал обычай украшать символическими образами корабельной резьбы не только суда, но и постройки, как жилые, так и церковные. Этот обычай наиболее прочно вошел в быт у той части населения, образ жизни которой был теснее всего связан с рекой. Не случайно до нашего времени сохраняется слава первоклассных плотников из многих деревень Поволжья от Ярославской до Куйбышевской областей, а также из Владимирской, откуда выходили целыми артелями знаменитые "аргуны", "киржаки", "якуши".

В западной части Владимирской губернии, в районе реки Киржач славились плотники небольшого города Киржач и села Аргуново. Киржач до сегодняшнего дня гордится своими плотни-

^{5/} Шубин, Волга и волжское судоходство, М., 1927.

^{6/} Н.Соболев, ук.соч. 1934, стр. 372.

ками. О селе Аргуново сохранилось лишь воспоминание, — жители покинули его уже много лет назад, переселившись в соседние города и деревни. Село Якушево находится в юго-восточной части б.Владимирской губернии, в районе города Гороховца. Однако, кроме этих прославленных центров деревообделочного дела можно было бы назвать и ряд других, например, село Холуй Владимирской губернии (ныне Ивановской области). Все упомянутые места связаны между собой с давних времен. Удобная система судоходных рек, — Волга, Ока, Клязьма, Теза и др., — несомненно, способствовала тесному общению населения этих мест. Напомним и о том, что в прошлом Нижегородский край являлся окраиной Владимиро-Суздальской земли. Закономерно поэтому отметить культурную общность этих областей, которая исторически вполне обусловлена.

Упомянутые обстоятельства должны были способствовать распространению на территории Волжско-Окского междуречья однородных приёмов строительства и художественной обработки жилья и судов. Трудно сказать, где впервые возникла изба, украшенная "глухой", так называемой "корабельной" резьбой. Был ли это дом плотника — мастера художественной резьбы, либо дом зажиточного хозяина, владельца речных судов, — нам не известно. Одно несомненно, что изба в полном резном уборе производит чарующее впечатление, от ее вида всегда получаешь высокое эстетическое наслаждение, так как это цельное, конструктивно продуманное и художественно завершенное произведение народного искусства.

Остается открытым и другой вопрос, — является ли "домовая" резьба производной от "корабельной", или они получили одновременное развитие. Традиция обработки дерева на Руси глубока, но конкретные данные пока что очень ограничены. Существовала традиция украшения кораблей, но, видимо, существовала и подобная же традиция оформления жилья ^{7/}. Правда, М.П.Званцев отмечает конкретные памятники народного водчест-

^{7/} В.Василенко также придерживается точки зрения об одновременности развития домового и корабельной резьбы, — ук. соч., стр. 23-24, 26.

ва с рельефной "глухой" резьбой лишь последней четверти ХУШ в.^{8/}, но необходимо учитывать нестойкость материала, — дерево горит, гниет от непогоды, поэтому нужны более полные археологические и документальные данные для восстановления истинного положения. Думается, без глубокой традиции декоративной резьбы не было бы ее расцвета в первой половине XIX в. Архитектурная и корабельная резьба этого времени необычайно близка по своему характеру к общепринятому в то время стилю русского классицизма, многое же уходит своими корнями в более далекое прошлое.

На избах 1820-х годов из д.Сельцо, с.Никола-Погост Ба-лахнинского района^{9/} и др. резной орнамент карнизных досок очень прост и конструктивен. Это мягко моделированный низкий рельеф в виде растительного побега с закругленными усиками, заканчивающимися цветочными розетками. В рельефе 1840-х гг. можно наблюдать изменения. Мотив рисунка примерно тот же, только листья, цветы и кисти винограда получили более сочное решение, они крупнее, массивнее, а главнее — рельеф более высок. Глубокие тени подчеркивают свободно расположенный пышный декор избы.

Видимо, этот округлый высокий рельеф с выбранным, как бы утопленным фоном получил свое развитие уже в 1830-е гг., так как датированные избы следующего десятилетия отличаются необычайным мастерством и художественной завершенностью. В качестве примеров можно назвать дома в Сормовском районе г.Горького по улицам Большая Починковская, Кима и др. Характерно, что резьба одной избы (ул. Кима, 106) с датой 1841 г. помогает датировать резьбу на избе М.Земсковой в поселке Холуй Южского района Ивановской области^{10/}. За датировку этой резьбы рубежом 1830-х — 40-х гг. говорит идентичный тип резьбы в высоком округлом рельефе, развившийся во всем

^{8/} М.Званцев, ук.соч. 1957, стр. 66.

^{9/} Там же, стр. 34,35.

^{10/} Карнизная резная доска находится в собрании Эрмитажа.

Волжско-Окском междуречье на протяжении ближайших 10-15 лет. В этом отношении типичен также дом И.Куминского из д.Репино Городецкого района Горьковской области ^{II}/. Преимущественно растительный узор рельефа является основой декоративного оформления избы. Здесь же использованы трилистники, пальметы, розетки и пр., также выполненные мягко моделированным рельефом.

Затем рельефная резьба становится более сложной по рисунку, появляются переплетенные растительные побеги, ленты, цветы и т.д., с резко обрубленными острыми краями; фон по-прежнему остается сильно углубленным. Ярким примером может служить дом Е.Орловой (г.Горький, Сормовский район, Большая Починковская ул., д.35), в прошлом двухэтажный, затем перекатанный на одноэтажный и сохраняющий на себе все основные декоративные уборы. Заметим, что Орловы — выходцы из Ивановской области. В этом можно видеть лишнее подтверждение близости художественной культуры отдельных районов Волжско-Окского междуречья, воплощенной в памятниках народного зодчества и прикладного искусства. В орнаментальную резьбу дома Е.Орловой вплетены фигуры традиционных львов и фантастических существ — русалок или фараонов, широко распространенных в "глухой" "корабельной" рези, а также дата "1858".

Если говорить о характере резьбы 1850-60-х годов, то аналогий этому типу можно назвать очень много и в районе г.Городца Горьковской области, и выше по течению Волги вблизи г.Пучежа Ивановской области, и в районе Гороховца Владимирской области, и т.д. В известной мере мастера отказались от монументальной простоты и четкости рельефной рези, их начал занимать витиеватый узор с резко очерченными гранями

^{II}/ Резьба с этого дома находится в Эрмитаже. О.Круглова датирует эту резьбу второй половиной XIX в. (О.Круглова, Новые данные о распространении волжской домовой резьбы, — сб. "Сообщения Загорского музея-заповедника", вып.3, Загорск, 1960). Однако, вновь предлагаемая датировка кажется нам более верной.

рисунка, от которого оставался один шаг до прорезной сквозной резьбы.

Фигуры львов и фантастических существ,— фараонов, как их называл еще в свое время исследователь владимирских древностей И.Голышев^{12/},— несомненно, логичные элементы архитектурной резьбы, выполняющие роль оберегов. Своеобразие этих образов велико, они являются плодом фантазии, культовым языческим пережитком, результатом наблюдения реальной действительности. Вот почему мы видим иной раз не только полу-рыбу, полу-человека, но в этом полу-человеке находим черты, характерные для облика людей XVIII века (букли, кафтан, трубка во рту и т.д.).

Удивительной тонкой пластичностью обладает карнизная доска первой половины XIX в. от дома Торжанова, ныне принадлежащего А.Романову, из д.Максимова Ивановской области^{13/}. На ней изображен, подобно описанным, фараон с трубкой во рту, за ним тянется растительный узор. Отметим, что д.Максимова расположена сравнительно близко от р.Теза, непосредственно на которой находится и Холуй. Внимание следует обратить также и на другие деревни (Мордовское, Сергеевка и др.) в непосредственном соседстве Холуя. Во всех деревнях, окружающих Холуй (радиусом от 3 до 10-12 км), можно встретить либо избы с глухой резьбой типа поволжских, либо воспоминания местных старожилов о том, что такой резьбой были украшены многие дома^{14/}.

Нам кажется, что это говорит о существовании на р.Теза с

^{12/} И.Голышев, Памятники старинной русской резьбы по дереву во Владимирской губернии, Мстера, 1876, стр. 3.

^{13/} Сохранилась лишь часть доски, ныне — в собрании Эрмитажа.

^{14/} Заметим, что в селениях от Холуя по Старо-Ковровской дороге, вплоть до Алексина, о резьбе лишь кое-где помнят старики. Население этих мест занималось отходничеством, — например, жители деревни Набережной были известны как корабельники, деревни Горячево — как кузнецы, деревень Ильино и Смехра — как портные, и т.д. Современные избы украшены сквозной резьбой.

с центром в селе Холуй района плотнико-резного дела. Едва ли права О.Круглова в своем мнении о случайном характере подобной резьбы в этих местах ^{15/}. Кроме того, нельзя согласиться с мнением, что резные доски для изб изготавливались мастерами, приглашенными с Волги. В этом не было необходимости, так как в лесном, малодоступном районе промыслового села Холуй, с выходом от него на север к Палеху, на восток и на запад, мы встречаем (теперь, к сожалению, в единичных экземплярах) мастерски выполненную "корабельную" резьбу на избах. Впрочем, О.Круглова отметила необычайно высокий профессионализм выполнения художественной резьбы на холуйских избах.

Как же объяснить существующую до сего дня в тех краях широкую известность холуйских плотников, как не глубокими местными традициями этого дела. Все новые избы украшены удивительными по красоте сквозными узорами. Отдельные дома одеты буквально в резное кружево. Учитывая, что села и деревни в районе р.Теза преимущественно промысловые, а старожилы до сего дня сохраняют воспоминание о работах своих предков, думается, что в данном случае следует говорить о местной школе резьбы по дереву, обладающей стилистическими чертами, свойственными резьбе Волжско-Окского междуречья в целом.

Взять, например, оформление наличников Горьковской, Владимирской и Ивановской областей. В большинстве случаев мы видим две четко разграниченные доски; верхняя, как правило, в основе своего убранства имеет симметрично распадающийся цветочный куст типа аканта, нижняя — преимущественно узор из ромбов или розеток, боковые тяги зачастую оформляются в виде колонок, к которым крепятся ставни. При едином принципе построения варианты декоративной резьбы наличников разнообразны.

Напомним об одной особенности народного творчества: в процессе своей эволюции оно сохраняет удачно найденные реше-

^{15/} О.Круглова, ук.соч. 1960, стр. 215,216.

ния и приёмы обработки, и они продолжают порой длительное время бытовать одновременно с новыми достижениями, представляющими собой очередной этап развития.

Поэтому отмеченные нами наиболее характерные признаки рельефной резьбы начала XIX в., 1830-40-х гг. и т.д. не сразу в категорической форме получили себе замену, но продолжали некоторое время сосуществовать, и только через определенный период происходила окончательная смена стилистических особенностей декоративной резьбы. Так, наряду с развитием сочной, скругленно выпуклой резьбы, с 50-х гг. XIX в. начали появляться первые ростки новой сквозной декорации. Если первым шагом на пути пролома плоскости был резко обрубленный край рельефа, то вторым можно считать применение накладных резных рельефных деталей (розеток и пр.) на ровной, но чаще на углубленной поверхности доски.

От этого резчики спокойно переходят в 1870-80-х гг. к оформлению низким и высоким рельефом преимущественно наличников светличных окон, в виде своеобразных растительных волют, где значительную роль играет элемент сквозной про-рези. Следующий, завершающий этап ведет к чисто сквозной орнаментации, которая и получает свое развитие в конце XIX и в XX веках.

Резьба, наиболее самостоятельная по форме, сохраняется на отдельных постройках тех районов Владимирской и Ярославской областей, которые граничат с Московской областью. Там еще держится рельефная, необычайно выпуклая и четкая по моделировке резьба, ведущая свое начало, видимо, из древности.

Особенности такой резьбы хорошо видны как на фрагментах корабельной резьбы начала XVIII в., хранящихся в музее Переславля-Залесского, так и на домах в г. Киржач и в деревнях Киржачского района. Можно предположить, что иконостасная резьба, прежде всего московского и ярославского типов, повлияла на монументально четкую и выразительную корабельную резьбу Переславля-Залесского — центра судостроения на Плещеевом озере в XVIII в. Львиные головы, волюты и прочие фрагменты начала XVIII в. выполнены резчиками высокой квали-

фикации. В середине ХУШ в., по архивным данным, в этом городе числилось записанных в магистрат 2 резчика ^{16/}. Число невелико, но надо сделать скидку на то, что больший процент мастеров, будь то плотники, резчики, чеканщики и прочие, предпочитали избегать записи в цеховую организацию, тем самым уклоняясь от налогов и прочих обязанностей, накладываемых на члена ремесленного цеха.

Традиция резьбы такого типа могла быть сохранена мастерами этого края и вылилась в XIX в. в специфическую архитектурную резьбу. Ярким тому примером может служить расположенный вблизи Киржача дом третьей четверти XIX века, принадлежавший владельцу шелковой фабрики, ныне — дом культуры при шелкоткацком комбинате "Красный Октябрь". Стиль резьбы своеобразен, скульптурно четко проработаны волюты, растительные завитки, пальмовые ветви и прочее. Рельеф очень выразителен.

Аналогию ему можно видеть на нескольких домах в г.Киржач и южнее его в районе станции Санино (19 км от города), в деревнях Санино, Родионово, лежащих поблизости от упомянутого села Аргуново, и др. Быть может, такой тип резьбы был характерен именно для "аргунов" и "киржаков" ?

Едва ли случайно, что один из домов села Санино сохраняет старые доски рельефной резьбы середины XIX в. в виде виноградного побега с цветами и плодами, чрезвычайно близкими к рельефу валька 1834 года из собрания Эрмитажа ^{17/}. Наряду с ними, дом украшен пропиленными сквозными узорами XIX-XX вв.

На соседних домах (например, дом Шмелевой) декоративные рельефы более выпуклы, чем упомянутая виноградная лоза, резче читаются на фоне стены и так же тщательно берегутся владельцами. Местные жители рассказывают, что при пожарах в

^{16/} ЦГАДА, ф.291, д.6890, 1754 г., л.93; ф.249, 1754 г., д.6414, л.85.

^{17/} И.Уханова, Два валька Эрмитажного собрания, — сб. "Сообщения Гос.Эрмитажа", 1961, т.ХХ.

первую очередь спасают резные наличники; их спешно снимают, а впоследствии снова навешивают на окна отремонтированных или вновь выстроенных домов. В этом сказывается любовное отношение к художественным работам местных мастеров. Примечательно, что в наше время среди мужского населения д.Санино и соседних селений существует наибольший процент плотников и мебельщиков, сейчас там имеется мебельная фабрика, на которой они работают.

Стилистическая разница между этой резьбой и той, которую привыкли называть "корабельной" или "глухой", значительна. Но имеется и общее, их сближающее, — яркий колорит, мастерство свободного исполнения, броская декоративность.

Думается, что резьба по дереву, в частности — архитектурная резьба XIX в., имела свои местные особенности, которые еще недостаточно изучены и требуют большого внимания со стороны исследователей.

Н.А. ФЕДОРОВА-ДЫЛЁВА

ОХОТА У РУССКИХ НА СЕВЕРЕ

(Доложено на заседании отделения 23 декабря 1965 г.¹)

Охота как подсобный промысел играла большую роль в хозяйстве крестьян северной России. Охотились на различных пушных зверей и на птиц. Продукты охоты, в основном, шли на продажу, но использовались и в хозяйстве охотника. В настоящем сообщении приводятся некоторые материалы об охоте русских крестьян, собранные в Архангельской и Вологодской областях в 1935, 1939 и 1940 годах.

В Архангельской области материал собран в районах Пинежском (дер. Карьеполье и Вижево), Черевковском (с. Черевково и дер. Денисовка-Первая), Красноборском (дер. Верхне-Андреевская и Иховолжа) и Сольвычегодском (дер. Гусиха). В Вологодской области — в Великоустюгском районе (дер. Илатовский Починок).

В Архангельской губернии охота была развита в уездах Печорском, Мезенском и Пинежском, для некоторых крестьян она была почти единственным источником существования. Главными промысловыми животными были из зверей — белка, из птиц — рябчик. В большей части губернии крестьяне охотились в одиночку. В Вологодской губернии охотились на тех же животных в одиночку, кроме тех случаев, когда отправлялись на промысел очень далеко. На медведей везде охотились обычно не менее чем по два человека. Употребляли примитивные кремневые ружья, ловушки и капканы. Ходили на охоту пешком ²/.

¹/ От редакции. Об охоте крестьян северной части Европейской России имеется обширная литература. Тем не менее, редакция считает целесообразным опубликовать (с некоторыми сокращениями) доклад Н.А. Федоровой-Дылёвой, сделанный по ее личным наблюдениям и содержащий ряд ранее неизвестных сведений о деталях охотничьих построек и снаряжения, о специальной терминологии и т.д.

²/ А.А. Силантьев, Обзор промысловых охот в России, СПб., 1898, стр. 216-217 и 227.

Охотились всегда на определенных лесных участках, принадлежавших отдельным сельским обществам, родам или семьям. Охота в чужих угодьях или хищение чужой добычи строго наказывались ^{3/}.

В своих угодьях охотники строили специальные промысловые избушки. Каждая избушка принадлежала одной семье или группе охотников. В первом случае избушку ставили отец с сыновьями, во втором — на паях товарищи или соседи. Место, на котором стояла избушка, наследовалось от отца к сыну. Эти избушки или, как их называли, "лесовные", стояли в "скрытых" местах, в зарослях, обычно у ручья или речки. Строили их, в основном, весной.

Специального выбора деревьев для избушек не было. Избушка устраивалась наподобие курной бани. Сруб клали на мху. На потолок насыпалась земля.

Русские охотничьи избушки в районах нашего исследования делались с сениями и без сеней. По устным сообщениям охотников мы составили планы охотничьих избушек обоих типов (рис.1-А,Б,В и Г) ^{4/}.

Первый тип избушки более прост. Нам удалось посетить одну такую избушку, принадлежавшую охотнику Илатовскому из деревни Илатовский Починок Великоустюгского района (рис. 2-А и Б) ^{5/}. Избушка находилась километрах в восьми от деревни и стояла метрах в тридцати от реки Ёрги, в смешанном лесу. Избушка имела сосновый сруб на мху, в восемь венцов. Пол и потолок — из досок. Крыша двускатная. Входная дверь была очень маленькая, 72 x 55 см. В двери было сделано окошечко,

^{3/} А.Битрих, Охота и промысел в лесах нашего севера, — "Лесной журнал", 1915, № 6-7.

^{4/} На рис.1: А) Вологодская обл., Великоуст. р-н, д. Илатовский Починок; Б) Архангельская обл., Красноборский р-н, д. Иховолжа; В) Там же, д. Верхне-Андреевская; Г) Там же, Черевковский р-н, д. Денисовка-Первая.

Обозначения: а) окно, отдушина; б) дверь; в) лавка, скамейка; г) полати; д) полка; е) каменка; ж) очаг; з) костер; и) стол; к) рукомойник; л) шалаш для собаки; м) дрова; н) грядка с картофелем.

^{5/} Рис.2-А — по фотоснимку ГМЭ, колл. 6378, № 15/3.

шириной 34 см, высотой 20 см, для выхода дыма. Внутри помещение имело ширину 2,15 м, длину 2,30 см. Слева от входа находились нары, высотой 51 см от пола. В правом дальнем углу была сложена из кирпичей печка; кирпичи с одной стороны прилегали к стене, с другой стороны поддерживались двумя кольями. Кирпичи для печки изготавливались около избушки, специально не обжигались, обжиг происходил во время топки печи. Печь топилась по-черному. Над нарами, в седьмом бревне, было выпилено небольшое окошечко, закрывавшееся доской. Около печки и вдоль правой стены были положены доски для сидения, под потолком имелась полка шириной 25 см. К этому же типу относится избушка, показанная на рис. 3 (Архангельская обл.).

Избушка второго типа, с сенями ("сенцами"), принадлежала обычно большой семье или нескольким пайщикам. В избушке находилась посредине или сбоку каменка. Вдоль стен располагались лавки, полки, полати. В стене, у которой находилась каменка, прорубалось небольшое отверстие для выхода дыма ("околенка"), закрывавшееся деревянной ставней ("полотёнышком"). Посреди "сенцов" разводился костер, окруженный рядом гамней, сложенных в форме прямоугольника или круга. На расстоянии 20-30 см от камней по обе стороны костра вбивались столбики с перекладиной, на перекладину надевали крюк для подвешивания котла или чайника.

В избушках без "сенцов", где не было костра, крюк с чайником или котлом помещали над каменкой, чтобы дно сосуда непосредственно касалось камней. На полках, устроенных над лавками, раскладывались чашки, котелки, корбушки, хлеб, топоры и пр. На особые полочки ("полиски") складывались все охотничьи принадлежности. Такую полочку имел каждый охотник. Ружья висели на гвоздях. В "сенцах" стоял столик, за которым охотники обедали. Каждый охотник имел свою личную посуду и свой запас пищи. В отсутствие хозяев, заблудившийся охотник мог воспользоваться пищей, но выносить ее из избушки запре-

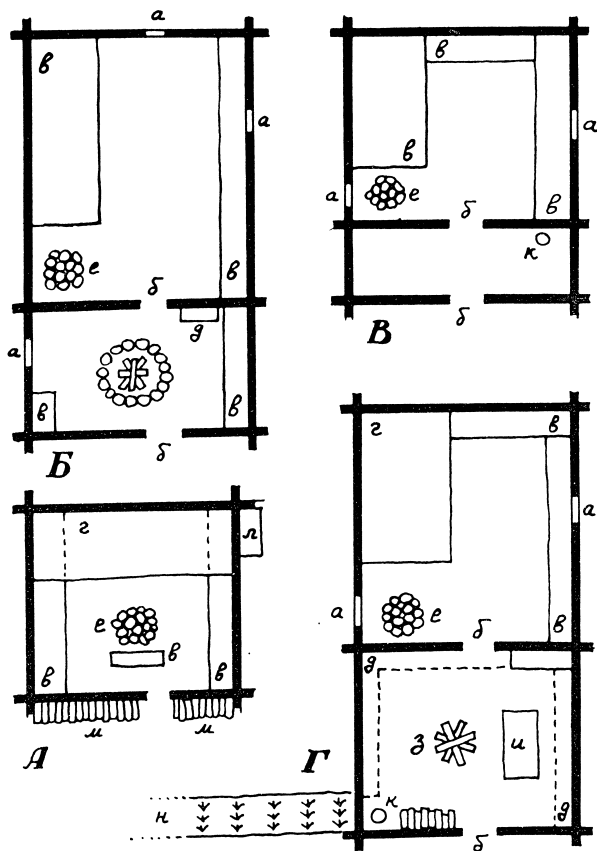
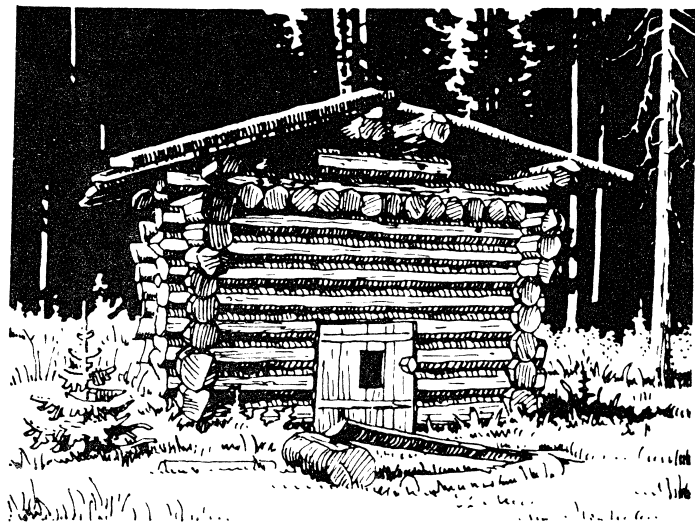
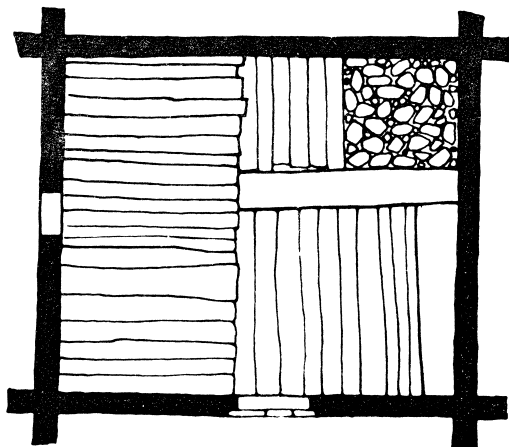

Рис. 1

A

B

Рис. 2

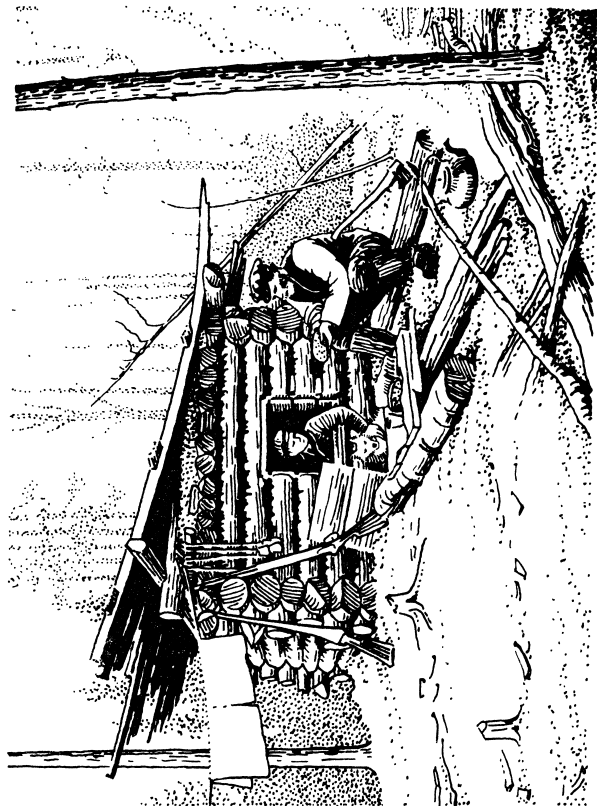

Рис. 3

щалось, это уже считалось воровством.

Метрах в десяти от охотничьей избушки строились "логдусы" (лабазы) для хранения пищи, охотничьих принадлежностей и шкурок убитых зверей. Большие охотничьи хозяйства имели по два "логдуса": один — для шкурок, другой — для пищи и охотничьих принадлежностей. "Логдус" охотника Илатовского (дер. Илатовский Починок) имел квадратную форму, был сделан из небольших бревен и поставлен на четыре столбика-ножки, чтобы в него не забирались грызуны. Плоская крыша закладывалась большими кусками бересты ("скалами"), закрепленными палками ("батожками"). Внутри "логдуса" имелись полки. Дверь была небольшая, в противоположной стене имелось окошко, закрывавшееся "полотёнышком".

Около избушек некоторые охотники весной сажали картофель, осенью его выкапывали и хранили для употребления в период промысла. Заблаговременно заготавливали и дрова, если же они, почему-либо, не были заготовлены, то охотники, возвращаясь с промысла, приносили в избушку дрова ("сушину") из леса.

От каждой избушки начинались "путики" — лесные тропы. Путик заранее, летом, приводился в порядок, исправлялись ловушки и пр., чтобы можно было около 1 сентября приступить к охоте ^{6/}. Устраивая новый путик, охотник "чесал" (вел) его по "матке" (компасу), годчишая и подбирая маленькую "лесинку" (кусты, мелкие деревца) и обходя большие деревья. Когда охотник "крутил" — изменял направление путика, он избегал крутых поворотов, "тихонько", плавно поворачивал. Путики были хорошо "пробиты", только ураган мог завалить их деревьями. Путики тянулись на несколько километров. Охотники отмечали свои путики "тесинками" или ставили свое "пятно" (первую букву фамилии или имени). "Тесинки" делались с обеих сторон дерева, на деревьях, находившихся на расстоянии 3-6 м друг от друга. При пересечении путика одного хозяина с путиком другого, их "тесинки" никогда не ставились на одном и

^{6/} А.А.Силантьев, укр.соч., стр.156.

том же дереве.

Избушка и путики были неотъемлемой собственностью охотника, он мог их продать. Охотник, вошедший в пай, мог продать свою часть. Но, в основном, как уже сказано, путики и избушки переходили по наследству. Охотник В.В.Трапезников (дер. Илатовский Починок) заметил, что пай продавали очень редко, а чаще "дружелюбно отдавали".

Зимой, при охоте за пушным зверем, охотник нередко уходил довольно далеко от своей избушки и бывал вынужден ночевать в лесу. В таких случаях для тепла делалась "падья" или "кряж". Охотник очищал от снега место — "плотик", на него подтаскивал бревно — "комлевый кряж". По всей длине бревна вырубался "лодок" — желобок шириной в 3 вершка. На это бревно накладывалось второе, с таким же желобком, обращенным вниз, к желобку первого бревна. С боков оба бревна поддерживались вбитыми в землю колышками. Между бревнами, для образования вазора между ними, прокладывались два бруска — "стяжки". На некотором расстоянии устраивалась вторая такая же "падья", между ними устраивался род навеса или шалаша из изогнутых сводиками еловых "лап". "Плотик" под ними тоже устилался "лапами". Затем в вазоры между бревнами закладывались "коровки" — небольшие костры из сложенных крестообразно щепок — и поджигались. Когда "коровки" прогорали, выгребали угли, вынимали "стяжки" и опускали верхнее бревно на нижнее, после чего дерево медленно тлело и давало тепло. Повесив на сучок дерева ружье и крошни, охотник ложился спать между "кряжами", а собака — обычно в ногах у охотника. Если охотнику приходилось вторично ночевать в лесу, он старался использовать то место, где ранее уже устраивался "кряж".

Снаряжение охотников было довольно примитивно. Охотник имел кремневое ружье — "кремянку", "копье", служившее упором при стрельбе, лопатку для установки капканов (рис. 4-А и Б), "охотничий пояс", ремень с вложенным в специальную скобку топором и ножны с ножом.

"Охотничий пояс" (рис. 5-А) был неременной принадлеж-

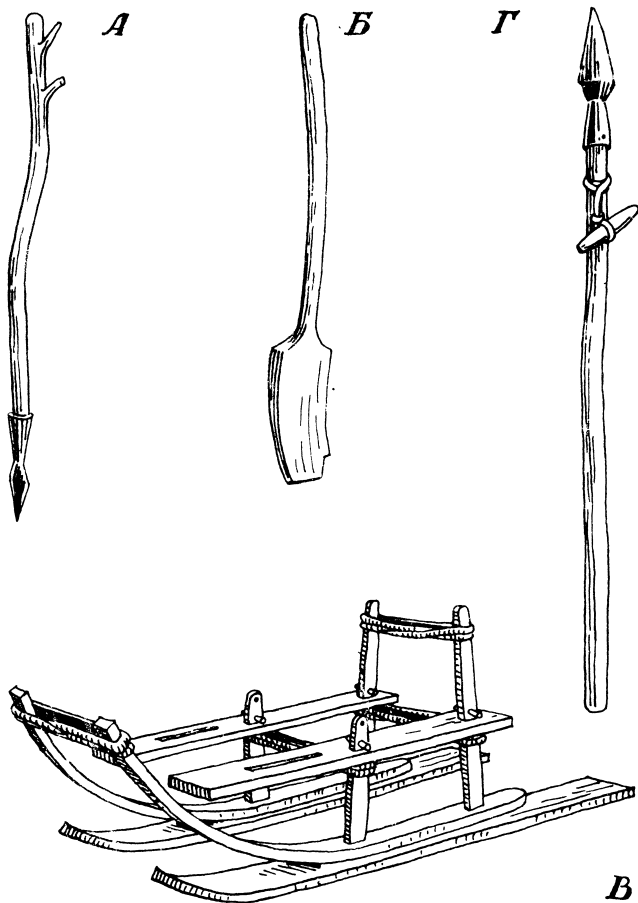

Рис. 4

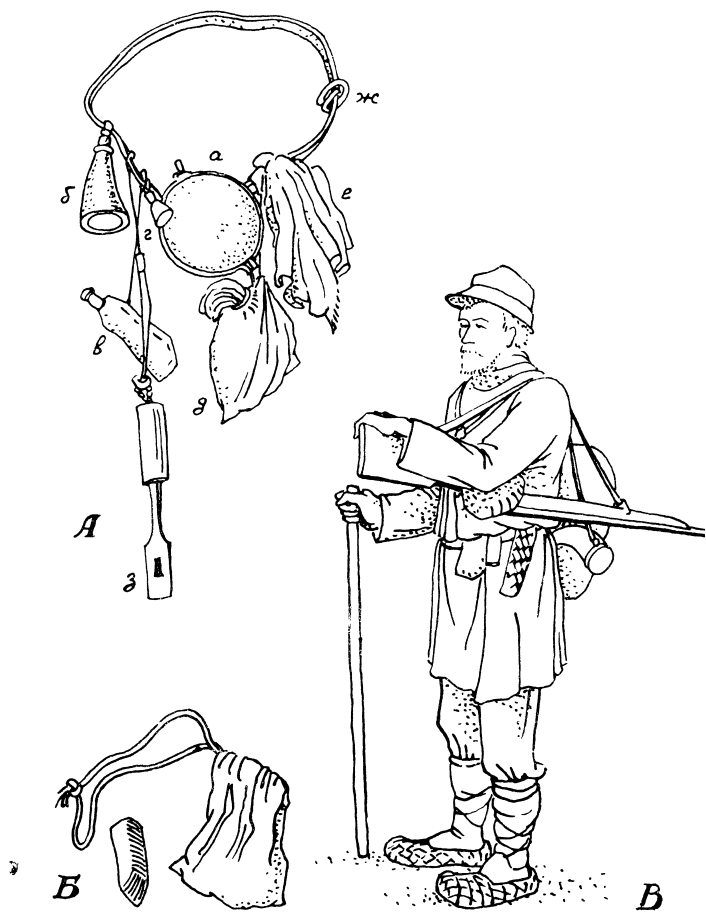

Рис. 5

ностью охотника на промысле. "Пояс" надевался на шею таким образом, чтобы привязанные к нему предметы находились на груди охотника. К "поясу" привязывались на небольших ремешках пороховница (а), рог для пороха (б), мешочек для пуль (в), мешочек для кремней (на рисунке не показан), мерочка из рога для отмеривания пороха (г), мешочек с "шастой", употреблявшейся для пыжей (д), тряпки (е), иногда — металлический "протяжок" (ж) и отвертка (з).

Каждая из этих вещей делалась самим охотником. Мешочек для пуль шился из кожи в форме овального кисета, со вставленным в него деревянным горлышком, с пробочкой. Рог для пороха изготовлялся следующим образом. В узком конце коровьего рога выбивали круглое отверстие, затем рог распаривали и вставляли в него деревянный брусок — "клишку". В другом деревянном бруске делалось углубление по форме рога — "ваемо", в него опускали рог со вставленной "клишкой" и придавливали, так что рог получал приплюснутую форму. В широкий конец сплюснутого рога вставляли деревянное донышко овальной формы, обтянутое кожей для предохранения его от сырости.

Ружья были шомпольные, кремневые — "кремянки". Такое ружье состояло из железного ствола, замка, расположенного с правой стороны казенника, деревянного ложа и приклада. В ложе имелось отверстие, в котором всегда находился шомпол. В замке имелась "полочка" для насыпания пороха, курок, "губы", в которые вставлялся кремень, и "наварная плашка", о которую ударялся кремень, сделанная из железа, со стальной пластиной, приваренной со стороны курка. "Полочка" сообщалась с казенником небольшим отверстием. Замок предохранялся от сырости кожаным чехлом — "наметкой".

Кремни собирались на берегу реки и подтачивались топором. Нередко кремень обертывали куском бересты, чтобы он плотнее держался в "губах". "Губы" развинчивались и завинчивались отверткой.

Чтобы зарядить ружье, мерочкой насыпали порох из пороховницы в ствол. Затем спускали пыж из "шасты" — лишайника, растущего на сухих елях. После этого самодельную пульку "за-

гнетали" в ствол и забивали шомполом, смазанным жиром для лучшего скольжения.

После спуска курка искра, полученная от удара кремня об "наварную плашку", зажигала положенную на "полочку" "подушечку", сделанную из оленьей или овечьей шерсти, вспыхивал порох, насыпанный на "полочке", огонь проходил через отверстие в казенник, и происходил выстрел.

Пули охотник изготовлял дома или в охотничьей избушке. Свинец расплавляли в специальной жестяной "посудине" (рис. 6-А) и выливали в "пулелейку"— железные щипчики с деревянными ручками (рис. 6-В), с шаровидной выемкой, в которой застывал свинец. Иногда вместо "пулелейки" употреблялся "калып"— подобные же щипцы с выемками сразу для нескольких пуль, расположенными с двух сторон (рис. 6-Б). Лишний свинец снимали сверху ножом, открывали щипцы, и из них выпадали пули, неправильной формы, с небольшим плоским срезом (рис. 6-Г). В деревне Денисовке-Первой свинец с какой-то добавкой, которую называли "никель" (возможно, сурьма), плавил в любой кринке и выливали в специальную глиняную трубку, длиной около 18 см. Остывшую трубку разбивали, металл резали на куски длиной примерно в 1 см, один конец каждого куса заостряли ("состругивали") ножом. При отсутствии "пулелейки" или "кальпа" охотник изготовлял из свинца продолговатые "протяжечки", которые носил свернутыми на "охотничьем поясе." На промысле он отрезал ножом или откусывал кусочек свинца от "протяжечки" и катал его во рту, придавая форму круглой пули.

"Смешанные" пули из свинца с упомянутым "никелем" употреблялись обычно для охоты на медведя,— они назывались "жестокими", так как "ломали кость". "Чистые" пули из одного свинца — мягкие, при ударе делаются "шаньгой"— лепешкой.

При стрельбе прицеливались с руки, с упора на дерево или, при тяжелом ружье, с "копья". "Копье" (рис. 4-А) представляло собой палку с железным наконечником на одном конце и с сучками на другом. Охотник втыкал "копье" наконечни-

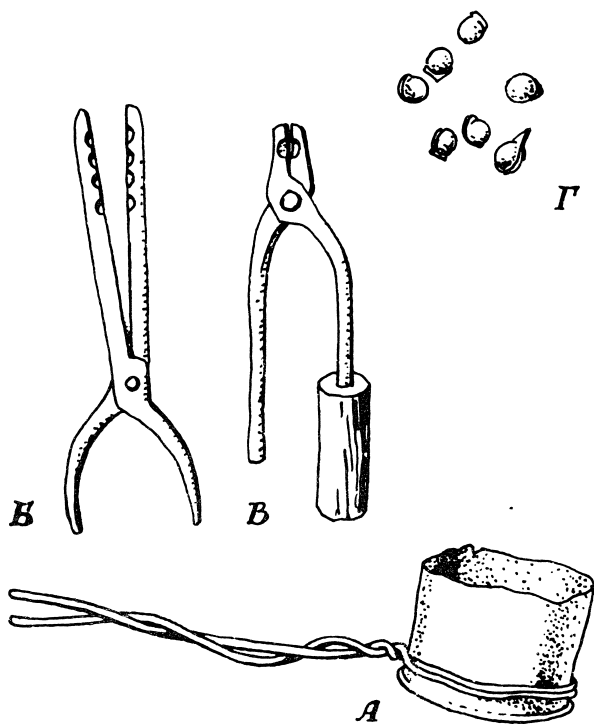

Рис. 6

ком в землю или в снег и, в зависимости от требуемой высоты прицела, опирал ружье на один из сучков.

Зимой охотники ходили на лыжах. Лыжи употреблялись простые и "подволочные"— подбитые мехом, на первых ходили при сильном морозе, на вторых — в более теплую погоду.

Охотники делали лыжи сами из осины, ели или березы. Березовые или осиновые лыжи прочнее и "ходчее", то-есть быстрее бегут, а еловые — легче. Лыжи выстругивались ("вычесывались") из куска дерева таким образом, чтобы корень дерева приходился на переднюю, загнутую часть лыжи. "Подволочные" лыжи туго обтягивались оленьими или коровьими "лапами" (шкурами) ворсом в одну сторону, это уменьшало трение, увеличивало скорость и устраняло скольжение назад при подъёме.

Простые лыжи, не обтянутые шкурой, пропитывались олифой или льняным маслом, чтобы к ним не прилипал снег. На середине лыжи имелось возвышение, к которому деревянными шпильками прибивался кусок берёсты, шероховатой стороной вверх,— "скала" или "мачехина берёста",— чтобы снег не прилипал к обуви. К возышению прикреплялись два ремня из сыромятной кожи, в один вставлялась нога, другой — "побочный ремень"— охватывал пятку. На нос и пятку валенка нашивались "бабочки", удерживавшие ремни.

Если охотник не шел на лыжах, а вез их за собой, то принимались меры для их сохранности. На загнутой части лыжи имелось отверстие, в него пропускалась веревка, которая подтягивалась к средней части лыжи и закреплялась. Эта "подтуга" делалась для того, чтобы лыжа не разгибалась. Одна лыжа вкладывалась в ремень другой лыжи, и при помощи веревок, закрепленных на загнутых концах, охотник вез лыжи за собой.

Если к охотничьей избушке нельзя было подъехать на лошадях или на лодке, охотник вез всё необходимое для промысла на санках — "чунках" (рис. 4-В), изготовленных из легкой и прочной березы. На них же охотник вез домой добычу. Капканы охотник надевал на деревянную лопаточку и носил на плече.

Подготовка к промыслу производилась весьма тщательно,

всё снаряжение проверялось и, если нужно, обновлялось.

Во время промысла считалось необходимым соблюдать определенные правила поведения. Охотник должен был соблюдать "чистоту": не иметь общения с женщиной, носить чистую одежду и не брать без спросу ничего чужого. Женщинам в определенный период месяца запрещалось дотрагиваться до охотничьих принадлежностей, если же это случалось, то вещь считалась "испорченной", и ее окуривали дымом от подожженной тряпки. По сообщениям стариков-охотников, их деды вообще женщину до охоты не допускали.

Существовали различные приметы, якобы, помогающие удаче охотника или наоборот. Например, женщина не имела права при охотнике расчесывать волосы. Во время ухода охотника на промысел, избу не "пахали" — не подметали. Если охотник, выйдя из дома, нечаянно ломал изгородь, он должен был сейчас же ее починить.

Особым почетом пользовалась так называемая "громовая стрела", будто бы появляющаяся во время грозы. Охотник М.А.Зиновьев (дер. Денисовка-Первая), по старости переставший уже охотиться, передал музею свою "громовую стрелу", оказавшуюся небольшим плоским куском кремня (рис. 5-Б). Он носил ее на шее в мешочке вместе с пулями, которые от этого, по его мнению, приобретали особую силу и всегда попадали в цель. Другая "громовая стрела", которую нам пришлось только увидеть, представляла собой часть белемнита ("чертов палец").

Очень важно было обработать капканы и рукавицы таким образом, чтобы "отбить" от них запах человека. Воду в кадке доводили до кипения с помощью раскаленных камней, затем в нее закладывали капканы и рукавицы со "смешанным лесом" — ветками различных деревьев. Высушенные капканы до блеска натирались воском и протирались ветками ели, после чего до них нельзя было дотрагиваться руками без рукавиц. Старались не передать капканам и другого какого-нибудь запаха, например, лука или табака, а керосин и в избу не ставили. Капканы и рукавицы несли на промысел в особом чистом мешке, а на про-

мысле капканы находились "на чистом воздухе" и в избушку не вносились.

Осенняя одежда охотника состояла из нижнего белья, на которое одевались штаны и рубаха. Ноги завертывались онучами, одевались лапти, закрепляемые оборами. На голове носили катанный "колпак", тип грешневика. Шею завязывали "галстуком" — платком, свернутым углом. На верхнюю одежду надевался "лузан" — род жилета, только с застежками на боках и с внутренними карманами. В некоторых районах носили "верховицу" — белую домотканую одежду вроде длинной рубахи, подпоясанную ремнем (в хорошую осеннюю погоду "верховицу" не одевали). "Лузан" предохранял охотника от холода и дождя, и, кроме того, в него складывали добычу.

Зимой охотник одевал еще теплую верхнюю одежду поверх упомянутой осенней. На ноги, обернутые портянками, одевали валенки или "пимы с голяшками", — валенки ("катуны"), обрванные по щиколотку, с пришитыми "голяшками" — холщевыми голенищами на суконной подкладке, не стеснявшими движения ног. На крайнем севере, например, в Карьеполье, зимой русские охотники носили "совик" из грубого сукна, с капюшоном, без застежек, одеваемый через голову, причем одновременно в рукава просовываются руки.

На шею охотник вешал упомянутый "охотничий пояс", подпоясывался кожаным ремнем, на котором висели ножны и иногда приспособление для носки топора. На спине висели крошни, в них привязывался мешок для продуктов. Там же был специальный мешочек для добытых шкурок. В общем мешке находился запас пакли и "шасты" для пыжей (пакля или "шаста" для однодневной охоты укладывалась в особый мешочек на "охотничьем поясе"). "Охотничий пояс" носили под "лузаном" или под "верховицей". Ружье висело на левом плече так, чтобы ствол был обращен назад, а согнутая левая рука лежала на прикладе. В правой руке некоторые охотники держали "батожок" — палку для упора во время ходьбы (рис. 5-В).

Собаку приобретали щенком или уже взрослой, при покупке тщательно осматривали. Считалось необходимым произвести над

ней ряд магических действий, чтобы приручить ее к себе. Например, взрослую собаку вели домой на привязи и, проходя около реки или ручья, черпали воду и плескали собаке в глаза. Старались в пути подстрелить белку, снимали шкурку, телом белки охотник тер свои обнаженные пятки и затем давал собаке съесть белку. По приходе домой, у собаки "воровали дорогу", — ниткой измеряли у собаки расстояние между глазами, затем нитку разрезали по середине, говоря: "Как ниточка порвалась, так и дорожка урвалась у собачки Юрки"; после этого один конец нитки закатывали в хлеб и давали съесть собаке, а другой вносили в дом и затыкали в щель между бревнами, приговаривая: "Когда конец с концом сойдутся, тогда твои пути и дороженьки сойдутся".

Один из обрядов приручения ("присушивания") собаки состоял в том, что охотник вытирал куском хлеба ("опорашивал") у себя подмышкой, закатывал в хлеб вырванный с головы волос, давал всё это съесть собаке и при этом говорил: "Как волос и пот держались у меня, так бы держалась (называется кличка собаки) у меня" (дер. Илатовский Починок). Известен ряд других, аналогичных приёмов "присушивания" собаки, причем во всех случаях существенную роль играло кормление собаки пищей, которой так или иначе придавался запах человека — владельца собаки.

Если один охотник враждовал с другим, он старался "испортить" собаку своего недруга, — заставить ее потерять остроту обоняния. Например, потихоньку смазывал собаке нос салом, или около реки с быстрым течением царапал собаке нос большим щучьим зубом таким образом, чтобы кровь капала в воду.

Молодую собаку летом начинали учить приёмам охоты. Охотник гонял белку, собака бегала за ней, ловила. Иногда во время охоты молодую собаку подпускали к старой, и в следующий сезон молодая собака уже самостоятельно шла на зверя.

Охотничья собака не окружалась особым уходом. Ее кормили разной пищей, но не горячей и не соленой; когда шли охотиться на белку, пекли для собаки специальный ячменный хлеб. На

промысле собаку кормили толченой овсяной мукой и беличьим мясом (мясо куницы и горностаев собаки не едят). Собака должна была, по возможности, всё время находиться на улице, "чтобы чистый нос был". Собаку впускали в дом только для еды и не позволяли собаке спать со скотом, чтобы она не теряла нюх. На промысле собаку иногда держали в специальном шалаше около избушки. Дома о собаке заботилась женщина, на промысле — мужчина.

Промысел лесных птиц происходил примерно с первой половины сентября по вторую половину ноября, звериный промысел — с конца сентября или начала октября до наступления глубоких снегов.

На промысел птиц охотники уходили недели на две, затем возвращались домой на 3-4 дня, после чего снова уходили в лес. Живя в избушках, расставляли на путях различные ловушки. Рябчиков ловили силками и били из ружья. В день добывали от 2-3 до 30 рябчиков. Наиболее характерны два способа лова рябчиков: "градкой" и в силоч, расположенный на земле.

"Грядка" ставилась в большом, густом лесу, у ручейка, — "рябчик пуще живет у воды". Устройство "грядки" видно из рис. 7-А. Рябчик, стараясь достать гроздь калины, подвешенную к еловому "батожку", бежал по этому "батожку" и попадал головой в волосяной силоч, устроенный в петле из оставленной на "батошке" и согнутой еловой ветки.

При наземном способе лова (рис. 7-Б) небольшая полянка ("порховище") очищалась от травы и перегораживалась заборчиком из палочек, замаскированным еловыми ветками. В заборчике оставлялись "воротца". На линии заборчика втыкался "батожок" (а), к нему прикреплялся другой "батожок" (б), который пригибался к "воротцам" и зацеплялся с помощью оставленной на его конце ветки (в) за "сторожок" (г) — сучок на одной из палок заборчика. К этой ветке прикреплялась волосяная петля, а на ветку надевался свернутый конусом кусок бересты — "коробица" (д и е). Рябчик садился на расчищенное "порховище", начинал купаться в песке, видел за заборчиком еще расчищенное место, бежал в "воротца" и попадал головой в петлю. Вет-

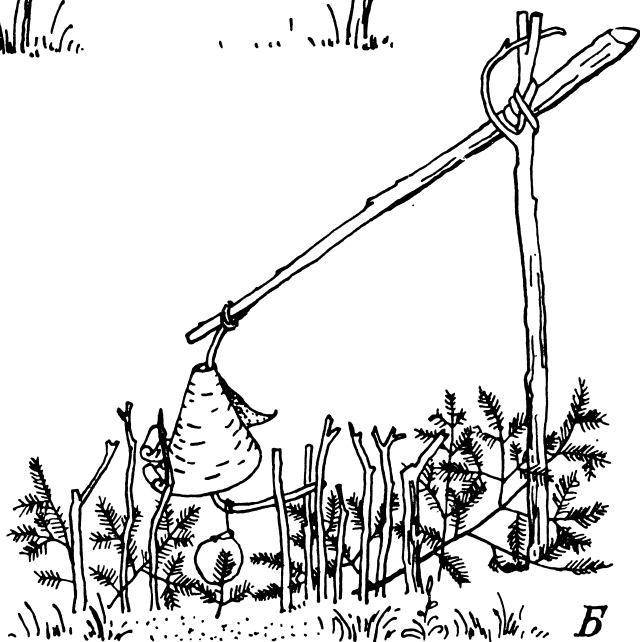
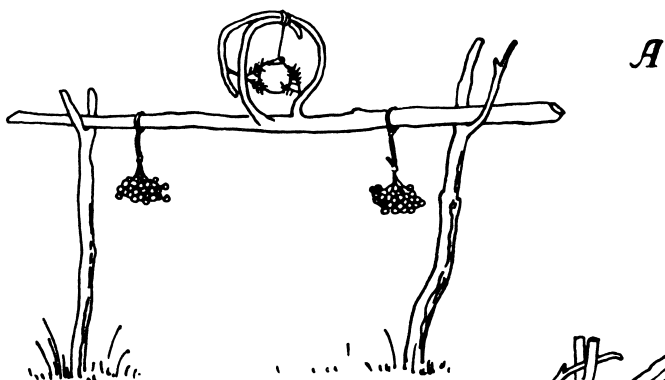

Рис. 7

ка срывалась со "сторожка" и поднимала попавшего в петлю рябчика, при этом на рябчика спускалась "коробица", предохранявшая его от дождя и от птиц, которые могли бы его склевать.

На глухарей и тетеревов ставили специальные ловушки — слопцы.

К октябрю "поспевала" белка, — ее шерсть после линьки становилась голубой. На промысел белки уходили из дома недель на девять. Белку стреляли из ружья и ловили сильями. В первом случае промышляли с собакой. Приёмы такой охоты на белок многократно описаны. Другой способ — лов белки "медными сильями на очепу". Белка любит бегать по валежнику, особенно по стволу, упавшему через ручей. В середину валежины вколачивали два колышка, пригибали растущее недалеко очень молодое деревцо — "деревинку", закрепляли его и подвешивали к нему петлю. Попавшая в петлю белка повисала "на чистом воздухе". Вокруг обламывались ветки соседних кустов, чтобы белка не могла за них зацепиться. В сезон охотник добывал 300–400 белок.

На куницу ставили "кряжик" — ловушку, давящую зверька, или выслеживали куницу с собакой по следу. Шли по следу на лыжах. Куница обычно прячется под корень, в дупло, под упавшее дерево. При охоте по легкому снегу куницу оттуда "выживали" палкой ("стягом"), зверек забирался на дерево, и его стреляли, как белку. При глубоком снеге окружали место, где спрятался зверек, специальной сетью — "ометом", внутри сети вырубали кусты и соскабливали кору с больших деревьев, чтобы куница на них не взобралась. Затем охотник с собакой входил в обнесенное сетью место, куницу выгоняли, и ее ловили либо собака, либо сам охотник.

Лисицу добывали попутно при охоте на других зверей, особого лисьего промысла не существовало. Охотились с ружьем, ставили разнообразные капканы и ловушки, раскладывали отраву. К капканам лисицу приманивали "привадой" — квашеным скотским мясом, которое разбрасывали или подвешивали на деревьях на "вичках" (веревочках).

Капканы на лисиц ставились различными приёмами. Например, охотник Зиновьев (дер. Денисовка-Первая) подходил к лисьему следу на лыжах, надевал рукавицы, обработанные описанным выше способом, лопаточкой выгребал из под следа снег таким образом, чтобы не потревожить след, и затем на лопаточке опускал капкан под след. Ямку засыпал снегом, взятым с другой стороны лыжни, и искусно выравнивал засыпанное место. Другой охотник, — сын того же Зиновьева, — подходя к лисьему следу, сходил с лыж, а после постановки капкана маскировал снегом свои следы. В обоих случаях рассчитывали на то, что лисица имеет обыкновение ходить по своему старому следу.

Норку ловили "проскоками", поставленными у ручейков.

Была распространена охота на медведей, часто нападавших на крестьянский скот. Тот же Зиновьев-отец рассказывал о следующем способе охоты. Верстах в 15 от деревни, обычно у речки на "угорь" (возвышенном берегу) складывали мясо павшей скотины. Там же строилась "караулочка" — маленькая избушка на мху, высотой в один метр, в которой человек мог сидеть или лежать. Дверь делалась такой, чтобы человек мог в нее только вползти, и закрывалась мхом. В сторону положенного мяса прорубалось окошечко "с кулачок" и закрывалось колодочкой. Вся "караулка" закладывалась ветками ели. Мясо привязывалось к пню "вишей", свитой из коры черемухи. Такие "караулки" около положенной "дохлятины" устраивали одновременно местах в трех.

Поскольку медведь человека "страшно слышит", охотники приходили очень осторожно, в катанцах-валенках, заматавая за собой следы мокрой метлой из еловых веток, которую волочили на веревке. Охотник ложился в "караулке", приладив ружье в окошечке с помощью надетой на ствол "насадки" и подложив под приклад войлок, чтобы ружье не отдавало в плечо. Приходилось лежать в "караулке" иногда до суток, тихо, не шевелясь, чтобы была "полная затаенность воздуха".

Когда пришедший к мясу медведь начинал разрывать "вицу", охотник стрелял, стараясь попасть в грудь, чтобы "перебить

дыхание", в противном случае раненый зверь мог убежать. Если раненый медведь поднимался на задние лапы и шел на охотника, охотник быстро выползал из "караулки" и шел на медведя с "рогатиной". "Рогатина" (рис. 4-1') имела древко из толстой рябиновой палки, с насаженным на него плоским металлическим копьём, недалеко от которого к древку привязывался кусок дерева на веревке, чтобы "рогатина" не проколола медведя насквозь. Охотились на медведя обычно вдвоем (один человек может не справиться).

Для охоты на медведей употребляли также "жмыхи", железные петли и большие капканы. В деревне Карьеполье рассказывали, что на деньги, вырученные от продажи шкуры убитого медведя, покупали "обещанные" иконы. На месте, где убили медведя, ставили небольшую часовенку.

Дичь и пушнина, добытые охотниками на промысле, продавались в городах на ярмарках. Но не все охотники могли выехать в город. К таким охотникам протягивались "услужливые" руки скупщика. Каждый скупщик был монополистом в определенном районе, охотники находились в тяжелой экономической зависимости от скупщиков.

Г.В.ШИПУНОВА

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО КОМИ (РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ)

(Доложено на заседании отделения 28 марта 1963 г.¹)

В культуре народов коми сильно ощутимы длительные и тесные связи с русским народом. Коми-зыряне, живущие на средней Вычегде, Мезени и Вашке, а также на средней Печоре и Ижме, близки по культуре к русским Архангельской области. В прошлом коми-зыряне на этой территории, несомненно, испытывали влияние таких центров русской культуры, как Новгород, Великий Устюг, Усолье, Чердынь. Этническая группа коми-ижмцев образовалась из смешанного населения, в состав которого вошли русские и коми. Нас интересует художественное творчество именно этой группы. В настоящем сообщении мы затронем лишь один вопрос — резьбу по дереву. Об узорном ткачестве, вязании и вышивке некоторые материалы были нами опубликованы ранее ²/. Мы используем материалы краеведческого музея Коми АССР в г.Сыктывкаре, где автор работал в 1928-31 гг., а также Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде.

Резьбой по дереву коми украшали свои дома, предметы обихода, орудия производства, веретена, прялки, всевозможные коробки и коробочки для различных предметов — пороховницы, табакерки и т.п.

В Ижемском районе постройки украшались преимущественно пропиловочной и накладной резьбой. Встречались скульптурные украшения в виде голов фантастических животных и птиц, а также конских голов на охлупнях крыш.

Во многих селениях сохранились деревянные ковши в форме

¹/ Г.В.Шипунова скончалась в октябре 1965 г. Текст и иллюстрации сообщения подготовлены к печати А.А.Шенниковым.

²/ Г.В.Шипунова, Народное искусство коми (узорное тканье, вязанье, вышивка), — СЭ, 1960, № 2, стр. 57-70.

водоплавающей птицы, до сего времени широко бытующие (рис. 1-а). Встречаются солонки в виде утки, нередко с утятами на спине. Эти солонки-утки передавались по наследству, из поколения в поколение (рис. 1-б).

Художественная резьба коми была наиболее широко распространена в Ижемском районе. В других местах она встречалась реже. Однако, ее удалось встретить, например, на деревянном ткацком стане из с.Мылдино Помоздинского района (рис.1-е)^{3/} на прялке и на рукоятках кос из дер.Лебяжье Сысольского района (рис. 2-д, ж и 3-б)^{4/}.

Орнамент на всех предметах, украшенных резьбой,— исключительно геометрического характера. Известно несколько вариантов техники резьбы.

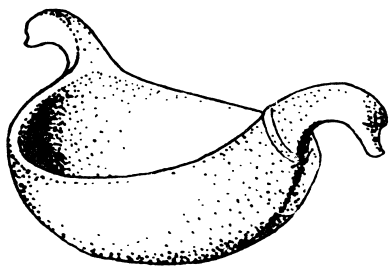
Наиболее распространена несложная трехгранно-выемчатая резьба, состоящая из углублений, расположенных в виде узора на ровной поверхности. Глубина резьбы незначительна. Выемки имеют форму трехгранных пирамидок. В орнаменте, таким образом, основную роль играет треугольник.

При дальнейшем усложнении техники появляются выемки в форме полос, квадратов, прямоугольников и кругов. Появляются

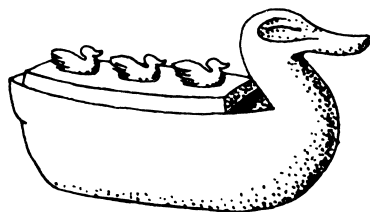
^{3/} Рисунки Г.В.Шипуновой несколько схематичны; за отсутствием иных материалов, приводим рисунки в том виде, как они представлены в докладе, за исключением рис.5 (см.ниже)—А.Ш.

^{4/} Объяснения к рис.2: а) орнамент на прямоугольной коробке (Ижма); б) орнамент на верхней и боковой поверхностях многогранной крышки коробки (Ижма); в) орнамент на стаканчике (Ижма); г) орнамент на крышке круглой коробки для мелких предметов (петель, крючков, иголок, пуговиц; Ижма); д) орнамент на рукояти косы (дер. Лебяжье Сысольского р-на); е) изображение двух елок на крышке коробки (Ижма); ж) орнамент на прялке (дер. Лебяжье Сысольского р-на).

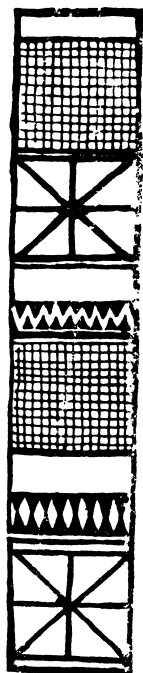
Объяснения к рис. 3 : а) орнамент на коробке для предметов женского рукоделия (Ижма); б) орнамент на рукояти косы (дер. Лебяжье Сысольского р-на); в) орнамент на табакерке; г) орнамент на пенале для школьника (Ижма); д) орнамент на табакерке (Ижма); е) орнамент на пенале для школьника (Ижма); ж) орнамент на стаканчике (Ижма).

А

Б

В

Рис. I

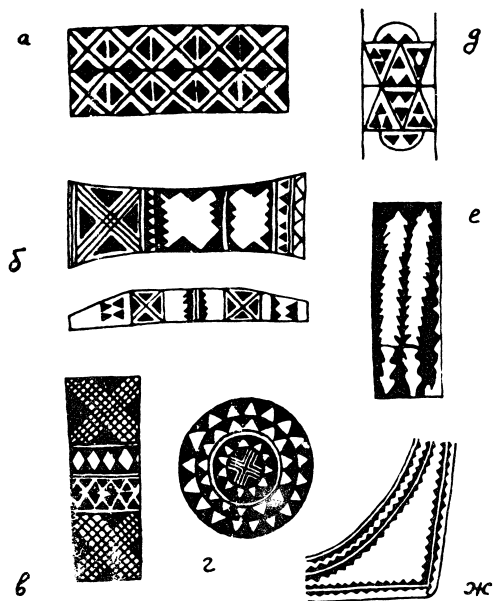

Рис. 2

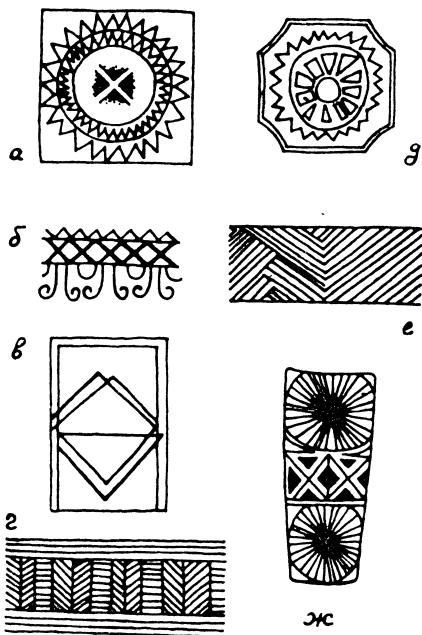

Рис. 3

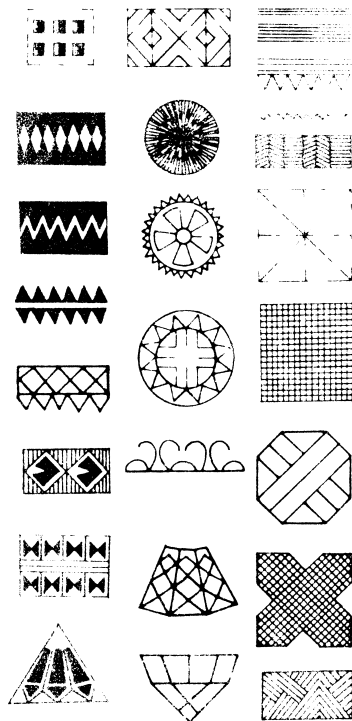

Рис. 4

радиальные лучи, исходящие из центра круга, расчлененный круг становится основным элементом орнамента. Таковы орнаменты на коробке для принадлежностей женского рукоделья и на табакерке (рис. 3-а, д). На крышке женской коробочки для мелких предметов (рис. 2-г) — расчлененный круг с трехгранными выемками.

Круги бывают различных размеров. Узор в круге имеет чаще всего радиально-лучистую или звездообразную форму, как, например, орнамент на стенках деревянного стаканчика (рис. 3-ж). Встречается окаймление кругов кольцеобразными полосками и поясками.

Второй вид резьбы, тоже широко распространенный в Ижемском районе, — линейная резьба. Этим приёмом, во-первых, наносятся полосы, пояски, каймы на крышках коробок разной величины; во-вторых, образуются орнаменты из пересекающихся линий, состоящие из квадратов и треугольников; в-третьих, линиями обводятся группы треугольных выемок, упомянутых выше (рис. 2-д).

Прямоугольная или квадратная верхняя плоскость предмета, а иногда и боковые его стороны, украшаются узором из ромбов, квадратов и треугольников, чередующихся в шахматном порядке. Края крышек круглых предметов окаймляются кольцеобразными линиями, а крышки прямоугольных предметов — параллельными линиями в 1-2, иногда в 3 ряда. Характерны узоры на крышках пеналов, состоящие из прямолинейных нарезок, иногда в виде углов и елочек. Линейный орнамент имеет множество вариантов.

Третий вид резьбы, — контурная резьба, считающаяся одним из поздних видов декорации бытовых предметов. Эта резьба напоминает гравировку. Специальным резцом прочерчиваются выемки в виде двугранных канавок. Таким способом выполнено, например, изображение двух елок на крышке коробки (рис. 2-е).

Часто все виды резьбы сочетались на одном предмете, образуя сложную декорацию. Многогранная крышка коробки (рис. 2-б) имеет трехгранную, линейную и контурную резьбу одновременно; в целом орнамент напоминает узорное вязанье коми.

На рис. 4 дан еще ряд характерных орнаментов,

встречающихся в коми-зырянской резьбе по дереву.

Особого внимания заслуживает художественная резьба на веретенах, в настоящее время уже редко встречающаяся.

Коми-зыряне прядут так же, как русские, белорусы и украинцы. Левой рукой пряжа держит пряжу. Веретено приводится во вращательное движение и скручивает волокно или шерсть в нить. Веретено вырезается из деревянного бруска длиной 16-20 см, толщиной 2-4 см. Оно состоит из трех частей: верхней, средней и нижней. Верхняя часть, скручивающая нить, — на 1-2 см длиннее нижней. Средняя часть, на которую наматывается готовая пряжа, — самая длинная и толстая. Верхняя и нижняя части заострены в форме конуса, средняя может иметь любую форму.

Ижемское веретено, в отличие от восточнославянских веретен, — не "простая палочка, обычно с утолщением посредине"^{5/}, а сложная пластическая форма, художественно исполненная. Встречаются веретена, похожие на еловую или сосновую шишку, на луковицу, на цветок; некоторые представляют собой многогранник, цилиндр, комбинацию из конусов и шаров на одной оси и более сложные композиции.

На поверхности этих сложных форм нанесен орнамент, выполненный описанными выше способами резьбы. Верхняя и нижняя части веретена обычно оформлены в виде ряда маленьких усеченных конусов, нанизанных на ось, но обязательно с заостренными концами.

Можно отметить несколько наиболее характерных типов веретен. Так, имеются веретена со средней частью в виде двух-трех шариков, как бы нанизанных на тонкий цилиндрический стержень, с расстояниями между ними до 2-3 см. Шарик имеет пояски (рис.5-а)^{6/}.

Веретена в форме шишки имеют несколько разновидностей.

^{5/} Н.И.Лебедева, Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в., — Тр.ИЭ, т.31, М., 1956, стр.481-483.

^{6/} Изображения веретен на рис. 5, по сравнению со схемами, выполненными Г.В.Шипуновой, несколько откорректированы и приведены к единому масштабу, — А.Ш.

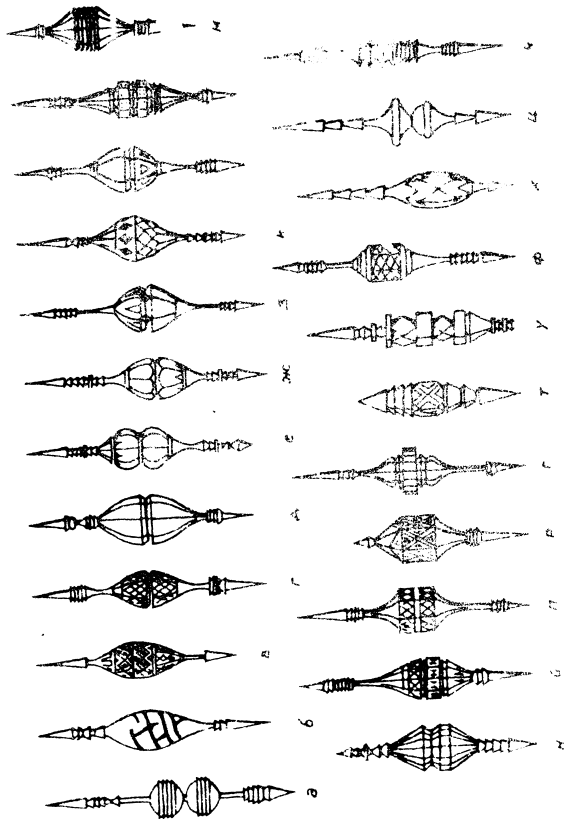

FIG. 5

Есть веретена, средняя часть которых покрыта перекрывающимися кривыми линиями, напоминающими еще не раскрывшиеся чешуйки молодой еловой шишки (5-с). Более сложный орнамент из ромбов и треугольников изображает, очевидно, раскрытые, четко очерченные чешуйки зрелой шишки (5-в, г). Иногда шишка как бы перетянута пояском или разделена продольными линиями на дольки.

Средняя часть веретена может иметь форму двух луковиц, соединенных основаниями, каждая из 8 долек, нередко украшенных орнаментом (5-д, е). Близки к этому типу веретена, напоминающие скорее нераскрывшиеся цветочные бутоны, иногда также соединенные попарно основаниями, с пояском между ними (5-ж, з, и, к).

Разнообразны и нередко очень сложны веретена с многогранной средней частью. Грани украшены орнаментом. Иногда средняя часть веретена оканчивается пирамидами, напоминающими шатровые завершения русских деревянных церквей и колоколен (5-л, м, н). Есть более сложные формы, напоминающие граненые графины (наиболее характерно веретено на рис. 5-с). Некоторые веретена напоминают старинные русские безмены, со средней частью в форме параллелепипеда, со срезанными углами с прочерченными на гранях косыми крестами (5-т).

Встречаются и еще более сложные формы, среди которых отметим веретена наподобие волчка (5-ц, ч).

Таковы наиболее характерные примеры художественной резьбы по дереву у коми-зырян.

А.С.БЕЖКОВИЧ

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

(Доложено на заседании отделения 26 ноября 1964 г.)

В этническом составе населения Краснодарского края за последние 30 лет отмечены значительные изменения. По всем демографическим данным, с конца XVIII века до переписи 1926 г. включительно, в крае преобладало украинское население, а в западной части края (Черномории) оно составляло 80-90 %. Но перепись 1959 г. показала сокращение украинского населения до 4 %, за счет соответствующего увеличения доли русского населения.

В статье Л.Н.Чижиковой столь резкое изменение этнического состава населения края объясняется постепенной этнической интеграцией, начавшейся, по мнению автора статьи, задолго до 1926 года, в связи с чем данные переписи 1926 г. ставятся под сомнение ^{1/}.

Однако, тщательное изучение истории заселения и динамики этнического состава населения края убеждает в том, что вплоть до первой мировой войны на Кубани, действительно, преобладали украинцы ^{2/}. Следовательно, интересующее нас изменение этнического состава произошло позже. В настоящем сообщении рассматриваются истинные причины этого изменения.

Напомним, что в дореволюционное время заселение края происходило в два этапа: а) военная колонизация (1792-1868 гг.); б) вольное переселение (1869-1917 гг.). Первыми массовыми переселенцами были украинцы — бывшие запорожские

^{1/} Л.Н.Чижикова, Заселение Кубани и современные этнические процессы, — СЭ, 1963, № 6, стр. 35-38.

^{2/} А.С.Бежкович, История заселения Кубани, — "Доклады отделения этнографии Географического Общества СССР", вып.2, Л., 1966, стр. 26-44.

казаки, переселившиеся на Кубань под новым наименованием черноморских казаков (1792 г.). Спустя два года была переселена часть донских казаков русского происхождения. Каждая из этих групп заняла отдельную территорию. Украинцы поселились компактной массой в северозападной и западной частях, русские — в северо-восточной части, а в южной части сложилось смешанное население. В последующие годы заселения Кубани украинцы численно преобладали над русскими. В результате этого большая часть современной территории Краснодарского края была заселена украинцами с небольшой прослойкой русских, а меньшая — русскими с незначительной частью украинцев.

Третий этап заселения относится к советскому времени. Основным источником являются опубликованные материалы переписей населения 1920, 1926 и 1959 гг. Кроме того, используем материалы наших научных командировок и частных этнографических поездок на Кубань ^{3/}.

С 1914 г. состояние области, в связи с первой мировой, а затем гражданской войной, значительно меняется. Снизились естественный прирост населения и приток переселенцев, произошла большая убыль наиболее здорового и работоспособного мужского населения на фронтах мировой и гражданской войн. Часть мужского населения, главным образом казачьего, эмигрировала за границу в 1920-21 гг. Размеры убыли населения из-за указанных причин неизвестны, но они были велики.

Большие потери население области понесло в 1919 г. во время эпидемии гриппа-испанки и в 1920 г. во время эпидемии

^{3/} А.Бай (псевдоним А.С.Бежовича), Черкесы и русская культура, — сб. "Революция в деревне", М., 1924, стр. 120-138. А.С.Б-вич, Землеустройство на Кубани, — тот же сб., М., 1925. А.С.Бежович, Коллективизация сельского хозяйства на юге России. Л., 1927. стр. 160; его же, Кубанское рало. — в кн. "Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови", Київ, 1928, вып. 1, стр. 93-103; его же, Кубанский плуг, — там же, вып. 3, 1931, стр. 84-112. Используем также материалы наших поездок на Кубань в период с 1959 по 1963 гг.

тифа, но точных сведений об этих потерях тоже нет.

С окончанием гражданской войны, носившей на Кубани особенно обостренный характер, закончился шестилетний период, нарушивший нормальную жизнь края. Население перешло к мирному труду, который, однако, на первых порах омрачался разногласиями между казаками и иногородними. Те и другие восприняли победу советской власти по-разному. Иногородние чувствовали себя победителями и поэтому были положительно настроены к новой власти, а казаки сознавали себя побежденными и относились ко всем мероприятиям власти выжидательно.

В экономическом и профессиональном отношении казаки составляли более однородную и компактную группу населения. Все они были земледельцами и располагали более или менее одинаковыми земельными наделами^{4/}. Преобладали среднезажиточные. Иногородние же составляли четыре довольно различные группы. Самая большая группа, — в основном, батраки. Меньше было ремесленников, еще меньше — торговцев, лавочников, и самую малочисленную группу составляли крестьяне — собственники земли, приобретенной у панов-дворян, жившие своими хуторами. Последняя группа в экономическом отношении тоже была неоднородна: одни имели 5-10, другие — до 100 гектаров собственной земли.

Несмотря на все эти различия, у иногородних всё же была развита сословная солидарность. До Октябрьской революции они все были одинаково настроены против казаков. Но во время революции и гражданской войны наиболее сочувствовали советской власти сельскохозяйственные рабочие и ремесленники, из хуторян же малоземельные были более лояльными, а многоземельные вели себя пассивно и даже враждебно.

^{4/} В среднем 8 гектаров на взрослого мужчину с 18 лет, в южной части области меньше, в северной — больше, что объясняется качеством почвы, которое было приблизительно учтено при размежевании войсковых земель между станичными земельными обществами в 1860-х годах. При этом надо иметь в виду, что паевые наделы с каждым новым переделом уменьшались на одну десятину.

Как уже сказано, состояние населения края к концу первого десятилетия советской власти характеризуется Всесоюзной переписью населения 1926 г., к которой Л.Н.Чижикова относится с меньшим доверием, чем к переписям 1939 и 1959 гг.^{5/} В частности, Л.Н.Чижикова пишет: "Поскольку процесс смешения русского и украинского населения уже глубоко зашел в 1920-е годы, можно предположить, что неточностями, допущенными при составлении переписи 1926 г., в некоторой степени объясняется резкая разница в данных о соотношении русского и украинского населения на Кубани в 1926 и 1959 гг." ^{6/}.

Расхождения эти, действительно, поразительны, но причина этого — не в переписи 1926 г., а во многом другом.

Прежде чем вскрыть эти причины, остановимся на данных Всероссийской переписи 1920 г., по которой в Кубанском округе было украинцев 1 222 140 чел. (55 %), русских — 980 290 чел. (44,13 %) и великороссов — 18 620 чел. (0,84 %) ^{7/}. Вся эта группа составляла 95 % всего населения. "Украинцам принадлежит центральная и западная (большая) часть округа, — это так называемые "черноморцы", казаки бывшего "черноморского войска". Восток занимают великороссы, вышедшие из Донской области и Орловской, Курской и Воронежской губерний; это по преимуществу казаки — "линейцы", а так же именовавшиеся ранее "коренными" крестьянами. Закубанские административные районы вмещают и великороссов, и украинцев, больше последних, также принадлежавших к бывшему "черноморскому казачьему войску" ^{8/}. Мы к этому добавим и азовских казаков.

Такое географическое размещение населения по народам (украинцам и русским) дает картину, близкую к первоначальному заселению края украинцами и русскими. Преобладание ук-

^{5/} Л.Н.Чижикова, ук.соч., стр. 30-34.

^{6/} Там же, стр. 35.

^{7/} Северный Кавказ после районирования, т.П, Ростов-на-Дону 1925, стр. 178-179.

^{8/} Там же.

раинцев лишь на 10 % над русскими,— несколько меньше того, что получается при изучении истории заселения края ^{9/}, но это объясняется тем, что в перепись включено городское население. Следует только оговорить, что границы Кубанского округа далеко не совпадают с границами бывшей Кубанской области.

Сравним данные переписей 1920 и 1926 гг. Как видно из таблицы I ^{10/}, в 1926 г. соотношение русских и украинцев по всем трем округам бывшей Кубанской области показывает значительное преобладание украинцев — 57,1 %, против 42,9 % русских. По округам это соотношение меняется: в Кубанском — 71,0 % украинцев и 29,0 % русских, в Армавирском — украинцев меньше, чем русских (соответственно, 34,45 % и 60,52 %), в Майкопском — еще меньше (31,35 % и 62,31 %). Но в некоторых районах Армавирского округа преобладают украинцы, например, в Баталпашинском (теперь Черкесском), Вознесенском, Невинномысском и Успенском. В Майкопском округе украинцы преобладают только в Хадыженском районе ^{11/}.

Такое соотношение украинцев и русских в достаточной степени согласуется с приведенными выше данными переписи 1920 года. Данные обеих переписей согласуются и с данными об истории заселения края, как в количественном, так и в географическом отношениях ^{12/}. Поэтому нет оснований относиться с недоверием к этим переписям, впервые учитывавшим национальный состав населения, и можно считать, что до 1926 года включительно в крае еще преобладали украинцы.

^{9/} А.С.Бежкович, ук.соч. 1965.

^{10/} К переписи по Кубанскому округу приплюсованы данные по Ейскому, Кущевскому и Староминскому районам, — черноморские станицы, которые во время переписи числились в Донском округе, а при организации Краснодарского края вошли в его состав. Там по переписи 1926 года было 81,3 % украинцев и 18,7 % русских. См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г., т.5, М., 1928, стр. 252-253.

^{11/} Там же, стр. 252-254.

^{12/} А.С.Бежкович, ук.соч. 1965.

ТАБЛИЦА I

Население по народности и родному языку по сельским местностям отдельных районов Северо-Кавказского края по переписи 1926 г.

Территория	Население (чел.)	В том числе			
		по народности		по родному языку	
		русские	украинцы	русский украинский	
Кубанский округ	1492077 (100%)	432360 (29,00%)	1059717 (71,00%)	650362 (43,40%)	850596 (56,60%)
Армавирский округ	773729 (100%)	468283 (60,52%)	266556 (34,45%)	672011 (86,85%)	70093 (9,05%)
Майкопский округ	274251 (100%)	170892 (62,31%)	86003 (31,35%)	225243 (82,13%)	33962 (12,38%)
Итого	2540057 (100%)	1061535 (42,90%)	1412276 (57,10%)	1547616 (62,30%)	941657 (37,70%)

Примечание. Несовпадение итогов объясняется тем, что в сумму лиц, выделенных по родному языку, вошло некоторое количество лиц, по народности не относящихся ни к русским, ни к украинцам.

Из материалов переписи 1926 г. приведем еще данные по Черноморскому округу, заселенному одновременно с Закубаньем, а теперь входящему в состав Краснодарского края. Там из общего числа украинцев и русских первые составляли 67,2 %, а вторые — 32,8 % (не считая армян, адыгейцев, греков и прочих народов)^{13/}. Таким образом, и в Черноморском округе наблюдалось значительное преобладание украинцев. Объяснять это ошибками переписи нет основания.

По всесоюзной переписи населения 1959 г. в Краснодарском крае зарегистрировано 3 762 499 чел., из них русских — 3 363 711 чел., украинцев — 145 592 чел. и других народов — 254 196 чел. Соотношение русских и украинцев, без других народов, — 95,8 % и 4,2 %, а по языку — соответственно, 98,3 % и 1,7 %^{14/}.

Начало процесса сокращения украинского населения, вероятно, более или менее точно показала всесоюзная перепись населения 1939 г., но, к сожалению, материалы этой переписи по Краснодарскому краю не опубликованы.

Но все факторы, оказавшие влияние на сокращение численности украинского населения, хорошо известны. Их можно подразделить на факторы психологические, факторы физические и дефекты переписей.

1) К категории психологических факторов относим употребление исключительно русского языка при обучении грамоте, начиная с появления школ в Черномории и до настоящего времени, при ведении административной переписки и судебных дел, при прохождении военной службы и при обучении военному делу. Газеты и книги издавались и издаются в крае тоже на русском языке. Лишь в конце 1920-х и начале 30-х годов в местной газете "Красное Знамя" изредка публиковалась одна страница на украинском языке. К колхозникам обращались на родном языке только по вопросам колхозного строительства. Но большин-

^{13/} Ук. перепись, т.5, стр. 214-215.

^{14/} Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г., РСФСР, М., 1963, стр. 322-323.

ство украинского населения всё же сохраняло свой язык, и лишь перепись 1959 г. зарегистрировала только 1,7 % лиц, считавших родным языком украинский.

2) Физическим фактором считаем, прежде всего, выселение с Кубани некоторой части казаков по окончании гражданской войны (в первую очередь выселялась антисоветски настроенная военная и административная интеллигенция). Численно это выселение было невелико, но психологически оно оказало большое влияние на рядовую казачью массу. Во много раз значительнее было выселение кулаков и подкулачников при сплошной коллективизации сельского хозяйства. Из станицы Полтавской — крупнейшей станицы бывшей Черномории, ведущей свое происхождение от Полтавского куреня Запорожской сечи, — были выселены все казачьи семьи, после чего станица была переименована в Красноармейскую.

К этой же категории факторов относится голод 1932-33 годов. Смертность была велика, в станицах пустели усадьбы и кварталы. В литературе об этом прямых сведений нет. Л.Н.Чижикова выражается весьма туманно: "1932-33 гг. были самыми трудными в истории колхозного строительства Кубани. В некоторых, особенно крупных и богатых в прошлом станицах, произошло известное снижение численности населения" ^{15/}. Но в тот год голод имел место не только на Кубани. Кое-какие сведения о причинах и следствиях этого бедствия в некоторых других местностях, например на Украине, в литературе имеются ^{16/}.

Опустевшие станицы заселялись переселенцами преимущественно из РСФСР. По данным, опубликованным Л.Н.Чижиковой, в станицу Платнировскую переселилось в советское время из южно-русских областей — 60,8 %, из северных и центрально-нечерноземных областей — 8,4 %, с Урала и из Сибири — 8,6 %, из других республик Союза — 9,5 %, с Украины —

^{15/} Л.Н.Чижикова, ук.соч., стр. 30.

^{16/} И.Стадних, Люди не ангелы, — "Нева", 1962, № 12, стр. 53-54, 57-60 и 64.

12,7 % ^{17/}. Среди переселенцев с Украины был какой-то процент тоже русских. Из Ставропольского края переселялись целыми колхозами. Эти массовые переселения, несомненно, способствовали увеличению процента русского населения.

3) Неточный учет этнической принадлежности населения при проведении всесоюзной переписи 1959 г. сыграл решающую роль в получении приведенных выше процентных соотношений.

Коренное население края имеет весьма неопределенное понятие о термине национальности, и в этом нет ничего удивительного. Стоит вспомнить, как менялось наименование украинского народа за последние полстолетия, чтобы понять затруднения кубанских казаков в отношении их этнического названия. Хорошо известно, что до Октябрьской революции в России официально существовал термин "малоросс", а термин "украинец" встречался лишь в литературе. Сами же украинцы, особенно крестьяне, считали себя русскими ("руськими"), произнося это слово с мягким "сь" и "ь" вместо "и". Возможно, что термин "руський" у крестьян сохранился еще со времен Киевской Руси и произошел от слова "Русь". Сохранение "ь" и мягкого "с" подтверждает это предположение. Называя себя "руськими", они в то же время русских называли "москалями". Этот последний термин употреблялся не только крестьянами, но широко использовался в украинской литературе, включая и поэзию Т.Г.Шевченко. На Кубани так же, как и на Украине, в произведениях писателей-черноморцев XIX века употреблялся только термин "москаль". Напомним, что аналогичные термины,—"москаль", "московит",— существовали у многих народов северной и восточной Европы в отношении жителей Московского государства, в то время как жителей территории бывшей Киевской Руси примерно в пределах современных Украины и Белоруссии те же народы именовали "рускими". Лишь после образования Российской империи термины "москаль", "московит" стали заменяться терминами "россиянин", "российский", "русский".

Во время переписи населения 1926 г. термин "русский" был

^{17/} Л.Н.Чижикова, ук.соч., стр. 32.

рекомендован инструкцией как общий для великороссов, украинцев и белорусов, то-есть равнозначный термину "восточный славянин", а во время переписи 1959 г. термин "русский" вытеснил и заменил термин "великоросс", но перестал играть прежнюю роль. Несмотря на это, в переписи 1959 г. некоторая часть населения зарегистрировалась великоруссами. Это, очевидно, та часть граждан СССР, которая в свое время усвоила этот термин и сохранила его, хотя он вышел из официального употребления и заменен термином "русский". Все эти изменения в этнической терминологии сплошь и рядом затрудняют многих граждан в их этническом самоопределении.

На Кубани эти трудности усугубляются этногеографическим и культурно-историческим положением украинского населения. Край отделен от Украины Азовским морем и административно объединен с областью, населенной русскими казаками, в прошлом братьями по сословию. Здесь этногеографическое понятие "кубанцы" в какой-то мере заменяло понятия "украинцы" или "русские". Но и этот термин сохранился только у старшего поколения, принадлежавшего к Кубанскому казачьему войску. Теперь уже появляется новое понятие "краснодарцы", от слов "Краснодар", "Краснодарский край".

Сословный термин "казак" употреблялся чаще, чем термин "кубанец", в сознании населения он часто заменял этноним. Термины "кубанец" и "казак" применялись одинаково у казаков как украинского, так и русского происхождения, однако этнонимом термин "казак" являлся, в основном, именно у украинцев. Дело в том, что для украинцев термин "козак" приобрел значение этнонима еще во время национально-освободительной борьбы в ХУП веке под руководством Богдана Хмельницкого, когда произошло массовое оказывание крестьян и мещан. В то время и в соседних странах украинцев нередко называли "козаками", а Украину — "страной козаков" 18/.

18/ Например: История Молдавии, т.1, Кишинев, 1951, стр. 198. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине ХУП в., описанное Павлом Алеппским, М., 1896, вып.1, стр.11, 46, 50, 62, 65, 96; вып.2, стр.7, 8; вып.4, стр.17 и карта.

Запорожцы, переселившиеся на Кубань, принесли с собой, вместе с традициями казачества, и термин "козак" в качестве этнонима, каковым он и оставался более ста лет. Лишь в советское время, у большинства казацкой молодежи, он утратил это значение.

Нельзя согласиться с утверждением Л.Н.Чижиковой, что термины "хохол" или "хахол" являются самоназванием украинцев Кубани, в том числе и казаков украинского происхождения^{19/}. В станицах, населенных казаками и иногородними украинского происхождения, слово "хохол" не употреблялось. Казаки называли иногородних "городовыками", "гамселама", а иногородние казаков — "куркулями". Эти термины имели оскорбительный характер. Но после ликвидации сословий и введения общего для всех термина "гражданин", оскорбительные термины вышли из употребления, а молодое поколение их почти не знает. Казаки-линейцы, подобно казакам-донцам, называли "хохлами" украинцев-иногородних.

Термин "хохол" появился в русском языке в первой половине XVIII в. применительно к казакам-запорожцам, носившим в то время прическу с "чупрыной", "чубом", по-русски — хохлом. Затем этот термин распространился на украинцев вообще. Термин "хохол", так же как и термин "кацап" (украинское название русских крестьян), — оскорбителен и не является самоназванием. Но, поскольку термин "хохол" получил в русской крестьянской среде широкое распространение, у украинцев притупилось чувство обиды, и они относились к этому термину согласно известной украинской поговорке: "Хочь горшком звы, тике в пичь ны став".

Такая изменчивость и неясность этнических терминов для населения Кубани, а также смешение областных (этногеографических) и сословных терминов с оскорбительными, поставили кубанских украинцев в весьма затруднительное положение при выборе термина-этнонима во время переписи 1959 г. Конечно,

^{19/} Л.Н.Чижикова, ук.соч., стр. 35.

население разобралось бы в этом вопросе, если бы ему оказали помощь лица, проводившие перепись. Но этого не было сделано. Плохую услугу переписи оказали и некоторые работники милиции: в начале 1930-х годов при выдаче паспортов части населения они нередко писали в графе "национальность" — "русский", не разбираясь в местной этнической терминологии. Если, несмотря на всё это, перепись 1959 г. всё же зарегистрировала 3,9 % украинцев, то это объясняется, в значительной степени, тем, что украинцы, переселившиеся на Кубань с Украины незадолго до переписи, имели украинские паспорта, в которых значилось "украинец". Потому-то эти украинцы расселены по краю довольно равномерно.

Таким образом, процент украинского населения на Кубани, несомненно, сократился не столь значительно, как это получается по итогам переписи 1959 г. А то сокращение, которое действительно имело место, обусловлено отнюдь не только постепенной этнической интеграцией, но и многими другими факторами, не имеющими ничего общего с интеграцией.

Теперь ошибка, допущенная в переписи, будет, подобно цепной реакции, порождать другие ошибки, что мы уже и видим на примере статьи Л.Н.Чижиковой и некоторых других работ^{20/}. Особого внимания заслуживает ряд неточностей и ошибок в книге "Народы Европейской части СССР", выпущенной Институтом этнографии Академии наук СССР.

Так, в разделе "Историко-культурные группы русского народа" утверждается: "Население юго-востока (от бассейна Хопра до бассейна Кубани и Терека, — главным образом бывшие область Войска Донского, восточная часть Новороссии, Кубанская, Терская област: и др.) территориально и исторически связано с населением южнорусских областей..."^{21/}. О географических и исторических связях с Украиной ничего не сказано.

^{20/} М.С.Шихарев, Судьба у сельского населения Кубани, — СЭ, 1964, № 1. Н.А.Дворникова, Одежда населения бассейна р.Кубани, — там же.

^{21/} Народы Европейской части СССР, т.1, М., 1964, стр. 145.

Лишь на следующей странице вскользь отмечено: "Группа кубанских казаков составлялась в конце XVIII — начале XIX в. из украинских и русских выходцев. Украинские черты в их языке и быте очень сильны, особенно у западной части кубанских казаков" ^{22/}. А на самом деле сохранились не "черты", а полностью все украинские этнографические особенности в той же мере, в какой они сохранились на Украине.

Нельзя обобщать кубанских казаков в одну этническую группу. В действительности, западная группа — "черноморцы", потомки запорожцев, — и восточная группа — "линейцы", потомки донских казаков русского происхождения, — после заселения Кубани не смешались, хотя и жили по-соседству. Лишь в 1860 г. они были административно объединены в Кубанское казачье войско.

В очерке "Русские" Кубанская область и кубанские казаки считаются русскими, но приведенные иллюстрации изображают в ряде случаев типично украинские формы материальной культуры (пахотные орудия, жилище) ^{23/}. Очевидно, они относятся к части края, заселенной черноморцами.

После описания жилищ кубанских и терских казаков и ставропольских крестьян (в общем, правильного, за исключением того, что саманные хаты неверно названы глинобитными), сказано: "Подобный тип жилища, занесенный на Кубань в конце XVIII — начале XIX в. выходцами с Украины, оказал влияние на все народное строительство Кубани, Терека и Ставрополя" ^{24/}. Это верно, но следовало подчеркнуть, что данный тип жилища не случайно "занесен" каким-то незначительным количеством "выходцев", а является этнической традицией украинцев, составляющих значительную часть населения не только Кубани, но и соседних областей.

Действительно, по переписи 1926 г., на всем Северном

^{22/} Там же, стр.146.

^{23/} Там же, стр.169 и 299.

^{24/} Там же, стр.306.

Кавказе (в границах края того времени) великоруссы составляли 3 841 230 чел. или 45,93 %, а украинцы — 3 107 022 чел. или 37,15 % (остальные 16,22 % составляли другие народы)^{25/}. В частности, украинцы составляли большинство населения не только в Кубанском и Черноморском округах (тогда край делился на округа), но и в сельской местности Донского округа, и в некоторых районах округов Сальского (районы Воронцово-Николаевский, Заветнинский, Зимовниковский и Ремонтинский), Армавирского (районы Баталпащинский, Невинномысский и Успенский), Ставропольского (районы Курсавский, Дивенский и Винодельнический) и Майкопского (Хадыженский район)^{26/}.

Эти более чем три миллиона украинцев не только занесли на Северный Кавказ, в том числе и на Кубань, формы хозяйства, материальной культуры и быта, но продолжали и продолжают совершенствовать их. Более того, русские во многих местах края заимствуют эти украинские элементы, потому что украинцы еще до переселения на Кубань выработали у себя на родине культуру, соответствующую степным условиям жизни, русские же при переселении на Кубань попадали в такие условия впервые.

Надо сказать, что в этнографическом картографировании населения Кубани еще ранее были допущены грубые искажения действительного соотношения народностей. Так, в 1929 году А.Г.Жаниевым, сотрудником КИПС'а^{27/}, была составлена этнографическая карта Кавказа, изображавшая русскими не только украинцев, но и адыгейцев, и карачаевцев. Эта карта не была опубликована только благодаря отрицательной рецензии ав-

^{25/} А.И.Говулов. Морфология населения. Опыт изучения строения основных свойств населения Северо-Кавказского края по данным трех народных переписей — 1926, 1920, 1897 гг. Ростов-на-Дону, 1929, стр.170.

^{26/} Там же, стр. 173.

^{27/} Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран.

тора настоящего сообщения ^{28/}. Немногим лучше было показано украинское население Кубани и других районов на этнографической карте СССР, изданной в 1951 г., о которой мы также высказывались в печати ^{29/}.

Если в этнографическом картографировании Кубани совершались ошибки при доброкачественных материалах, то нетрудно представить себе, каковы будут результаты использования материалов переписи 1959 г. Хотелось бы предостеречь участников комплексной экспедиции Института этнографии, изучавших быт и культуру населения Краснодарского края, как вероятных авторов монографии этой экспедиции, от некритического использования дефектных демографических материалов, а также и от поспешных выводов относительно этнической интеграции населения.

Процесс интеграции народов сложен и длителен. Если во время переписи народ почему-то употребляет этноним другого народа, то это еще не значит, что он утратил свой тип, язык, хозяйственные особенности, быт и культуру. На Кубани этот процесс находится еще в начальной стадии, и трудно сказать, сколько поколений потребует для его завершения. Указанные ошибки переписи можно и нужно исправить подробным изучением бытовых и языковых особенностей населения Кубани.

В настоящее время в культуре и в быту старое быстро заменяется новым. Но это новое является новым не только для украинцев, а и для русских, и для других народов, и не только на Кубани. Этот прогрессивный социалистический процесс развития является наднациональным. Так, в сельском хозяйстве старые земледельческие орудия у всех народов СССР в

^{28/} Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови, вып.3, Київ, 1931, стр. 118.

^{29/} Карта народов СССР, учебная для средней школы, масштаб 1: 5000000, составлена Институтом этнографии АН СССР, М., 1951. А.С.Безкович, Карта народов СССР,— Сб, 1953, № 2, стр. 235-237.

равной степени заменены новой техникой. В таком же плане развивается современная одежда. Исчезли за ненадобностью многие надворные хозяйственные постройки, перепланированы усадьбы.

Но, например, жилые дома во многих случаях сохранили этнические особенности. Так, на Кубани новые жилища отличаются от старых, но стоит заглянуть в дом, присмотреться к плану, к размещению мебели и ее стилю, как сразу убеждаешься в сохранности старых этнических традиций.

Украинский язык на Кубани тоже изменился, особенно у молодого поколения, но не стал чисто русским. Сохраняются два говора — западный и восточный. Первый развивается на основе восточно-украинского наречия, а второй — на основе южно-русского с донским говором. На оба говора влияет русский литературный язык, который, однако, легче воспринимается населением в восточной, чем в западной части края. Хотя авторы раздела "Русский язык и его диалекты" показывают на карте-грамме язык на Кубани единым говором ^{30/}, однако в пояснительном тексте всё же признается наличие нескольких говоров ^{31/}.

У старшего поколения, особенно у женщин западной части края, еще хорошо сохранился украинский язык. Часть мужчин — двуязычные, владеют украинским и русским языками. Дома, в семье, с родственниками, соседями и одностаничниками-украинцами они говорят по-украински, а с русскими и в учреждениях — по-русски. Но их русский язык — с сильным украинским акцентом и со множеством украинских слов, измененных на русский лад. Сохраняется ряд бытовых обычаев с устойчивыми украинскими традициями.

Итак, даже учитывая все отмеченные изменения в культуре и языке, мы всё же не можем согласиться, что украинцы Кубани уже обрусели в такой степени, как это изображается в работах

^{30/} "Народы...", стр.148.

^{31/} Там же, стр.149.

Института этнографии. Сближение с русскими, действительно, происходит, но не через одностороннее заимствование русского, а через создание совместно с русскими новых, более совершенных форм хозяйства, культуры и быта, при сохранении ряда этнических традиций, как у украинцев, так и у русских.

СОКРАЩЕНИЯ

ВМУ	— Вестник Московского университета
Г.В.	— Губернские Ведомости
ГМЭ	— Гос. Музей этнографии народов СССР
ИАО	— Известия Археологического общества
ИГАИМК	— Известия Гос. Академии истории материальной культуры
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОИДР	— Общество истории и древностей российских
СЭ	— Советская этнография
Тр.ГИМ	— Труды Гос. Исторического музея
Тр.ИЭ	— Труды Института этнографии, новая серия
Тр.ОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы
УАК	— Ученая архивная комиссия
ЦГАДА	— Центральный гос. архив древних актов

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции

Л.Н.Гумилев. Несторианство и древняя Русь

Г.Г.Громов. География пахотных орудий русских крестьян в XIX в.

А.А.Шенников. О происхождении и назначении повалуши

Г.А.Соколова. Верования крестьян Вологодской губернии конца XIX в.

И.Н.Уханова. Некоторые замечания об архитектурной резьбе по дереву Волжско-Окского междуречья

Н.А.Федорова-Дылёва. Охота у русских на Севере

Г.В.Шипунова. Народное искусство коми (резьба по дереву)

А.С.Безжович. Современный этнический состав населения Краснодарского края

Сокращения

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

Цена 50 коп.

13 Окт 1950

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР

Отделение этнографии

ДОКЛАДЫ ПО ЭТНОГРАФИИ

Выпуск 5

ЛЕНИНГРАД

1967